

ВОИН РОССИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Илья ДРОКАНОВ
Ленинградское
время

Владимир ШИГИН
Штурм Корфу

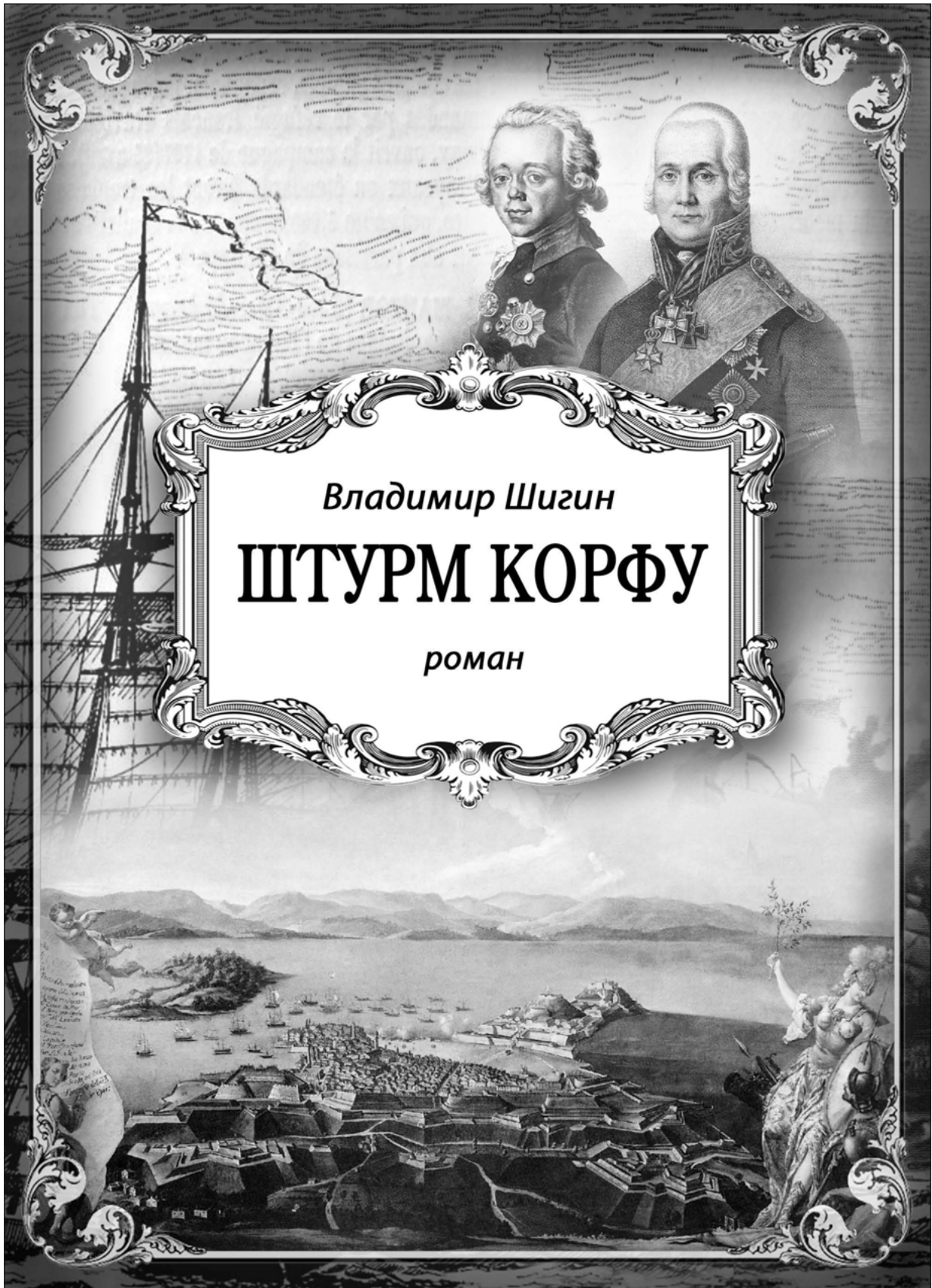
Юрий ПАХОМОВ
Путешествие с Гумилёвым

Анатолий СЕРАФОНОВ
Шальной снаряд

Сергей ИСЛЕНТЬЕВ
На нейтральной полосе

4.2020

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГДЕ НАША НЕ ПРОПАДАЛА!

Глава первая

ОСВОБОДИТЕЛЬ НЕАПОЛЯ

Когда Ушаков срывал печати с переданного ему письма Нельсона, пушки его кораблей еще не успели остыть от бомбардировки Корфу, к тому же на отправку эскадры в Италию у него пока не было полномочий от императора Павла. Однако бросить в беде союзников Ушаков тоже не мог. К тому же на Корфу прибыл министр неаполитанского короля Антониу Мишеру. Министр уже не просил, а умолял русского адмирала не бросать в беде его короля. Ушаков обещал подумать.

– Делать нечего, союзников надо выручать, – сообщил он после некоторых раздумий Пустошкину. – Будем высылать отряд к берегам итальянским.

– Одобрят ли Петербург? – с сомнением посмотрел на него старый соратник.

– Не знаю, но надеюсь, что не осудит, – усмехнулся адмирал.

– Кого хочешь послать старшим?

– Думаю, Сорокина – и опытен, и храбр, и осмотрителен. Лучшего просто нет!

В тот же день капитан 2 ранга Александр Сорокин получил приказание с четырьмя фрегатами и батальоном солдат отправиться к берегам Бриндизи и атаковать французов на побережье. С Сорокиным отправился в поход и министр Мишеру.

***

Хотя Нельсон слал Ушакову слезные письма о помощи, сам он воевать пока не собирался, наслаждаясь обществом Эммы Гамильтон. Отсутствие на морских коммуникациях Нельсона с целой боевой эскадрой вызывало законное возмущение остальных британских флотоводцев, тем более что сил для поддержания блокады всего захваченного французами побережья стало явно не хватать.

В этих условиях энергичный капитан Сидней Смит, отвечавший за район Средиземного моря в районе Сицилии, видя, что от Нельсона нет никакого проку, решил для пользы дела подчинить себе несколько нельсоновских кораблей, которые бесполезно отстаивались в гаванях. Нельсон, естественно, сразу же оскорбился и написал гневную жалобу графу Сент-Винсенту: «Я действительно чувствую, ибо я живой человек, что для меня невозможно служить в этих морях, когда здесь будет эскадра под

командованием младшего офицера. Мог ли я ожидать, и еще от кого, от графа Спенсера! Нужно ли это терпеть? Очень прошу вас, позвольте мне уйти в отставку. Надеюсь, вы разрешите команде “Вэнгарда” доставить в Англию меня и моих друзей, сэра Уильяма Гамильтона и его супругу».

Аналогичное возмущенное письмо Нельсон отправил и первому лорду Адмиралтейства.

Разумеется, это был чистойшей воды шантаж. Прекрасно понимая, что никто в столь трудное для страны время не посмеет отправить в отставку героя Абукира и любимца простого народа, Нельсон просто вынуждал Адмиралтейство наказать своего вольного Смита.

– Он ведет себя, как капризный ребенок. Иначе я просто не могу объяснить его требование, чтобы в разгар боевых действий я отдал для перевозки его любовницы целый линейный корабль, – возмутился граф Сент-Винсент.

Естественно, никто в отставку Нельсона не отпустил. Вскоре он получил бумагу, где его успокаивали, что капитан Смит не имеет никакого права командовать контр-адмиралом Нельсоном и его кораблями.

– Мне все надоело, – жаловался он любимой Эмме. – Меня обходят славой и должностями. Совершенно несносен стал даже милый Сент-Винсент. Я так устал от войны и даже от жизни!

Как пишут биографы Нельсона, именно в Палаццо Палагония Нельсон и леди Гамильтон приняли решение жить открыто вместе. Все нормы некоторого внешнего приличия в их отношениях, которые любовники до той поры еще соблюдали, были теперь преданы полному забвению. Что касается сэра Гамильтона, то он молчаливо уступил свое брачное ложе своему молодому и более именитому сопернику, оставшись при любовниках на положении «друга». Король Фердинанд с королевой Марией-Каролиной только приветствовали решение Нельсона и Эммы жить вместе, так как это гарантировало защиту Сицилии от вторжения французов.

В море, как и прежде, Нельсон не торопился, а все время проводил в прогулках с Эммой и визитах к королевской чете. Следом за любовниками всюду следовал старый сэр Гамильтон, отвергнутый, но безропотный.

Эмму Гамильтон современники совсем не зря именовали самой испорченной женщиной своего времени. Едва завоевав сердце Нельсона, она уже сочла, что ей этого мало, и тут же завела роман с одним из его капитанов. Самое удивительное, что об этом романе Нельсон был прекрасно осведомлен, но это его нисколько не смущало. Наоборот, он гордился тем, что обладает столь красивой женщиной, которая нравится всем остальным мужчинам.

Окончание. Начало в №№ 2, 3, 2020.

Заместитель главнокомандующего Средиземноморским английским флотом лорд Кейт писал по поводу поведения Нельсона своей сестре в Лондон: «Говорят, что лорд Нельсон скоро отправится домой и, по словам графа Сент-Винсента, не на “Вэнгарде”. В свете говорят, что он попал в сети к леди Гамильтон и бездельничает в Палермо в то самое время, когда должен быть совсем в другом месте. Так утверждают Г. Хоуп и другие офицеры, прибывшие оттуда. Корабль из Палермо привез совсем плохие новости о Сицилии: народ презирает и оскорбляет короля, тот, в свою очередь, выколачивает деньги, надеясь сбежать с ними в Триест; королева, леди Гамильтон, генерал Эктон, лорд Нельсон – все являют собой нелепое зрелище, все заносчивы и глупы».

Вскоре в Палермо прибыл английский пехотный полк генерала Чарльза Стюарта, незадолго до этого отбившего у французов остров Минорку, за что генерал получил титул рыцаря и орден Бани. С прибытием тысячи английских солдат за безопасность Сицилии можно было больше не волноваться. Однако для того чтобы отбить у французов Неаполь, этой тысячи было недостаточно.

Капитаны Нельсона рвались в бой, но командующий в море по-прежнему не спешил, наслаждаясь любовью.

– Пока мы любуемся лобзаниями нашего адмирала с женой посла, все победы, чины и ордена растащат без нас. Нам же останутся лишь воспоминания о любовных утехх Нельсона, – ругались они между собой.

Дело дошло до того, что старший из капитанов эскадры Трубридж от имени всех остальных обратился к Нельсону с официальным письмом, призывая его к активности: «Простите меня, мой лорд, но только мое глубокое уважение к вам заставляет меня заговорить об этом. Я знаю, что вы не можете испытывать удовольствие, просиживая всю ночь за картами. Зачем же в таком случае приносить ваше здоровье, комфорт, деньги, свободу – в общем, все – в жертву обычаям страны, где ваше пребывание не может быть длительным? Я не согласился бы, мой лорд, остаться в этой стране, даже если бы мне отдали всю Сицилию. Я верю, что война скоро закончится, мы покинем это гнездо всяческого позора и будем испытывать удовольствие от улыбок наших соотечественниц... Если бы вы знали, перестали бы участвовать в ночных бдениях. Об азартных играх в Палермо открыто говорят повсюду. Я умоляю вашу светлость оставить их... Верю, что ваша светлость извинит меня. Лишь глубокое уважение, которое я питаю к вам, заставляет меня пойти на риск возбудить ваше неудовольствие».

Удивительное письмо! Старший из капитанов умоляет своего адмирала прекратить участие в оргиях и карточных играх во имя чести нации! Он деликатно напоминает ему о ждущей жене, о недопустимости подрыва авторитета, о его долге. Как

же отреагировал на это письмо Нельсон? А никак! Нельсон продолжал как ни в чем не бывало развлекаться, а эскадра прозябала без всякой пользы для общего дела.

Но было бы неправдой сказать, что Нельсон только развлекался. Находясь в Палермо, он следил за перемещением торговых английских караванов и выделял суда для их сопровождения. Вел большую переписку с Петербургом и Константинополем, писал письма и Ушакову. Однако покинуть Палермо он отказывался наотрез.

Чтобы Трубридж больше не донимал его призывами к совести, Нельсон отправил его с отрядом кораблей в Неаполитанский залив. Помимо блокады города Трубридж захватил два небольших островка у побережья – Исакия и Прочида. На островках немедленно начались расстрелы всех сочувствующих республиканцам. Однако карательные методы англичан лишь озлобили островитян, и те начали оказывать сопротивление. Теперь почти каждую ночь отчаянные лаццарони вырезали английские патрули. Картина получилась та же, что и при приходе французов: начальная эйфория, затем разочарование и, наконец, ненависть. К чести Трубриджа, он быстро все понял и вернул матросов на корабли.

– Пусть итальянцы разбираются у себя сами! – заявил он и потребовал, чтобы из Палермо прислали на острова королевского судью.

Тот прибыл. Объявил кучу смертных приговоров, а затем стал проситься перебраться на корабль Трубриджа. Недовольный Трубридж отослал Нельсону письмо: «Сейчас долго разговаривал с судьей, присланным сюда королевским двором. Судья сказал, что на будущей неделе закончит свои дела и что люди, занимающие должности такие, как его, обычно уезжают в безопасное место после того, как объявят приговоры. Поэтому судья просил отправить его обратно и при этом намекнул, что хотел бы отправиться на военном корабле. В этой беседе я узнал также, что осужденные священники должны быть доставлены в Палермо, там будет произведено в присутствии короля их расстрижение, и затем они будут привезены сюда обратно для казни. Использовать английский военный корабль для такой цели! Кроме того, судья просил у меня палача. Я решительно отказал ему в этом. Если не можете найти палача здесь, пусть ищет в Палермо. Я догадываюсь об их цели – они хотят выставить нас вперед в этом деле, чтобы потом всю гнусность его свалить на нас».

Честный и благородный Трубридж! Несмотря на все свои боевые заслуги, он никогда не станет адмиралом. Нам не известен ответ Нельсона своему капитану, однако действия, которые предпримет в скором времени Нельсон в Неаполе, говорят за то, что упоминаемый королевский судья был контр-адмиралу ближе душой, чем собственный капитан.

Вскоре Трубридж был отозван в Палермо, а на его место назначен менее щепетильный в подобных делах капитан Фут.

***

Между тем оглушительный разгром Моро при Адде, падение Милана и Турина, дальнейшее стремительное наступление Суворова грозили положить конец французскому господству в Италии. Все, что было с таким трудом завоевано, летело ко всем чертям. Парижу было уже не до Неаполя. Теперь впору было думать о том, как удержать в целостности собственные границы. К тому же и в самом Неаполе французы перегнули палку. Наложив огромную контрибуцию, они одним махом настроили против себя всех имущих горожан, а начав насильственно вводить республиканские порядки, и неимущих крестьян, всегда питавших особые чувства к королю. В стране началось мощное роялистское движение не столько за Фердинанда, сколько против французской оккупации. Сменившему генерала Шампюне Макдональду пришлось нелегко. С севера над ним нависал Суворов, с которым шутки были плохи. Вокруг multiplied повстанцы. Чтобы не оказаться окруженным в южной Италии и не попасть под удар Суворова, надо было спешно вести 30-тысячную армию из пределов Неаполя и Рима на соединение с армией недобитого Моро. Оставив символический гарнизон в замке Сант-Эльмо, французы двинулись на север.

Что касается французского флота, то он после Абукира был так слаб, что не мог даже демонстрировать свой флаг. Британский флот, наоборот, пополнившись захваченными французскими кораблями, властвовал над всем Средиземноморьем.

Вести о первых победах Суворова вселили некоторую бодрость в сердце короля Фердинанда.

– Теперь я верю, что мне не суждено будет до конца своих дней прозябать на Сицилии!

Одновременно по всей Италии начали стихийно образовываться христианские отряды, которые возглавил воинственный кардинал Фабрицио Руффо.

Свои письма о помощи Ушакову Нельсон писал тогда, когда Макдональд еще крепко держал в своих руках южную Италию. Теперь же французские полки ушли на север и все изменилось. Если раньше английский контр-адмирал просил русского адмирала о помощи, то теперь, наоборот, он ее уже не желал. Наконец в мае Нельсон решился.

– Я решил плыть в Неаполь! – объявил контр-адмирал. – В последние дни у меня возникли мысли, что Ушаков не ограничится дружеской помощью, а попробует сам пожать лавры освободителя Неаполя.

Увы, Нельсон мерил Ушакова своими мерками. Как плохо он знал благородного и честного русского адмирала!

К плаванию срочно были приготовлены 14 линейных кораблей и фрегаты. На борт был принят наследный принц, затем генерал Актон и полторы тысячи королевских гвардейцев. Собралась «освободить» Неаполь и чета Гамильтонов. Последнее не было одобрено ни королем, ни королевой. Однако, понимая всю пикантность ситуации между Нельсоном и Эммой, Мария-Каролина все же решила отправить Гамильтонов в плавание. Своим приближенным она оправдала свое решение следующим образом:

– Пусть лорд Нельсон просит у меня возможность еще раз показать миледи Гамильтон свою любовь и представить ее на короткое время королевой в Неаполе. Я не возражаю, лишь бы дело было сделано!

В назначенное время эскадра оставила Палермо и взяла курс к Неаполю. Но через два дня, к всеобщему удивлению, она снова вернулась в Палермскую гавань. Оказалось, что в пути Нельсона встретили два линейных корабля с известием от главнокомандующего о том, что только что французский флот вице-адмирала Брюи рискнул покинуть Тулон. Одновременно с ними покинули Картагену и испанцы. Англичане сразу засуетились. К Тулону бросился со своей эскадрой вице-адмирал Кейт. Нельсону же было предписано немедленно покинуть Палермо, спешить на перехват неприятеля и занять позицию у острова Маритимо, чтобы воспрепятствовать возможному соединению французского и союзного с ним испанского флотов. С большой неохотой Нельсон покинул Эмму. Под командой его было 16 линейных кораблей.

***

В это время противоборство с французским флотом складывалось у англичан следующим образом. Французский флот численностью в 25 линейных кораблей был блокирован в Бресте 16 кораблями английской эскадры лорда Бридпорта и адмирала Александра Гуда. Однако в марте в Брест прибыл морской министр Франции вице-адмирал Этьен Брюи с предписанием директории о выходе в море при первом же благоприятном ветре. 14 апреля, воспользовавшись туманом, Брюи вывел свой флот и скрылся от англичан в неизвестном направлении. Одновременно во французских газетах появились сообщения о том, что флот с десантом будет направлен в Ирландию. Адмирал Гуд, поверив этим известиям, сразу же поспешил к берегам Англии. О планах французов он немедленно известил и сторожившего неприятеля в Гибралтаре лорда Сент-Винсента. Увы, на самом деле планы французов были совершенно иными и английские адмиралы стали жертвой хитроумного плана Этьена Брюи. По французскому плану их флот должен был соединиться с испанским, а затем общими силами прорваться

в Средиземное море, чтобы деблокировать Корфу, Мальту и Египет, где еще держался вернувшийся из неудачного похода в Сирию Бонапарт. Только перед самым выходом в море французы узнали о взятии Корфу адмиралом Ушаковым. Но план операции изменять не стали.

23 апреля лорд Кейт, блокировавший испанский Кадис, получил известие о приближении французского флота. Не исключая выхода из Кадиса 20 испанских кораблей, он понимал, что никак не сможет со своими 15 кораблями противостоять 40 неприятельским линкорам.

24 апреля французский флот подошел к Кадису. Брюи, имея наветренное положение и превосходство в силах (24 линкора против 15), решил атаковать англичан и вместе с испанцами попытаться взять их в два огня. Но свежий ветер помешал вовремя выйти в море испанскому флоту, а потом, решив все же не испытывать судьбу, Брюи поспешил к Гибралтару. Кейту ничего не оставалось, как двинуться вслед за удаляющимися французами. Тогда-то и были посланы сообщения контр-адмиралу Дуквурту на Минорку и Нельсону в Палермо.

30 апреля, стремясь защитить Минорку, Сент-Винсент направился туда с 16 линкорами. В это время, воспользовавшись отсутствием у Кадиса англичан, оттуда вышел испанский флот вице-адмирала Лакроссе и, зайдя в Средиземное море, оказался в Картахене. В пути испанцы попали, однако, в сильный шторм, а потому до Картахены их флот добрался в небоеспособном состоянии. Что касается лорда Сент-Винсента, то он допустил непростительную ошибку. Вместо того чтобы сторожить союзников между Картахеной и Тулоном, что гарантировало их уничтожение по одному, он отправил часть эскадры к Нельсону в Палермо, опасаясь, как бы французы не напали на Сицилию. После этого лорд Сент-Винсент окончательно занемог. Он передал дела вице-адмиралу Кейту и отбыл в Англию.

16 мая французский флот в составе 22 линейных кораблей и большого количества мелких судов покинул Тулон. Именно этот выход и помешал желанию Нельсона освободить Неаполь.

Что касается нового главнокомандующего английским флотом на Средиземном море, то он действовал столь же неудачно, как и его предшественник. Вместо того чтобы накрепко заблокировать испанцев в Картахене и дать бой французам, вице-адмирал Кейт не торопясь направился к Тулону. Когда же он туда подошел, французский флот давно покинул порт.

В новом походе Нельсону явно не повезло. Вначале он решил, что французы с испанцами будут прорываться в Египет к Бонапарту, а потому занял позицию на параллели островка Маритимо, что западнее Сицилии, перекрыв самый узкий проход из западной части моря в восточную. Помимо этого в разные стороны он разослал дозорные фрегаты. Не-

сколько судов отправил Нельсон и на поиски Ушакова, чтобы объединить все союзные силы, но те русскую эскадру не нашли. Впрочем, судя по всему, не очень-то и искали.

При этом Нельсон снова считал себя обиженным.

– Почему Сент-Винсент назначил в свои преемники этого тугодума Кейта, а не меня? – обращался он к своим капитанам.

Те только пожимали плечами, мол, мы-то откуда знаем.

Больше всего удручало Нельсона, что в случае обнаружения французского флота он немедленно поступал в подчинение столь нелюбимого им Кейта.

Отправившись во главе эскадры в район острова Маритимо, Нельсон две недели безрезультатно ждал там французов. При этом почти каждый день его бомбардировала письмами неумолимая Эмма. Ее послания доставлялись специальными почтовыми пакетботами. Из письма Эммы Гамильтон Нельсону: «Любезный лорд! Я провела вечер у королевы. Она очень несчастна! Она говорит, что народ неаполитанский вполне предан королю, однако только одна эскадра Нельсона может восстановить в Неаполе спокойствие и покорность законной власти. Вследствие того королева просит, умоляет, закликает Вас, любезный лорд, если только возможно, отправиться в Неаполь. Ради бога, подумайте об этом и сделайте то, что просит королева. Если Вы позволите, мы отправимся вместе с Вами. Сэр Уильям нездоров, я также чувствую себя дурно: это путешествие будет нам полезно. Да благословит Вас Бог!»

21 июня терпению Нельсона наступает предел. Он самовольно бросает район крейсерования и возвращается в Палермо к Эмме.

***

В это время, не найдя флот Брюи у Тулона, вице-адмирал Кейт решает стеречь его у Минорки, а потому, готовясь к генеральному сражению, приказывает Нельсону прислать ему несколько своих линейных кораблей. Но тот игнорирует приказ, ссылаясь, что сам вынужден отправить часть эскадры к итальянскому берегу для действий против тамошних республиканцев. К счастью для Нельсона, французы у Минорки не показались, однако Кейт все же написал жалобу на неподчинение ему контр-адмирала. На некоторое время его жалобу отложили под сукно: надо было разобраться, куда же улизнули французы. Когда же во всем разобрались, то взгрустнули.

Тем временем победы Суворова внесли изменения в первоначальные планы Брюи. Теперь флот надо было использовать, прежде всего, для эвакуации французских войск из Ливорно и доставки подкреплений в Геную терпящему поражению генералу Моро. Уже в море Брюи получил новое распоряже-

ние директории – соединиться с испанцами, а затем следовать к Мальте, деблокировать ее и только потом идти к Генуе, чтобы вывезти хотя бы часть заблокированной армии Моро. Получил Брюи и пакет для генерала Бонапарта, которому приказывалось срочно прибыть в Италию из Египта, чтобы принять командование французскими войсками против неудержимо наступавшего Суворова.

25 мая Брюи прибыл в Геную. Выгрузив подкрепление для Моро, он немедленно вышел в море и в ночной темноте благополучно разошелся с английской эскадрой Кейта. 12 июня Брюи был уже в Картахене, где успешно соединился с подчинившимся испанским флотом. Теперь под флагом Брюи было уже 40 линейных кораблей. Несмотря на это, от плавания в Египет осторожный Брюи все же отказался. Туда были посланы лишь несколько легких фрегатов. Брюи предложил было испанскому командующему выманить англичан из Средиземного моря, после чего осуществить экспедицию на Мальту. Но испанский адмирал, боясь блокады Картахены, предложения не принял.

Что касается англичан, то и они времени даром не теряли, стянув к этому времени в Средиземное море 50 линейных кораблей. Увы, ничего путного вся эта армада сделать так и не смогла. Пока английские эскадры металась по всему Средиземноморью, франко-испанский флот вновь миновал Гибралтар и без всяких происшествий прибыл в Кадис, а оттуда, пополнив запасы, французы перешли в Брест. Кейт погнался было за ними, но безуспешно. Ловушки англичан на этот раз не сработали. И все это при их полном господстве на море!

Что касается Брюи, то, несмотря на несомненный успех в угадывании намерений английских адмиралов и их одурачивании, почти никаких реальных результатов этот смелый рейд франко-испанского флота в Средиземное море не имел.

Однако теперь в Атлантике утвердился мощный франко-испанский флот, явно нацеленный на Англию. Средиземное море сразу же стало второстепенным театром морской войны. Узнав, что французы убралась в Брест, Нельсон вернул свою эскадру в Палермо. Там он сообщил королю Обеих Сицилий о том, что главнокомандующий дал ему полную свободу действий в пользу Его Величества. Обрадованный Фердинанд сразу же попросил Нельсона поспешить в Неаполь.

– Я только приведу в порядок такелаж и полностью запасы, после чего сразу же поспешу на всех парусах к вашей столице, – отвечал ему Нельсон, хотя особого желания покинуть Эмму после весьма продолжительной разлуки он не испытывал.

Уже готовя корабли к переходу в Неаполь, английский контр-адмирал обратился к королю Фердинанду с неожиданным предложением:

– Ваше Величество! Не желаете ли присоединить к своей короне такую жемчужину, как Мальта?

Король только что вернулся с охоты и был полон приятных воспоминаний о свеживании убитого оленя.

– Не надо мне вашей Мальты, Нельсон! – замахал он руками. – Я не знаю, как мне возвратиться в Неаполь, а вы еще Мальту мне суете. Там же французы! К тому же русский царь Павел стал магистром Мальтийского ордена и очень обидится на меня, если я полезу в его дела. Зачем мне новая головная боль?

– Но Ваше Величество, – не унимался Нельсон, – я просто напоминаю вам указ императора Карла Пятого, который, отдавая в шестнадцатом веке остров в правление монашествующим рыцарям, оговорил, что если они когда-нибудь покинут остров, то тот переходит под власть сицилийских королей.

– Что бы ни говорил Карл Пятый двести пятьдесят лет назад, не мне сейчас тягаться в драке за Мальту. Там и без меня большая очередь желающих, – ответил Фердинанд вполне разумно, зевая в кулак.

– Тогда не будете ли вы против, если Великобритания от вашего имени возьмет на себя заботу об острове? – снова перешел в наступление Нельсон.

– Ради бога! – махнул пухлой рукой Фердинанд. – Делайте с ней что угодно. Меня это не касается.

– Прекрасно! – встрял в разговор сэр Гамильтон и достал из портфеля хрустящие листы бумаги. – Скрепим наше соглашение подписями и печатями.

Фердинанд Четвертый безропотно чиркнул пером. Его секретарь прихлопнул бумагу гербовой королевской печатью.

– Разрешите откланяться, Ваше Величество! – склонили голову Нельсон и Гамильтон.

– Кажется, дело сделано, – обменялись они мнением, когда покинули королевский дворец. – Рано или поздно, но Мальта будет нашей!

На следующий день Нельсон с Эммой уже обговорили все вопросы с Марией-Каролиной, а еще несколько дней спустя король Фердинанд Четвертый официально объявил, что он провозглашает себя законным правителем Мальты, но вверяет ее судьбу в руки Англии.

Таким образом, теперь на Мальту одновременно претендовали сразу два «законных» властителя: император Павел Первый, ставленник не смирившихся с потерей острова рыцарей-госпитальеров, и король Фердинанд в силу стародавнего испанского документа, вытянутого на свет божий Нельсоном и леди Гамильтон. При этом сама Мальта была все еще в руках французов, а блокировала остров английская эскадра. Разобраться в этом хитром пасьянсе не было под силу никому.

О своем ставленнике Нельсон сразу же известил блокировавшего остров капитана Белла: «Король неаполитанский есть законный государь острова Мальты, и я согласен с тем, что его флаг должен

развеваться во всех пунктах острова. Но так как можно не сомневаться, что неаполитанский гарнизон сдаст остров любому, кто пожелает заплатить, то необходимо, чтобы Мальта находилась под покровительством Великобритании на всем протяжении войны. Поэтому король неаполитанский желает, чтобы во всех пунктах, где развевается неаполитанский флаг, рядом с ним был поднят английский флаг. Я уверен, что неаполитанское правительство без каких-либо возражений уступит владение Мальтой Англии. На днях я вместе с сэром Уильямом Гамильтоном добился у короля тайного обещания не уступать Мальты никому без согласия британского правительства. Вы не должны допустить, чтобы на острове развевался какой-либо флаг, кроме английского и неаполитанского. В случае если какая-либо группа мальтийцев захочет поднять русский флаг, то впредь ни король, ни я не позволим мальтийцам ввозить из Сицилии хлеб для собственных нужд».

Что и говорить, это был весьма сильный ход. Впрочем, обладать Мальтой мог только тот, кто ее захватит. Для того чтобы оправдать владение островом, аргументы имелись у всех. Однако если Ушаков вел себя в отношении англичан предельно корректно, как и подобает союзнику, то Нельсон, не без оснований боясь энергичного и предприимчивого русского адмирала, действовал откровенно враждебно.

Удивительно, но неприязнь к русским, которую Нельсон афиширует в своих письмах, совершенно не помешала ему выпрашивать у тех же русских награды. Через голову Ушакова в эти же дни Нельсон трижды пишет в Петербург, прося российского императора наградить мальтийскими крестами капитана Белла, который уже больше года блокирует Мальту, и... леди Гамильтон за ее невиданную заботу и гостеприимство к бежавшим с острова мальтийцам.

Подумав, Павел Первый велел переслать Нельсону два белоэмалевых крестика. В Англии известие «об удостоении» жены посла российской награды вызвало немало разговоров и популярности леди Гамильтон не прибавило.

Сам Нельсон сразу же заказал портрет любимой с мальтийским крестом на груди, который повесил в своей каюте. А Мария-Каролина сочла скромный крестик недостойным своей блистательной подруги и велела украсить его бриллиантами.

***

Двадцать третьего апреля 1799 года капитан 2 ранга Сорокин подошел к городу Бриндизи и установил там власть неаполитанского короля.

Вот что писал Ушаков русскому посланнику в Константинополе Томаре о взятии Бриндизи: «Милостивый государь Василий Степанович! С удовольствием имею честь уведомить ваше превосходительство, что неаполитанского владения город Бриндичи (так в тексте. – **В.Ш.**) и крепость при оном

отрядами нашими от французов освобожден. С всеподданнейшего рапорта Его Императорскому Величеству и с письма губернатора города Летчи, к неаполитанскому консулу писанного, прилагаю копии, из которых усмотреть изволите, в какой робости находятся теперь французы. Коль скоро увидели они приближающуюся нашу эскадру к Бриндичи, из-за обеда без памяти бежали на суда и ушли; оставили даже весь прибор свой на столе, собранные в контрибуцию деньги и серебро, ничего из оногo взять не успели. С таковым добрым предзнаменованием ваше превосходительство поздравить честь имею».

Далее русские суда повернули на север. Следующей на очереди была небольшая крепость Марло. Высаженным на берег десантом командовал капитан-лейтенант Белли. Его действия были настолько успешны, что крепость также вскоре капитулировала. Такая же участь постигла и следующую манфредонийскую крепость Фаджио.

Капитан-лейтенант Григорий Белли далеко не последний герой в нашем повествовании, а потому познакомимся с ним поближе.

...В один из летних дней 1782 года на квартиру русского посла в Англии графа Семена Воронцова явился молодой человек.

– Генрих Белли, – назвал он себя. – Штурманский помощник. Желая предложить свою шпагу русской императрице.

Воронцов невольно улыбнулся. Офицер был на удивление худ, фамилия же его в дословном переводе на русский означала не что иное, как «пузо». Большого несоответствия фамилии и ее обладателя граф еще не встречал. Проситель пришелся послу по душе, и вопрос о приеме на русскую службу был решен довольно быстро.

Спустя недолгое время в списке офицеров русского флота появился мичман Григорий Григорьевич Белли. Через год он был уже лейтенантом, еще через три – капитан-лейтенантом и командиром судна «Полоцк», а с открытием военных действий против турок в 1787 году поступил под начальство Федора Ушакова, с которым и прошел все главные сражения – при Керчи, Фидониси, Гаджибее и Калиакрии, получив за последнее орденом Святого Владимира... К началу экспедиции Ушакова он был уже капитан-лейтенантом и командиром фрегата «Счастливыи». Белли неплохо показал себя при освобождении островов, и особенно при Корфу. Биограф героя так пишет об участии Белли во взятии крепости Корфу: «Во время осады Корфу Белли не сидел сложа руки и, если не получил в период блокады острова никакой награды, то только потому, что император Павел был недоволен вообще всей экспедицией...»

И вот теперь капитан-лейтенант был на пороге главного подвига своей жизни.

От Бриндизи фрегаты Сорокина двинулись вдоль берега Италии до городка Манфредония. Там тоже был высажен десант: пятьсот солдат и сотня

матросов во главе с капитан-лейтенантом Белли. Там произошло то же, что и в Бриндизи. Французы бежали, и наши подняли над городской ратушей русский флаг.

Затем в кают-компании фрегата «Михаил» состоялось совещание. Сорокин инструктировал Белли, что и как тому следует делать. Сидевший рядом министр Мишеру потягивал кофе, прислушиваясь к русской речи.

– Тебе предстоит поистине грандиозное предприятие: войти в Неаполь и вернуть его в руки законной власти. Больших французских сил там, похоже, нет, к тому же министр, – кивок в сторону Мишеру, – обещает помощь ополченцев. Но все равно будь осторожным и благоразумным! Впрочем, если обстановка изменится к худшему, то от похода можешь и отказаться. Оставляю все на твое усмотрение.

С судов свозили на берег пушки и припасы. Перед тем как съехать, Белли в последний раз обошел фрегат. Любое свое судно для капитана – это всегда не только место его работы и даже не дом, где он обитает, а живое существо, родное и близкое, со своим характером и своей душой. Доведется ли ему еще вернуться на эту такую родную палубу, где было столько пережито и передумано, удастся ли снова увидеть свою команду?

На прощание Сорокин обнял боевого товарища:
– До встречи и желаю удачи!

С неаполитанским министром капитан 2 ранга простился официальным поклоном.

Съехав на берег, Белли начал с того, что воздвиг на горе Кольено укрепление, которое назвал фортом Святого Павла, в честь флагманского корабля Ушакова. Форт стал местом формирования многочисленных повстанческих отрядов. Вскоре отряд Белли пополнился сотней матросов.

Задача, стоявшая перед капитан-лейтенантом, была действительно не из легких. Десанту предстоял небывалый по сложности и опасности поход на Неаполь. У Белли был выбор: он мог сослаться на малочисленность отряда и остаться на месте, удерживая Манфредонию, или же идти вперед навстречу врагу. Белли выбрал второе.

– У нас нет даже батальонного знамени! – обратился к нему поручик морской пехоты Ивановский.

– Это не страшно, – улыбнулся Белли.

В тот же день со «Счастливого» привезли кормовой Андреевский флаг. Теперь, одетый на древко, он стал знаменем маленького русского отряда.

12 мая в поход двинулся авангард – сто двадцать матросов с двумя пушками, через одиннадцать дней остальные 480 человек с четырьмя орудиями. Беспрецедентный рейд начался. Отряд русских моряков шел брать приступом столицу одного из могущественных государств Европы.

Первое время движению ничего не мешало. Французских войск нигде не было, а наскоро образованные отряды местных республиканцев серъез-

ного сопротивления оказать не могли. Слухи о победоносном шествии русских намного опережал сам отряд.

Антониу Мишеру ехал в середине отряда на муле и внимательно за всем наблюдал, чтобы потом доложить королю. В те дни он писал Ушакову: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток в двадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства. Это еще не все, войска заставили все население обожать их... Вы могли бы их видеть, осыпанными ласками и благословлениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями... Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем Отечестве на вечные времена». Признание исчерпывающее...

Под городком Портичи авангард Белли был атакован тысячей французов. То был один из последних отрядов армии Макдональда. Наших было всего сто двадцать человек.

– Ребята! – выхватил шпагу возглавлявший авангард поручик Ивановский. – Если заробеет, то нас сомнут, если оборотимся вспять, нас уничтожат. Наше спасение в одном – атаковать самим! А потому штыки примкнуть! Ружья на руку! Барабанщик, бей «Атаку»! Вперед!

Не ожидавшие столь стремительной штыковой атаки, якобинцы бросились в бегство. Три сотни было переколото, шестьдесят взято в плен, а остальные перебиты местными крестьянами. Наши потери составили трое убитых и несколько раненых.

Приехавший на поле битвы Мишеру был в полнейшем восторге от результатов боя:

– О, я сообщу своему государю об этой победе, покрывшей вас славой! А как я хотел бы увидеть в Неаполе адмирала Ушакова и лично рассказать ему о подвигах его маленькой армии!

По ходу движения к Белли присоединялись отряды кардинала Руффо, исполнявшего у короля Фердинанда должность главного полководца. Настоящие генералы разбежались, но храбрый кардинал их вполне заменял. Войско, правда, у него было еще то: местные крестьяне да примкнувшие мародеры и разбойники.

– Легко ли служителю Бога вести в бой за веру служителей сатаны! – говорил кардинал в отчаянии, но другого войска у него просто не было.

В течение нескольких недель Белли освободил Калабрию, после чего соединился с ополченцами кардинала Руффо. От бравого вида русских солдат и матросов кардинал был в полнейшем восторге, чего не скажешь о Белли, когда тот увидел заросших бо-

родами оборванцев, то и дело норовивших стащить все, что плохо лежит.

Вскоре объединенное войско уже стояло у стен Неаполя. Из письма неаполитанского министра Мишери на имя Ушакова: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежутках двадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства».

– Нам на короля, что на острове Сицилийском отсиживается, наплевать с грота-мачты, – говорили промеж себя наши матросы. – Нам батюшке Суворову подмочь надобно. Он на севере италийском француза колотит, а мы здесь на юге их по холке двинем. Пусть чешутся!

Белли торопился: его козырь – внезапность. Впереди была река Себето, через реку – мост Святой Магдалины. На прикрытии места шестиорудийная батарея да двухтысячная бригада генерала Виртцема. На фланге неприятеля белела парусами флотилия адмирала Королевства Обеих Сицилий Карачиолло, принявшего сторону республиканцев. В самом городе тоже не дремали: спешно готовились к обороне, воздвигали баррикады, устанавливали батареи; под ружье встала многотысячная национальная гвардия, каждый дворец или церковь были превращены в крепость. Особые же надежды защитники возлагали на неприступные замки Кастель-дель-Ово и Кастель-дель-Кармине. Главные силы республиканцев под началом генералов Бассети и Серра сосредоточились на высотах, что господствовали над городом.

Между тем отряд Белли подошел к замку Портеге и был готов к атаке. Но якобинцы, увидев приближающийся российский отряд, оставили замок и разбежались. Капитан-лейтенант тут же занял его и водрузил на башне неаполитанский флаг. Оставив в замке небольшой гарнизон, он продолжил свой марш к крепости Велиний, чтобы, не останавливаясь, атаковать ее и взять штурмом. Не оказав по «крайней робости» должного сопротивления, защитники сдали крепость, а Белли шел уже дальше, на приступ моста Магдалины. Мост был сильно укреплен и, чтобы к нему подступиться, надо было пройти вдоль берега моря под огнем 30 канонерских лодок. Тогда Белли соорудил против них батарею и «произвел жестокою канонаду».

Моряки-канониры стреляли отменно, и вскоре все шесть неаполитанских орудий, одно за другим, замолчали. Затем огонь перенесли на канонерки адмирала Карачиолло. Несколько метких залпов – и два судна, оглашая округу взрывами своих криюткамер, исчезли в волнах. Остальные отошли, рубя якорные канаты. Ободренные успехом, русские матросы бросились в штыки, и вскоре две тысячи неприятельских солдат бежали под натиском черноморцев. Пытаясь остановить панику, погиб генерал

Виртцем, его просто затоптали свои же солдаты. Достались победителям и шесть брошенных пушек. Белли потерь убитыми не имел, а раненых были лишь гардемарин Голенищев да два матроса.

Отряды кардинала Руффо уже проникли к городу со стороны слабозащищенных ворот Капо-ди-Монте. Сражение за Неаполь было в самом разгаре.

В то время как русские моряки, сбив неприятеля с моста Святой Магдалины, стремительно продвигались к городу, бежавшие от них солдаты генерала Виртцема уже донесли известие о русских штыках воинственным республиканцам. Началось смятение. Воспользовавшись им, на защитников города бросились пробравшиеся в город повстанцы-лаццарони. Не приняв боя, республиканцы отошли, однако затем, придя в себя, контратаковали. Бой на городских улицах длился двое суток. И здесь все решило мужество и бесстрашие русских моряков во главе с капитан-лейтенантом Григорием Белли. Пока мародеры кардинала Руффо предавались грабежам, матросы Белли штурмом овладели сильнейшим укреплением города – замком дель-Кармине. А затем был отчаянный штыковой бой с тысячным республиканским отрядом. И снова неприятель был обращен в бегство. Не захваченными оставались еще хорошо укрепленные замки Кастель-Нуово и Кастель-дель-Ово, занятые французскими гарнизоны. Сдаваться они не собирались.

Особенно сильно укреплен был Кастель-дель-Ово (замок-яйцо), расположенный на островке Санта-Лючия. Даже издали замок поражал мощью своих бастионов, сложенных из желтого туфа.

Кардинал Руффо, показывая рукой на замок, рассказывал Белли:

– Согласно древней легенде, поэт Вергилий в одной из комнат замка подвесил кувшин с яйцом и напроорочил, что, когда кувшин упадет и разобьется, замок превратится в руины.

– Неисповедимы пути Господни! – искренне подивился капитан-лейтенант. – В молодости я зачитывался Вергилием, а ныне должен разбить кувшин с яйцом, который он некогда повесил.

Несколько дней русские моряки готовились к штурму неприступных твердынь. Против крепостей были воздвигнуты батареи.

6 июня ударили первые залпы. Ожесточенная перестрелка продолжалась двое суток. Наконец почти все французские орудия были сбиты. И снова показали свой высокий класс артиллеристы-черноморцы. Вскоре оба замка один за другим сдались Белли. Очаги сопротивления были ликвидированы.

– Думаю, что пора предложить французам почетную капитуляцию, – подошел к кардиналу измученный штурмом Белли. – Лишнее кровопролитие не нужно ни нам, ни им.

– Если есть возможность проявить милосердие, то почему его не проявить, – согласился с капитан-

лейтенантом Руффо. – Все в руках Господа нашего. Я согласен с вами. Посылайте парламентаров.

На переговоры с комендантом гарнизона отправился сам Белли. Условия, предложенные французам, были более чем приемлемые, и заключение перемирия много времени не потребовало. По условиям капитуляции французам гарантировалась отправка на судах в Тулон. Однако помимо французов в Неаполе было много и итальянских республиканцев. Вместе с французами им тоже была обещана отправка во Францию. Республиканский генерал Бассет, однако, все словесные обещания кардинала и министра Мишеру отверг.

– Господа! Я слишком хорошо знаю нашего короля и неплохо англичан, а потому желаю видеть под актом капитуляции подписи всех уполномоченных лиц.

От российских войск акт подписал Белли, от неаполитанских – Мишеру и Руффо, а от англичан – представитель Нельсона капитан Фут.

– Теперь я уверен, что моя жизнь и жизнь моих единомышленников в безопасности, – удовлетворенно кивнул Бассет.

Над сдавшимися фортами Кастель-дель-Ово и Кастель-Нуово и английским фрегатом «Сихорс» подняли флаги перемирия. Не пожелала сдаться лишь стоящая в стороне от города крепость Сант-Эльмо, но это уже общего положения дел не меняло.

Русский посланник Томара писал в те дни графу Панину в Берлин: «Успехи оружия нашего противу французов в Неаполитанском королевстве и церковных областях со стороны Адриатики, рассуждении малого числа войск, представляют нечто подобное первым завоеваниям кастельян (испанцев. – **В.Ш.**) в Америке. Дай Боже, чтоб конец был столько же славен, сколь начало».

Пока Белли освобождал союзникам столицу Неаполитанского королевства, политическая ситуация на Средиземноморье изменилась, и вице-адмирал Ушаков был вынужден отозвать к Корфу крейсерский отряд Сорокина. Белли остался один.

Теперь ближайшим российским воинским начальником стал для него победоносно действовавший в северной Италии фельдмаршал Суворов. Ему и рапортовал капитан-лейтенант о своих успехах: «Мая 10 высажен я с вверенным мне десантным войском... для покорения провинции Апулии, которую привел в подданство короля двух Сицилии и даже до самого Неаполя и оный взял силою оружия, разбил неприятеля во многих местах, где только повстречал: при входе в Неаполь взял три замка и одну батарею, а потом Кастель-Нуово, дель-Ово, крепость Санто-Эльмо и город Капую. Имею честь донести Вашей Светлости, что неаполитанские владения освобождены...»

– Каков храбрец! – восхищался старый фельдмаршал, читая победные реляции капитан-лейтенанта.

Когда император Павел узнал о взятии Неаполя, он сначала вообще отказывался поверить в такое чудо, а затем воскликнул:

– Белли думал удивить меня и Европу, так и я его удивлю!

Павел пожаловал капитан-лейтенанту орден Анны 1-й степени, по статуту положенный особам не ниже полного адмиральского чина.

Что ж, император ничуть не преувеличил: совершенный подвиг был вполне достоин столь высокой оценки. В наградном императорском рескрипте значилось: «Господин флота капитан 2-го ранга Белли (в капитаны 2 ранга Белли был произведен одновременно с награждением. – **В.Ш.**). За взятие Неаполя и храбрость, при этом оказанную, изъявляем вам Наше благоволение и в знак оного Всемилоостивейше жалуем Мы вас кавалером ордена Нашего Святыя Анны первого класса, коего знака при сем к вам препровождая, повелеваем возложить ныне на себя. Пребывая, впрочем, всегда к вам благосклонны. Павел. С.-Петербург. Август 4 дня. 1799 г.»

В те дни император Павел многозначительно извещал Суворова: «Сделанное Белли в Неаполе доказывает, что русские на войне всех прочих бить будут, да и тех, кто с ними, тому же научат».

Некоторые сухопутные генералы по сему поводу даже возмущались:

– Не по чину замахивается! Ведь сам-то по табели всего лишь подполковник... А крепости – дело генеральское!

Высоко оценил действия русских моряков при освобождении Неаполя от французов и король Фердинанд. В письме Ушакову он писал: «Со времени, как королевство освобождено от ига неприятельского, не менее были важны прилежание и бдительность российского десанта, создающего в Неаполе спокойствие, столь нужное столичному городу... Вы видите, сколько я имею причин быть вам признательным».

Не менее красноречивым было и его послание послу герцогу Серра-де-Каприола в Петербург: «Малочисленный русский отряд оказал бесценную услугу королю, приобрел себе прочную славу, водворил благоденствие в обширной части государства и оставил в здешнем народе на вечные времена самое выгодное мнение о храбрости, дисциплине и отличной нравственности русского войска».

А к Неаполю уже подходили корабли Нельсона.

***

Во времени своего пребывания на Сицилии Эмма Гамильтон успела вкусить и сладость власти, и остроту интриги. Едва став кавалерственной дамой, леди Гамильтон сразу же начала вмешиваться в дипломатические дела. Вообразив, что она все знает и может, супруга посла начала проводить свою собственную политическую линию. При этом ее расчет

строился на преданности ей Нельсона, в котором Эмма не сомневалась. В Лондоне быстро поняли всю сложность ситуации при неаполитанском дворе. Конечно, Гамильтонов можно было немедленно отозвать и отправить в отставку, однако в министерстве пока не хотели портить отношений с королем Фердинандом, благоволящим к Гамильтонам.

Когда же в Палермо пришло известие о том, что русский морской десант успешно продвигается к Неаполю, а навстречу ему идет ополчение кардинала Руффо, первым забил тревогу лорд Гамильтон.

– Надо срочно действовать, а то все лавры освободителей Неаполя достанутся русским, – взвизгивал любовника своей жены лорд Гамильтон.

Когда Нельсон узнал о том, что русские уже входят на подступах к Неаполю, он понял, что освобождение столицы Неаполитанского королевства дело нескольких дней. Он, как и прежде, не очень хотел покидать Эмму, терзаясь между долгом и любовью. Один день он с твердостью говорит своим капитанам:

– Мало того, что этот ненасытный Ушаков уже опередил меня на Корфу, мало того, что он все время зарится на Мальту, так теперь он еще и забрался в мой любимый Неаполь! Мы выходим в Неаполь, и я укажу русским их место! Как можно было подписывать мир с этими гнусными безбожниками, порочными чудовищами, подлыми тварями и негодьями!

А на другой, наоборот, доказывал, что не может плыть из-за каких-то надуманных причин. Поняв, что контр-адмирала из Палермо просто так не выпроводить, Гамильтон заверил Нельсона, что и он, и жена тоже примут участие в плавании. В это же время леди Гамильтон вместе с королевой Марией-Каролиной уже разработали план возвращения короля и королевы Неаполя. Для этого требовалась помощь английской эскадры и лично Нельсона.

Разумеется, Нельсон не посмел отказать даме своего сердца. Некоторое время он пребывал в нерешительности, а потом все же решил, что Кейт справится с Брюи и без его помощи.

– Кораблей у него не меньше, чем у французов, так какая же помощь ему еще нужна! – возмущался он. – Может, он хочет, чтобы я вообще дрался вместо него? Если так, то справедливой было бы тогда нам и вовсе поменяться своими постами.

В нарушение всех указаний Кейта Нельсон отдал приказание готовить эскадру к Неаполю. На английские корабли начала грузиться неаполитанская гвардия.

В который уже раз контр-адмирал демонстративно не выполнил распоряжения высшего руководства. До поры, до времени это сходило ему с рук, сказывалось нежелание адмиралитета наказывать победителя французов при Ниле. Однако бесконечно это продолжаться не могло. При всем личном уважении адмирала Джервиса к своему подчинен-

ному у него тоже имелось самолюбие. Кроме этого политическая обстановка на Средиземном море и сложнейшая многоходовая игра, которую вел Джервис, а вместе с ним и Кейт с французским и испанским флотами, была куда важнее для Англии, чем мышьяная возня вокруг Неаполя, который имел в данной ситуации даже не второстепенное, а третьестепенное значение.

Пока же Нельсон готовился к походу. На борт флагманского «Фоудройанта» в качестве почетных посетителей поднялись и сэр Гамильтон с супругой.

Ко времени отхода из Палермо английской эскадры перемирие в Неаполе кардиналом Руффо, русским и английским капитанами было уже подписано, и пленные французы с местными республиканцами готовились к отправке во Францию. И в этот момент в Неаполитанский залив вошли три десятка линейных кораблей лорда Нельсона.

– Передайте всем, кто противится королевской власти, что я взорву весь Неаполь и не оставлю от него камня на камне, если встречу хоть какое-то сопротивление! – велел передать Нельсон своим противникам.

Эта фраза документальна, а потому мы можем только удивляться, что ненависть британского адмирала была направлена не против французов и итальянских республиканцев, а против самого города. Угроза довольно странная, ведь боевые действия к этому времени в Неаполе уже давно закончились.

Шлюпки с морскими пехотинцами подходили к пустым береговым фортам и без боя их занимали. Нельсон был доволен. У него в активе появилась новая победа, которая ровным счетом ничего не стоила.

Но в момент наивысшего счастья, когда под восторженные возгласы леди Гамильтон над неаполитанскими фортами стали подниматься британские флаги, в гавань на всех парусах заскочил посыльный бриг вице-адмирала Кейта. Капитан брига вручил Нельсону письмо лорда Кейта, в котором тот приказывал немедленно следовать к острову Минорка и оказать ей помощь ввиду возможного нападения французской эскадры. После недолгого раздумья Нельсон тут же на шканцах написал лаконичный ответ Кейту, в котором заявил, что не намерен выполнять его приказ, а считает в данный момент более важными боевые действия у Неаполя.

Решение Нельсона вызвало настоящий восторг у бывших здесь же супругов Гамильтон. Эмма при всех бросилась контр-адмиралу на шею, что вызвало аплодисменты у матросов. Бриг ушел ни с чем. А затем Нельсон во всеуслышание объявил:

– Я не приемлю подписанной капитуляции и аннулирую ее!

– Это невозможно! – попробовал возмутиться кардинал Руффо. – Мы же цивилизованные люди. Уже два дня как мы подписали все параграфы, и об-

ратного хода быть просто не может. Они нерушимы и священны.

– У меня под началом тринадцать боевых кораблей, а значит, возможно все, – парировал Нельсон. – Враги получат свое сполна. Договор был подписан без ведома короля, а потому он недействителен и незаконен.

Нельсон немедленно послал строжайший выговор своему представителю капитану Футу.

Тот неловко оправдывался:

– Русские провели договор хитростью, а кардинал Руффо очень нуждался в их помощи, не хотел дать им никакого повода к жалобам. Я же и вовсе стал жертвой обстоятельств.

Футу он тут же велел:

– Спустить переговорный флаг!

Готовящихся к отправке во Францию итальянцев согнали в тюрьмы.

– Мы же добровольно сложили оружие и подписали почетную капитуляцию! – возмущались республиканцы.

Их лупили прикладами в спины и гнали на рыночную площадь. Там бедолаг окружили разъяренные монархисты, и началось... Из воспоминаний очевидца: «Режут ежедневно тысячи якобинцев и более. Мертвые их тела сожжены бывают из опасения заразных болезней. Посажено в тюрьму до двух тысяч якобинцев и держать станут в заключении, пока невиновность их доказана будет. Казни и аресты, производимые над якобинцами, привели всех таковых в совершенную трусость и подлость, каковое исключение вселило в народе, преданном королю, превосходный дух мщения противу якобинцев и французов».

В те дни по приказу Нельсона были казнены более 4 тысяч «изменников», еще 30 тысяч (по приказу добрейшего короля) брошены в тюрьмы. Единственным убежищем для подозреваемых в «якобинстве» стали дома, где квартировали русские моряки.

Белли распорядился:

– Принимать всех! Не выдавать никого!

Так были спасены сотни людей. По прошествии многих лет итальянский историк Ботта скажет о тех страшных днях очень коротко и вполне ясно: «Срам Италии и слава русским!»

Вскоре не без помощи русских моряков удалось навести в городе некоторый порядок. Но и на этом испытании для маленького отряда не закончились.

Неправомочность Нельсона в отмене условий капитуляции однозначно признает и известный британский военно-морской историк Д. Джеймс: «К стыду английского адмирала (Нельсона. – **В.Ш.**), капитуляция была утверждена обеими сторонами и по всем законным формам... и лорд Нельсон обязан был исполнить свято все статьи договора без исключения».

Однако Нельсон пожертвовал всей своей репутацией. Почему? Скорее всего, в угоду не столько

неаполитанскому королю, сколько в угоду той, которая пыталась руководить всей англо-неаполитанской политикой. Эмма жаждала увидеть кровопролитие, и ее желание было тут же исполнено.

Позднее Нельсон, оправдываясь за свои действия, будет так описывать происшедшее: «Я предложил кардиналу Руффо передать французам и мятежникам от моего имени, что перемирие прервано уже одним тем, что перед Неаполем находится английский флот, что французов не будут считать даже военнопленными... что касается мятежников и изменников, то никакая власть не вправе посредничать между нами и их милостивым монархом, и они должны совершенно положиться на его милосердие, ибо никаких других условий им даровать нельзя. Кардинал отказался скрепить эту декларацию своим именем, и я, подписав ее один, отослал к мятежникам. Только после этого они вышли из своих фортов, как надлежало мятежникам и как надлежит, надеюсь, всем тем, которые изменяют своему королю и своему отечеству, чтобы быть повешенными или иначе наказанными по усмотрению их государя».

К этому времени непокоренной оставалась только крепость Сант-Эльмо. На призыв Нельсона о сдаче ее комендант ответил вполне логично:

– Я не могу капитулировать перед тем, кто не держит слова!

Раздосадованный Нельсон бросил против крепости своих матросов и неаполитанских гвардейцев. Приступ был, однако, без особых усилий отбит. Стало очевидно, что с Сант-Эльмо придется немало повозиться. Снова начались долгие переговоры. Наконец французы добились для себя приемлемых условий и были переправлены в Тулон.

К этому времени в Неаполь прибыл на фрегате «Сабелла» и король Фердинанд. Вызвав к себе кардинала Руффо, он зачитал ему свой манифест, в котором указал, что спасением королевства всецело обязан ему.

На это кардинал справедливо заметил:

– Ваше Величество! Что касается меня, то я обязан овладением столицы пяти сотням русских солдат, которые все время шли вперед на штыках. Именно они разбили французов и освободили Неаполь.

Того же мнения была и королева Мария-Каролина:

– Верю вам, кардинал, что без русских вы ни за что не отважились бы напасть на Неаполь.

***

А над Неаполем все еще поднимались языки пламени и дыма – то наводили порядок английские морские пехотинцы и королевские гвардейцы. Повстанцев и всех, кто просто попадался под руку, расстреливали у ближайших заборов. В числе приговоренных к смерти оказался и всемирно извест-

ный композитор Доменико Чимароза, автор известной оперы «Тайный брак». За музыканта вступились и спасли от расправы русские офицеры.

В этой тяжелейшей обстановке наши моряки проявили свои лучшие качества. Вот что пишет один из историков: «Везде, где можно, оказывали помощь и защиту всем, кто ее у них просил, и таким образом спасли от смерти пользовавшегося в то время огромной популярностью композитора Чимароза. Наш десант своею замечательной дисциплиной и честностью внушил к себе такое уважение неаполитанцев, что дом, в котором квартировал русский офицер или солдат, делался уже неприкасаемым убежищем...»

Впрочем, наши спасли тогда и многих других. Министр Мишеру, по долгу службы находившийся в русском отряде, не переставал восторгаться:

– Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Неаполь будет боготворить вас! Память о русских останется в нашей стране на вечные времена!

Пригласив Белли на борт «Фуудройанта», Нельсон с любопытством познакомился с командиром российского отряда.

В разговоре собеседники быстро выяснили, что в давние времена даже служили на соседних судах.

– Вот как! – удивился Нельсон. – Значит, вы не просто англичанин, но еще и офицер британского флота. Как же вы могли подписать такую позорную капитуляцию, да еще втянуть в эту авантюру капитана Фута?

– Извините, сэр, но я офицер российского флота, а потому действовал в интересах моего государства.

– Но вы же англичанин, в конце концов! – сорвался в крик контр-адмирал.

– По крови да, но мое сердце и душа полностью принадлежат России, – не без вызова ответил Белли.

На этом бывшие сослуживцы и расстались.

Еще совсем недавно Нельсон писал в Петербург английскому послу Уитворту: «Мы ждем с нетерпением прибытия русских войск. Если девять или десять тысяч к нам придут, то Неаполь спустя одну неделю будет отвоеван и Его Императорское Величество будет иметь славу восстановления доброго короля и благостной королевы на их троне».

И вот русские пришли, и, хотя их было не девять тысяч, а всего шесть сотен, свою задачу они выполнили блестяще.

В какой-то момент Нельсон все же ужаснулся делу рук своих. На совещании капитанов у него вырвалась невольная фраза:

– Нельзя, однако, рубить головы всем в королевстве, будь оно даже полностью составлено из мошеников!

Но этим его недовольство происходящим и ограничилось.

Королева Мария-Каролина, а за ней и Эмма Гамильтон требовали залить Неаполь кровью. В присланном из Палермо письме она умоляет свою интимную подругу: «Я бы посоветовала лорду Нельсону обойтись с Неаполем так, как он обошелся бы с каким-нибудь мятежным городом в Ирландии».

Увы, как бы ни хотелось этого признавать, но очаровательная леди Гамильтон оказалась столь охоча до человеческой крови, что не отказывала себе в удовольствии лично любоваться многочисленными казнями. Именно с ее «легкой» руки начал свою карательную деятельность в Неаполе и Нельсон.

***

Вот уже более двухсот лет исследователи жизни английского адмирала ломают голову, для чего понадобилось Нельсону с беспримечной жестокостью убивать престарелого командующего неаполитанским флотом князя Карачоло? Вся вина старого моряка, которого, кстати, Нельсон давно и хорошо знал, состояла лишь в том, что после бегства королевской семьи он попытался сберечь остатки неаполитанского флота.

Князь Франческо Карачоло долго и верно служил королевству. Участвовал в сражениях с варварийцами, ловил контрабандистов. Будучи капитаном линейного корабля, отличился под начальством английского адмирала Готама в боях с французами. В 1798 году Карачоло стал командором.

Во время эвакуации короля из Неаполя Карачоло категорически возражал против сожжения своих кораблей. Тогда-то, видимо, и началась его взаимная неприязнь с Нельсоном, который велел сжечь все, что еще оставалось в порту. Спустя некоторое время Фердинанд отпустил Карачоло из Палермо на материк для устройства дел в оставшемся без присмотра имении. Едва командор вступил на неаполитанскую землю, как сразу же был арестован республиканцами. Те предложили князю возглавить «флот» Партенопейской республики: несколько канонерок и торговых бригав. Особого выбора у Карачоло не было: или командовать, или сложить голову. Он избрал первое, впрочем, никаких боевых действий его «флот» ни с кем не вел, а все время существования республики безвылазно простоял в порту.

Когда в Неаполь вернулась прежняя власть и начались массовые убийства, Карачоло, не слишком рассчитывая на праведный суд, решил до поры, до времени отсидеться за городом и объявиться, когда кончатся казни. Переодевшись крестьянином, он отправился в одну из деревень, но был выдан собственным слугой, польстившимся на обещанную за голову князя награду.

Едва Нельсон узнал о пленении Карачоло, он передал кардиналу Руффо, чтобы тот немедленно

но доставил князя к нему на борт. Тот не посмел послушаться, хотя никакого отношения к деятельности неаполитанского командора британский адмирал не имел. Вскоре Карачоло, а с ним еще несколько бывших офицеров королевской армии в кандалах были доставлены на «Фоудройант». Там пленников посадили под замок в каюту, а у дверей выставили сразу нескольких часовых с лейтенантом во главе.

Решение о публичной казни принимали Нельсон с Эммой Гамильтон. Все делалось в лихорадочной спешке. Для проформы собрали несколько неаполитанских офицеров, которые под присмотром Нельсона и проголосовали за казнь.

Выписка из вахтенного журнала линейного корабля «Фоудройант»: «Суббота 29-го: несколько важных офицеров восставших были подвергнуты заключению на различных судах. В 9 часов утра на борту собрался военно-морской суд для рассмотрения дела по обвинению в восстании кавалера Франческо Карачоло».

– Вы обвиняетесь в восстании против короля и боевых действиях в качестве командующего республиканским флотом! – объявили князю.

– Ни в каком восстании я не участвовал и ни в каких боях за республику не участвовал, – отвечал Карачоло. – Вы же все прекрасно об этом знаете! К чему весь этот театр?

Пожав плечами, судьи удалились, спустя несколько минут огласили приговор: за казнь – четверо, за тюрьму – двое.

О приговоре сообщили Нельсону.

– Повесить как можно скорее! – распорядился он.

– По закону полагается дать приговоренному хотя бы двое суток, чтобы он мог закончить все свои дела и подготовиться к смерти, – возразил было председатель суда.

– Какие еще, к черту, сутки! – возмутился Нельсон. – Повесить немедленно!

В пять часов утра следующего дня Карачоло был перевезен на неаполитанский фрегат «Минерва», которым он не столь давно командовал. Грохнула пушка, пробили дробь барабаны, и командор был вздернут на рее.

Выписка из вахтенного журнала линейного корабля «Фоудройант»: «Воскресенье 30-го: вынесенный вчера военно-морским судом приговор кавалеру Франческо Карачоло приведен в исполнение на борту неаполитанского фрегата; приговоренный собственно повешен».

Прибывший вскоре после этого в Неаполь король Фердинанд утвердил их решение. Существует информация, что вечером в воскресенье прямо под повешенным был устроен танцевальный вечер, на котором блистала прекрасная леди Гамильтон. Впрочем, скорее всего, это выдумка, сочиненная недругами Эммы Гамильтон.

Что касается короля Фердинанда, то он высказал пожелание, чтобы труп командора повисел как можно дольше.

– Это ободряюще действует на моих подданных! – смеялся Фердинанд. – Что же до запаха, то труп врага всегда хорошо пахнет.

Наконец, когда от разлагающегося на жаре тела находится на палубе «Минервы» стало просто невыносимо, Карачоло вынули из петли, привязали к ногам ядро и выбросили за борт.

– Пошел рыб кормить! – опять веселился смешливый король.

А спустя десять дней Фердинанду было уже не до смеха. К борту «Фоудройанта» неожиданно подошла рыбацкая фелюга, и перепуганный рыбак прокричал:

– Князь Карачоло поднялся с морского дна и плывет в Неаполь, чтобы снова командовать флотом!

– Ты пьян? – спросил его со шканцев линейного корабля выскочивший из каюты король.

– Как можно, Ваше Величество? С утра ни глотка не было! – закричал рыбак.

– Так что же Карачоло? – нервно спросил король.

– Своими глазами видел, вот как прямо вас сейчас. Плывет их сиятельство прямо к городу и только на волнах себе покачивается.

– Неужели это Божья кара? – заскулил сразу Фердинанд. – Неужели Господь оживил повешенного? Неужели я плохо молюсь?

– Плыть – это еще не значит ожить, – философски заметил поднявшийся на четвертьdeck Нельсон и вытащил подзорную трубу.

Спустя некоторое время он увидел плывшее по волнам тело Карачоло. Ветер был прижимной, а потому тело быстро несло прямо на флагман Нельсона.

Бывший тут же сэр Гамильтон со свойственной ему ироничностью принялся успокаивать короля:

– Душа и тело Карачоло не могут успокоиться за содеянное им зло, а потому он плывет к вам, чтобы получить прощение у Вашего Величества!

– Не надо! Не надо! Я его уже прощаю! – замахал руками еще более перепуганный Фердинанд. – Пусть только возвращается к себе в море.

Нельсон тем временем уже отдал распоряжение шлюпкой перехватить плывущее тело и отвезти его куда-нибудь подальше от города, во избежание нежелательных разговоров и слухов. Шлюпка быстро догнала мертвеца, тело подцепили отпорником и отбуксировали к ближайшей рыбацкой деревушке, где Карачоло наконец-то предали земле после заушной службы.

Вечером Нельсон успокаивал все еще не находившего себе места неаполитанского монарха.

– Скорее всего, ядро отвязалось от ног, а вчерашнее волнение подняло труп со дна моря. Здесь

нет, Ваше Величество, никакого Божьего помысла и никакого мистицизма.

Успокоившись, Фердинанд велел нести ему списки приговоренных к смерти и с особым удовольствием принялся их подписывать, брызгая во все стороны чернилами.

Историки давно отметили патологическую любовь неаполитанского короля не только к свеживанию коровьих туш, но и к мертвечине вообще. При этом трусость короля Фердинанда была столь велика, что за время своего месячного пребывания в Неаполе он так ни разу и не рискнул показаться на берегу, боясь, как бы его собственные подданные не учинили над ним самосуд. Все это время Фердинанд безвылазно отсиживался у Нельсона на «Фоудройанте». Именно там он подписывал все бесчисленные смертные приговоры. Ежедневные массовые казни на рыночной площади Неаполя продолжались ровно год.

Сам Нельсон хвастался в письме герцогу Кларенскому: «Все мои предложения принимаются с усердием, и немедленно отдаются приказания, чтобы с ними соображались... Недавно Его Величество приказал отдать под суд двух генералов, обвиненных в измене и трусости. Он предписал их расстрелять или повесить, как только признают, что они виновны. Если эти приказания выполнят, то я буду надеяться, что принес здесь некоторую пользу».

Сегодня даже самые большие почитатели Нельсона вынуждены признать, что карательные акции в сдавшемся на его милость Неаполе – это самая черная страница в биографии выдающегося адмирала. Британский биограф Нельсона Уолдер так и пишет: «Неаполь выявил самую худшую сторону Нельсона... Нельсон был высшей властью, созвавшей военноморской суд, утвердившей его решение и отдавшей приказ о казни. Критика в его адрес основывается на неподобающей спешке... Не было никакой нужды в том, чтобы за захватом Караччоло так быстро последовали трибунал, осуждение и казнь... Восстание закончилось, и не требовалось преподать урок, который бы остановил развитие насилия и неповиновения. И судьям военно-морского суда, и Нельсону, имевшему власть пересмотреть или утвердить приговор, необходимо было время для размышлений. В конечном итоге Нельсон забыл, что он не является агентом-мстителем у Бурбонов, а был флаг-офицером, причем прославленным офицером королевского военно-морского флота короля Георга Третьего».

Но почему всегда бывший столь благородным Нельсон внезапно превратился в страждущего людской крови карателя? Биограф флотоводца Карола Оман считала, что этой казнью Нельсон показал всем, что «полон решимости на ярком примере продемонстрировать быстрое наказание, что он в принципе считал основой деятельности хорошего правительства». Говорили английские

биографы и о сложном психическом состоянии Нельсона в данный момент, о некоем помутнении его рассудка. Однако думается, что и отказ от выполнения приказов вышестоящих начальников, как и внезапно проснувшаяся страсть к казням, – все это две стороны одной медали, имя которой – Эмма. Именно эта ставшая роковой для Нельсона женщина пробудила далеко не лучшие черты нашего героя. Именно она, умело манипулируя его слабостями, сумела сделать из него настоящую марионетку в своих руках. Все это прекрасно понимали современники, а потому дружно ненавидели леди Гамильтон. Пока Эмма купается в лучах славы, успеха и своей незаменимости в неаполитанских делах. Она упивается властью и возможностью миловать и карать тысячи людей. Но слава ее иллюзорна, незаменимость временна, а совершенное зло наказуемо. Придет время, и за все это с ней рассчитаются сполна...

Всему приходит свой конец. Вскоре все мятежники и сочувствующие им были убиты, труп Караччоло нашел успокоение на рыбацком кладбище, а леди Гамильтон подустала с танцами на палубе «Фоудройанта». Поугихли и восторги по поводу «блестящего освобождения» Неаполя.

Пришло время раздумий о содеянном, и, возможно, Нельсон понял, что явно преступил допустимый порог вседозволенности. Нет, его несколько не мучила совесть за содеянное в «освобожденном» им городе, его волновала личная судьба. Что касается действий в Неаполе, то по этому поводу у Адмиралтейства никаких нареканий не было. Наоборот, лорд Спенсер неаполитанскими делами командующего Средиземноморской эскадрой остался доволен: «Намерения и мотивы, из которых исходили все ваши меры, были чистыми и добрыми, а их успех был полным».

Впрочем, слухи о творимых в Неаполе казнях вскоре облетели всю Европу и достигли Англии. Лидер оппозиции лорд Фокс, выступая в палате общин, гневно вещал:

– Я первый указываю парламенту на это вопиющее злоупотребление властью! Подобное нельзя оставлять безнаказанным! Я требую расследования, и пусть виновные совершенных злодеяний будут строго наказаны!

Но оппозиция на то и оппозиция, чтобы искать недостатки у правящей партии, а власть на то и есть власть, чтобы происки оппозиции не замечать. Возмущение Фокса так и осталось не услышанным.

Впрочем, память об английской карательной акции в Неаполе оказалась столь живуча, что деяния Нельсона и его друзей там помнили и через сто лет. Английский историк Карола Оман пишет: «И через столетие англичане-туристы, посещавшие неаполитанские общественные и частные художественные галереи, со страхом смотрели на портреты представителей знати, придерживавшихся либеральных на-

строений, и женщин с детскими личиками. О каждом из них рассказывали страшные истории, как они были казнены, когда восемнадцать английских кораблей под командованием Нельсона стояли на якоре в Неаполитанском заливе».

***

К этому времени изменилась и ситуация на Средиземном море. Пока Нельсон усмирал Неаполь, французский флот вырвался из Тулона и растворился на просторах северной Атлантики. Англичане предполагали, что, скорее всего, французы попробуют пробиться в свой основной атлантический порт Брест, а потому туда была в спешном порядке брошена эскадра лорда Кейта. На время его отсутствия адмирал Джервис определил Нельсона старшим британским морским начальником в Средиземном море.

Теперь главной задачей Нельсона была блокада захваченной французами Мальты. Отправляясь в очередной поход к острову, Нельсон пригласил «прокатиться» с собой и чету Гамильтонов. Для Эммы был произведен обстрел крепости, французы, разумеется, отвечали, а Эмма была в полном восторге: ради ее удовольствия разыгралось самое настоящее сражение. Впрочем, обстрел Ла-Валлетты никакого результата не имел, и Нельсон с Гамильтонами ни с чем вернулся в Палермо.

Главнокомандующий настоятельно советовал ему использовать для базирования своей эскадры наиболее близкие к Мальте порты: Сиракузы или Мессину. Но Нельсон предпочел остановить свой выбор на дорогом его сердцу Палермо. Почему? Разумеется, потому, что там была Эмма. Тем более что неутомимая леди Гамильтон готовила в честь своего героя еще один грандиозный праздник, на этот раз... в честь годовщины известия о победе при Абукире.

В честь этого в королевском дворце был устроен оглушительный фейерверк. Внутри выстроенного в парке «греческого храма» стояли выше человеческого роста восковые фигуры трех основных героев: Нельсона, сэра Гамильтона и конечно же самой леди Гамильтон. При этом, если восковые Нельсон и Эмма стояли нежно взявшись за руки, то восковой сэр Уильям скучал в отдалении от них. Все фигуры были сделаны в виде древних божеств, лишь в виде одолжения спустившихся на брэнную землю, чтобы спасти неразумных неаполитанцев. Огромный хор пел специально сочиненную по этому случаю кантату:

*Да здравствует герой Британии,
Да здравствует великий Нельсон,
Он отвел от нас все невзгоды,
Он помог обрести свободу...*

В довершение всего король Фердинанд решил учредить в честь Нельсона персональный орден, назвав его орденом Святого Фердинанда, которым сразу же и наградил английского контр-адмирала. На груди Нельсона стало еще одной наградой больше.

Глава вторая

ТРИ ДНЯ ТРЕББИИ

Май уже перевалил за середину, и северную Италию заливали непрерывные дожди. Суворов хандрил. Он принял решение осаждать цитадель Турина, но дороги развезло и осадные пушки, которые тащили волами из Милана, вязли в непролазной грязи. Генерал Мелас предложил начать осаду немедленно. Суворов отказался.

– Это ни к чему хорошему не приведет. Подтянем тяжелые пушки, сразу подавим крепостную артиллерию и добьемся сдачи. Осада должна быть короткой и победной.

В Германии эрцгерцог Карл все еще топтался под Граубинденом, пережидая сырую погоду, пока присутствовавший при его армии генерал-адъютант Толстой не прижал долговязого Карла к стенке: немедленно наступать или он напишет жалобу в гофкригсрат. Эрцгерцог повздыхал и решил атаковать. Перевес в силах был почти трехкратным, и вскоре Граубинден был наконец-то занят. Эрцгерцог вступил в Швейцарию, однако дальше, как всегда, действовал нерешительно. Заняв Цюрих, он окончательно остановился. Граф Толстой снова торопил, но на этот раз эрцгерцог уперся. Причины такой медлительности крылись в Вене, где не особенно хотели углубляться в Швейцарию, зато мечтали овладеть лакомой Баварией. При этом, по мысли гофкригсрата, обезоружить баварскую армию должен был русский корпус генерала Римского-Корсакова, который ускоренными маршами двигался из России. Догадываясь об аппетитах Вены, император Павел злился:

– Я как-никак гроссмейстер Мальтийского ордена и ни за что не позволю, чтобы хитрый Франц присвоил себе за здорово живешь орденские земли в Баварии!

Так между союзниками пробежала первая черная кошка...

Между тем в Италии с юга на север спешила армия Макдональда. Но быстро двигаться не получалось. Со всех сторон на французов нападали местные инсургенты. Вокруг были опустошенные деревни. Терпя голод и нужду, солдаты подошли наконец к Лукке, где укрепились в ожидании известий о приближении Суворова.

Теперь против союзников на южном склоне Апеннин стояли сразу две французские армии – Моро и Макдональда.

– По крайней мере, мы теперь знаем, где наш враг, а это уже половина дела, – радовались наши офицеры. – А с остальным наш старик как-нибудь разберется!

Вскоре Суворов уже двинул свои полки против объявившегося Макдональда. В ротах читали приказ фельдмаршала, где он обещал взять в полон неприятельскую армию. Солдатам было велено учить французские слова. Теперь на марше седоусые сержанты громко объявляли:

– Балезарм!
– Опускай свое ружье! – хором отвечали солдаты.
– Жетелезарм!
– Бросай свое ружье, каналий! – было ответом.

Шли быстро, делая по 45 верст в сутки, не смотря на палящее солнце.

Тем временем Макдональд уже наголову разбил передовой австрийский отряд генерала Гогенцоллерна, взяв полторы тысячи пленными, три знамени и восемь пушек. Впрочем, в бою был ранен сам Макдональд, но это его не смутило. Спустя несколько дней он сокрушил австрийскую дивизию Отта у Пиаченцы. Отт слал панические письма и умолял о спасении. Не теряя времени даром, Суворов помчался навстречу отступающим австрийцам с несколькими казачьими полками. Вместе с ним поскакали Багратион и великий князь Константин.

Прискакав к месту сражения, Суворов бросил поводья:

– Ну что тут у вас, говорите быстро и с толком!
– О мой фельдмаршал, в центре нас делят французы, справа обходят легионеры Домбровского. Мы уже потеряли восемь пушек и ждем, когда нас поднимут на штыки, – ответил ему унылый Мелас. – Но теперь все образуется, вы с нами и мы ничего не боимся!

– Хорошо! Теперь к делу! – хлестнув лошадь нагайкой, Суворов взлетел на ближайший холм и окинул взглядом все поле сражения.

– Этот бой, кажется, уже проигран начисто, но еще не поздно начать новый и его выиграть!

Два полка казаков на взмыленных конях были сразу же брошены навстречу полякам Домбровского, а против атаковавших с фронта французов кинулись драгуны и оставшиеся два полка резерва. Впереди с саблей наголо летел племянник фельдмаршала флигель-адъютант Горчаков. Атаку казачьей лавы с гиканьем и свистом французы увидели впервые, а увидев, остановились. Успех был минутный, но этого хватило. Вдалеке с тучей пыли показалась голова нашего авангарда. Солдаты уже не шли, а бежали из последних сил. Многие, не выдерживая, падали от усталости, были и умершие. Подбегающие солдаты сразу пристраи-

вались к своим товарищам. Пока собирались батальоны, Суворов давал указания:

– Князю Горчакову атаковать правое крыло неприятеля, Багратиону – левое, а Отту ломить в центр! Недоумевающий Багратион подъехал вплотную к Суворову.

– Ваше сиятельство, прошу хоть немного поременить, – сказал он, перегибаясь в седле. – Пусть подойдет еще хоть какая-то часть оставших, ведь в ротах нет и по сорока человек.

Фельдмаршал, поманив генерала к себе, наклонился к его уху:

– У Макдональда нет и по двадцати. Атакуй, с Богом!

И наши ударили. И как! Дружно, с музыкой, барабанным боем и песнями.

– Ну-ка подразвернись, венцы, русские идут! – кричали солдаты. – Выходи, кума, любоваться!

Из хроники сражения: «Местность была чрезвычайно пересеченная, что усиливало губительность огня французов, которые, однако же, не ограничивались пальбою, а беспрестанно переходили к штыковым атакам. Очень упорно они держались, но Суворов разъезжал по фронту и все повторял: “Вперед, вперед, коли!” Союзники двигались неравномерно; успевал больше других Багратион. Он валил на Домбровского с фронта, казаки налетали с фланга и тыла, врывались в каре, кололи, рубили, производя атаки одну за другою. Несколько польских батальонов были совершенно рассеяны, подошедшая на помощь французская полубригада сбита, левое крыло неприятельское опрокинуто за р. Тидону. Правое крыло из войск Виктора и Сальма держалось, но отступление Домбровского заставило и его ретироваться, чтобы не быть отрезанным. В это время кавалерия Багратиона, прогнав поляков, ринулась вдоль позиции и ударила во фланг отступавшему Виктору. Французы построили каре, но не выдержали стремительного нападения; каре были разорваны, рассеяны, и французы с великим трудом и потерями собрались по ту сторону Тидоны».

К вечеру все было кончено. Французы обратились в бегство. Наши не преследовали, да и кто бы посмел их за это упрекнуть – все выложились до доньшка. Солдаты падали прямо на поле боя и тут же засыпали, рядом с ними ложились столь же измученные лошади.

Позднее историки вычислят, что французов на поле боя было куда больше, чем союзников. Сразу возник вопрос, почему так стремительно Макдональд проиграл бой? Секрет раскрывался быстро – французский полководец рассчитывал смять дивизию австрийца Отта, но внезапно для себя столкнулся лоб в лоб с самим Суворовым и был, разумеется, им повержен.

Итак, прелюдия к генеральному сражению была сыграна. Французы откатились к речке Треб-

бия. Наши приходили в себя после небывалого марша и небывалой по стремительности победы.

***

Всю следующую ночь Этьен Жак Макдональд не спал, а лихорадочно слал приказы ускорить движение дивизий Оливье и Монришара. Рассчитывал он и на поддержку Моро.

Суворов ночевал с великим князем в домике на околице деревушки Санта-Джiovани. Пока в соседней комнате слышался богатырский храп царевича, старый фельдмаршал писал диспозицию на следующий день. Ждать Суворов был не намерен, он желал атаковать противника уже ранним утром, ведь в его тылу стояла армия талантливого Моро, от которого можно было ожидать чего угодно.

В ту ночь дозорные вопрошали проходящие мимо роты:

- Пароль?
- Терезия!
- Отзыв?
- Колин!

Терезия – это имя австрийской императрицы, а Колин – место победы австрийцев над пруссаками в их последнюю войну. Так Суворов старался воодушевить своих не слишком бойких союзников.

К утру 7 июня под ружьем у него стояло уже двадцать две тысячи, но батальоны подходили еще до позднего вечера. Вначале фельдмаршал хотел атаковать с восходом солнца, но солдаты были еще утомлены, и он перенес атаку на три часа. Наконец войска выстроились в две линии, уступом вперед правым флангом. Там начальствовал Багратион, имевший под началом дивизию Швейковского и два австрийских драгунских полка. В центре располагалась русская дивизия генерала Ферстера с казаками и австрийскими драгунами, слева изрядно потрепанная дивизия Отта, при которой находился «для пригляду» Розенберг, в резерве австрийская дивизия Фрелиха с генералом Меласом.

Французов видно не было. Они стояли за нескончаемыми зарослями винограда. Где-то дальше голубела широкая лента Треббии.

Сигнальный выстрел пушки, и войска двинулись.

Шли медленно, пробираясь через виноградники, ручьи и овраги. Наконец, во втором часу дня Багратион увидел впереди себя противника и остановился. Солдатам дали время перевести дух перед атакой, попить, так как солнце палило невероятно. Затем князь Петр махнул рукой, и полки пошли вперед. Перед ним были недобитые вчера польские легионеры Домбровского.

Из хроники сражения: «Дивизия Домбровского была атакована совершенно таким же образом, как накануне, но оборонялась еще упорнее; это были все самые горячие патриоты, эмигрировавшие из

своего отечества, которые ненавидели Суворова и русских вдвойне. Они дрались отчаянно, в рукопашных схватках действовали не только штыками, но и прикладами и отстаивали каждый шаг с замечательной храбростью. Но русские все-таки одолели; Домбровский отступил с большой потерей; один польский батальон, вздумавший атаковать русских с тыла, был сам отрезан и принужден положить оружие. Французы, хотя прислали сильную подмогу, которая могла отрезать войска Багратиона и уничтожить их, но соединенными усилиями Швейковского и Розенберга она тоже была отбита».

Причудливы сюжеты истории! Давние противники, русские и поляки, столкнулись в схватке на итальянской земле, одни, воюя на стороне австрийцев, вторые – на стороне французов. При этом борцы за свободу Польши что есть силы помогали своим хозяевам французам завоевывать итальянцев.

Две остальные наши колонны в тот день тоже действовали успешно, несмотря на путаника Меласа. К вечеру французы с большими потерями отошли на противоположный берег реки. Наши не преследовали. Ширина Треббии в этом месте была с полверсты, но глубина всего по колено. На противоположном берегу отступивших уже ждали две свежие дивизии Оливье и Монришара. С наступлением темноты по обе стороны Треббии запылали костры. Но дальше произошло нечто неожиданное. Внезапно три французских батальона (из новоприбывших) без всякой команды свыше стали форсировать Треббию, атакуя наш лагерь. Началась перестрелка. Подоспели казаки, и прямо в реке завязался рукопашный бой. По дерущимся с двух сторон била артиллерия, не разбирая, где свои, где чужие. В довершение всего генерал Розенберг с несколькими нашими батальонами перешел на французский берег и в темноте заблудился среди оврагов. Опасаясь нарваться на главные силы Макдональда, он выстроил каре, запретив всякие разговоры и пользование огнем, дал солдатам передохнуть, а ближе к утру удачно возвратился обратно.

***

К 10 утра противники начали выстраиваться каждый на своем берегу. Собрав генералов, Макдональд давал последние наставления:

– Действовать решительно и наступательно. У нас численный перевес, к тому же храбрый Моро вот-вот ударит Суворову в тыл. Атаковать будем с обходом обеих неприятельских флангов. На правом крыле Ватрен и Сапльма, в центре Оливье и Монришар, на левом – Виктор и Домбровский.

– А резерв? – поинтересовался рассудительный Виктор.

– Резерва не будет, ведь мы атакуем! – рассмеялся Макдональд. – Итак, прошу всем на свои позиции. Мы выступаем!

С развернутыми знаменами под знаменитую «гренадерку», выбиваемую батальонными барабанищиками, французы двинулись через реку. В интервалах между колоннами рысила кавалерия

Суворов уже был начеку.

– Планы якобинцев на сегодня мне уже ясны, – сказал он чуть погодя. – Ишь чего захотели, взять нас в клещи аннибаловы! Ан не выйдет!

Он подозвал рукой адъютантов:

– Ну-ка молнией к князю Петру. Пусть снова, как и давеча, атакует поляков на своем левом фланге.

Второго адъютанта фельдмаршал послал к Розенбергу, велел идти в атаку на фланге правом.

Вскоре Багратион уже ломил польских легионеров штыками. Казаки атамана Денисова рубили их саблями с боков. Поляки постыдно бежали.

Увлечшись преследованием, наши несколько растянулись. Этим немедленно воспользовался Виктор и атаковал малочисленную дивизию Швейковского. Соотношение сил было пятнадцать батальонов против пяти. Наши стали понемногу пятиться. Французы атаковали непрерывно, за одной атакой следовала вторая, третья. Невыносимо палило стоявшее в самом зените солнце. С обеих сторон солдаты падали, теряя сознание. Их за ноги утаскивали в тыл, чтобы очухивались.

– Да погодь ты, ханцуз, дай хоть дух переведем, тогда и поколемся всласть! – кричали наши солдаты неприятелю.

Но те ломили и ломили. Непривычные к отступлениям, суворовские богатыри дрались за каждую пядь земли, сами то и дело яростно контратакуя. В пылу боя французам удалось окружить наш гренадерский полк, но это никого не испугало. Развернув заднюю шеренгу лицом к противнику, гренадеры продолжили отстреливаться со всех сторон, а затем, отступая шаг за шагом вышли к своим.

Не зная, что делать дальше, Розенберг поскакал к Суворову. Вслед за ним примчался и Багратион. Фельдмаршала они нашли в тени большого камня лежащим прямо на земле в одной рубашке.

– Ваше сиятельство, войска больше не в состоянии держаться, и надо отступать! – без всяких предисловий закричал ему Розенберг.

Суворов встал с земли.

– Попробуйте сдвинуть этот камень! – ответил он генералам. – Не можете? Ну так и отступление невозможно. Извольте держаться крепко, и ни шагу назад!

Получив приказание умирать, но стоять, Розенберг поскакал обратно. После этого фельдмаршал передал Меласу приказ усилить напор на противника.

– Ну а ты что мне скажешь, князь Петр?

– Ваше сиятельство, поляки нами разбиты и отброшены. У нас убыль до половины, ружья уже почти не стреляют от пороховой грязи, люди измучены до последней крайности и просто падают от усталости.

– Нехорошо, князь Петр, – вздохнул Суворов и крикнул: – Лошадь мне!

Вскочив в седло, фельдмаршал поскакал к войскам Розенберга.

Навстречу ему попался отступающий батальон. Солдаты тащились, опираясь на тяжелые ружья.

– Заманивай, ребята, заманивай! Шибче! Бегом! – присоединился к отступающим фельдмаршал.

Те недоумевающе смотрели на своего кумира. Затем Суворов вырвался вперед и, вздыбив лошадь, прокричал:

– А теперь стой!

Батальон мгновенно остановился.

Суворов показал шапкой по направлению боя:

– Там сражаются ваши товарищи, а потому ружья на руку! Вперед!

Батальон беспрекословно двинулся в бой.

Суворов же поскакал к войскам Багратиона. Едва войска увидели старого фельдмаршала, как все приободрилось, огонь с нашей стороны сразу усилился. После этого последовала столь стремительная атака, что французы приняли нападавших за свежее подкрепление и стали быстро откатываться. Генерал Виктор, чертыхаясь, скакал среди бегущих солдат, пытаясь их остановить, проклиная самонадеянность Макдональда, который пренебрег резервом. Вскоре французы уже были на противоположной стороне Треббии. Большему успеху помешала извечная нерасторопность тугодумного Меласа, который вовремя не подкрепил атаковавших своими батальонами.

Суворов между тем помчался к австрийцам и тоже бросил их в атаку. Дольше всех держалась дивизия генерала Оливье. Но когда казаки с австрийскими драгунами опрокинули его кавалерию и врубились в пехоту, та побежала. Так завершился еще один день. Дальше атаковать было уже невозможно из-за усталости солдат. Вдоль реки были выставлены аванпосты, а войска расположились на отдых. Некоторое время артиллерия еще обстреливала друг друга, но потом угомонилась и она.

***

Фельдмаршал был тоже на пределе уже три дня. Однако ночью он собрал всех генералов на совет. Несмотря на полное изнеможение, Суворов бодрился.

– Поздравляю вас, господа, с очередной победой! – оглядел он собравшихся веселым взглядом. – Прошу передать мою благодарность вашим храбрым войскам.

После этого Суворов заслушал доклады о потряхах, покачал головой:

– Несмотря на сегодняшний успех, противник еще не сломлен. Трижды битые французы еще не бегут, а нескошенная трава быстро вырастает. Поэтому утром мы снова атакуем!

– Разве так можно воевать, каждый день такие драки! – вполголоса пожаловался Мелас шедшему

рядом генералу Отту. – Так никто и нигде еще не во-
евал, это же форменное безумие!

В ответ Отт лишь пожал плечами, мол, русские,
они и есть русские, что с них взять!

В лагере союзников еще не знали, что не сло-
мленная еще до конца физически, армия Макдональ-
да уже надломилась психологически. Что касается
поляков, то их осталось в живых всего три сотни из
двух тысяч, да и те были так деморализованы, что не
годились даже для охраны обоза.

В то же время, когда Суворов совещался со сво-
ими генералами, Макдональд совещался со своими.

– Полки в совершенном расстройстве! Убыль в
людях огромная! Кавалерия почти вся истреблена!
Артиллерийские заряды на исходе! Солдаты уже по-
сылают к черту своих офицеров и не желают идти в
бой! – наперебой докладывали Макдональду его ге-
нералы, половина из которых тоже была переранена.

– Так возможен ли завтрашний бой? Пусть каж-
дый выскажет свое мнение, – хмуро обвел собрав-
шихся французский командующий.

– Невозможен! – первым встал генерал Виктор.
– К тому же Моро так и не объявился в тылу Суворо-
ва и вряд ли уже объявится!

– Невозможен! – поднялись вслед за ним Ва-
трен и Монришар.

– Невозможен! – заявили остальные.

– Курьер из Пармы! – доложил адъютант.

– Что там еще? – встревожился Макдональд,
уже не ждущий хороших вестей.

И он не ошибся.

– Противник захватил города Модену, Реджио,
Парму! – доложил взмыленный курьер.

В палатке командующего воцарилось гробовое
молчание. Все названные города находились в тылу
армии. Это значило, что Суворов окончательно пе-
рехитрил их, направив в обход кавалерию генерала
Края.

Итак, все решилось. Армия Макдональда, не
теряя времени, двинулась вспять тремя колоннами,
так же, как и наступала. На берегу Треббии остались
лишь кавалеристы, чтобы до утра поддерживать
огонь в кострах и дать пехоте хотя бы немного ото-
рваться.

Но обмануть Суворова не удалось. Едва забрез-
жил рассвет, вездесущие казаки сразу унюхали, что
противника нет. Атаман Денисов стремглав помчал-
ся к Суворову. Тот уже оделся и собирался ехать к
построенным для атаки войскам.

– Так что утекли французы, ваше сиятельство! –
прокричал он фельдмаршалу еще издали.

– Верно ли сие? – хитро сощурил глаз Суворов.

– Вернее верного! – даже обиделся атаман. –
Сам видел, на бивуаке пусто, только кавалерия по
берегу ездит.

– Ну вот и дождались радостного часа! – широ-
ко перекрестился фельдмаршал и велел слать тру-
бачей с объявлением о победе в полки.

Вдогон французам были посланы Мелас и Ро-
зенберг, под начало которых были дадены только что
прибывшие свежие батальоны и эскадроны.

– Бить, гнать и истреблять, а покоряющимся да-
вать пардон! – велел генералам Суворов.

В занятой Пиаченце нашли около восьми тысяч
брошенных раненых, в том числе четырех генера-
лов, и среди них двух командиров дивизий.

Наша колонна, в голове которой скакал Суво-
ров, настигла арьергард генерала Виктора и атако-
вала его со всех сторон. Отступить французам было
уже некуда. Сам Виктор едва ускакал на лошади.
Часть солдат была перебита, часть разбежалась по
виноградникам, а знаменитая во всей французской
армии 17-я полубригада в полном составе сдалась
на милость победителя.

Преследуя противника, казаки Денисова захва-
тили письмо от Макдональда к Моро и всю пере-
писку генерала Виктора. Прочитав письма, старый
фельдмаршал остался доволен.

– Макдональд нами разбит и более нисколь-
ко не опасен! – объявил он с радостью в голосе. –
Сколько захвачено знамен?

– Семь полковых штандартов, – доложили ему.

– Чем славно это место? – спросил затем фельд-
маршал у ехавшего рядом великого князя.

Тот лишь пожал плечами.

– А тем, ваше высочество, что именно здесь, на
Треббии, знаменитый Аннибал разбил наголову са-
моуверенных римлян. Теперь же мы повторили его
подвиг, разбив при тех же берегах самоуверенных
французов, – назидательно просветил Константина
фельдмаршал.

– Ну а почему Аннибал не пошел после сей по-
беды сразу на Рим? – спросил он уже у ехавшего ря-
дом Багратиона.

– А потому, ваше сиятельство, что в Карфагене,
вероятно, сидел свой гофкригсрат! – бойко ответил
тот, к большому удовольствию Суворова.

Захватывая пленных, наши преследовали про-
тивника еще целый день и следующую ночь, пока
сами не умаялись. Потери союзников были около
пяти с половиной тысяч убитыми и ранеными. Фран-
цузы потеряли за пятнадцать тысяч.

Что же касается Моро, то он, пытаясь хоть чем-
то помочь лигурийский легион генерала Лапойна. Но тот,
боясь встречи со знаменитым полководцем, так и
не решился ударить в тыл союзной армии, а потом
и вовсе был разбит нашим заградительным отрядом
и бежал.

***

Награды за Треббию были самые щедрые. Па-
вел Первый был в восторге от такого триумфа и ут-
вердил всех отличившихся, за кого просил фельд-
маршал. Почти никто из участников сражения не был

обойден. Все полки получили право на почетный гренадерский марш, солдатам, как всегда, дали по целковому, офицерам – чины и ордена, которых выслано было более тысячи. Свой орден получил даже посол в Вене граф Разумовский, так сказать, за содействие. Самому Суворову Павел передал свой портрет, оправленный в бриллианты, сопроводив его запиской: «Портрет мой на груди вашей да изъявит всем и каждому признательность Государя к великим делам своего подданного, им же прославляется царствование наше». В самом Петербурге победу при Треббии отметили салютом и торжественным молебном.

Состоявший в переписке с фельдмаршалом граф Ростопчин писал Суворову: «Воин непобедимый, спешу уведомить вас, сколь Государь обрадован победами вашими и как мы все, честные люди, в углу церкви молим Господа о сохранении героя российского на славу отечества и жизнь бесконечную».

В Вене известие о победе на Треббии была принята с особым восторгом. Как раз перед этим туда пришло известие о разбитии австрийского генерала Гогенцоллерна, и все с замиранием сердца ждали известия от Суворова, и тот ожиданий не обманул. Впрочем, при австрийском дворе к известию о победе отнеслись куда сдержаннее, чем в Петербурге.

– Конечно, победа это прекрасно, но Суворов забрал слишком много власти, и чем дальше, тем больше он не считается с мнением гофкригсрата! – нашептывал императору Францу интриган Тугут.

– Да, мы должны быть с этим стариком настояще, – соглашался со своим министром Франц.

Что касается Франции, то там известие о разгроме при Треббии совпало с очередным правительственным кризисом. Буквально за несколько дней до сражения в Париже произошел очередной правительственный переворот, и совет директории возглавила другая партия.

Новость о сокрушительном поражении вызвала бурю возмущения как среди политиков, так и среди народа. Виновные генералы были немедленно вызваны в столицу для ответа. По Парижу же начали расклеивать листовки: «Генерал Суворов на пороге Франции!», «Отечество в опасности!», «Все к оружию!»

Самого Суворова в те дни занимали совершенно иные заботы. Фельдмаршал тревожился, что за генералом Лапойном в его тылу может объявиться и сам Моро, но тот так и не объявился. Когда же Моро узнал о разгроме Макдональда при Треббии, то и вовсе остановился, понимая, что теперь Суворов займется им. В этом любимец Парижа не ошибся.

– Кажется, нам пора угостить и Моро, что-то давненько мы его не лупили, – объявил Суворов и, развернув войска, двинул их навстречу северной французской армии.

Тот не стал ждать нового погрома, а почел за лучшее откатиться к Апеннинам.

Что касается Макдональда, то, отступая, он с остатками своей армии прокрался по горным тропинкам в Геную, где только и смог отдышаться. В тылу французам же вспыхивали крестьянские мятежи, и горе было тем, кто отставал от своих...

Узнав о разгроме Макдональда, сдалась и казавшаяся неприступной цитадель Турина – три тысячи солдат и более полутысячи пушек. Казалось, битва за Италию приближается к своему победному завершению...

Глава третья

ЖАРКОЕ СОЛНЦЕ НОВИ

Едва отгремели победные залпы на берегах Треббии, Суворов поспешил в городок Александрию (не путать с Александрией египетской!), что был в опасности от наступления Моро. Тем более что в Александрийской цитадели еще держался французский гарнизон. Пока от французам не было известий, фельдмаршал ежедневно выводил войска на маневры, заставляя их перестраиваться на ходу, атаковать, штурмовать крепостные стены.

В начале июля радостная новость – подошла из России дивизия генерала Ребиндера. Фельдмаршал сам встречал подходящие полки и, объезжая их, называл солдат чудо-богатырями, те отвечали дружным «ура». Узнавая старых солдат, Суворов дарил им червонцы и вспоминал общие сражения.

Союзники по-прежнему осаждали Мантую. Вскоре новый успех – перед Суворовым сложил оружие гарнизон Александрийской цитадели. Победителям сдались две с лишним тысячи солдат с двумя сотнями пушек и шестью знаменами. Покончив с цитаделью Александрийской, фельдмаршал велел везти осадный парк к следующей, Тортонской крепости. Пока тащили волами огромные мортиры, сдалась Мантуя – одна из сильнейших крепостей Европы, почитавшаяся ключом к северной Италии. Генерал Фуасак-Латур прислал Суворову свою шпагу, тот отослал ее обратно. В плен сдались 10 тысяч солдат и тысяча офицеров, помимо этого была захвачена еще тысяча поляков. Трофеи составили почти семь сотен пушек, огромные запасы снаряжения и флотилия канонерских лодок. Победа была громкая и славная.

Во Франции падение Мантуи вызвало всеобщее оцепенение.

– Это позор французского оружия! – кричали тогда на парижских улицах.

Бедного Фуасака-Латура немедленно лишили мундира и с позором изгнали со службы. Вена, разумеется, радовалась. Причем там ставили падение Мантуи выше всех иных суворовских побед. Император Павел Первый тоже был весьма доволен и немедленно возвел Суворова в княжеское достоинство с титулом Итальянского.

– Крепости падают что спелые яблоки с дерева, только успевай хватать, – шутили молодые поручики и подпоручики в нашем лагере.

Седые капитаны да майоры отвечали им со знанием дела:

– Все дело в том, кто трясет дерево.

Сам Суворов был рад, что теперь, когда все важнейшие крепости пали, он может, не боясь удара в спину, заняться вторжением в Генуэзскую Ривьеру, чтобы окончательно добить бежавшего туда Макдональда. Много времени и нервов занимали ответы на бесконечные инструкции из Вены. И император Франц, и министр Тугут, и члены гофкригсрата – все пытались руководить фельдмаршалом, и всех ему приходилось ласково ставить на место.

А французы тем временем стремительно очищали Италию. К концу июня они оставили Тоскану и Флоренцию, потом вымелись из Ливорно и Лукки. Всюду союзников встречали цветами и криками «Вива Мария!», «Вива Суворов!». Французский генерал Гарнье принужден был собрать все немногочисленные силы в Риме и ждать своей участи.

На юге Италии благодаря мужеству отряда капитан-лейтенанта Белли пал Неаполь, и королевская власть была восстановлена во всем Неаполитанском королевстве.

Если Италия благодаря громким победам русского фельдмаршала была уже почти освобождена, то в Швейцарии эрцгерцог Карл по-прежнему не желал драться с неприятелем в ожидании спешащего туда корпуса генерала Римского-Корсакова. Сами австрийские генералы говорили, что эрцгерцог Карл, безусловно, талантлив, но болен душевно, а потому и воюет с причудами.

Помимо всего прочего из Вены стали командовать своими генералами через голову фельдмаршала. Генералы эти интриговали и своевольничали. Больше всего жаловались на быстрые марши, которые якобы весьма изнуряют австрийцев и утомляют самих генералов. Снабжение было, как и раньше, самым отвратительным: хлеб – кислым, мясо – вонючая ослятина, вино – сильно разбавленным.

– Если бы у австрийцев отнять перо и бумагу, то и крамолы никакой бы не было. Как же мне надоели все эти гадкие проекторы, каверзы и хитрости венские! – не раз говорил Суворов с досадой.

В отчаянии фельдмаршал писал в те дни императору Павлу: «Робость Венского кабинета, зависть ко мне, как чужестранцу, интриги частных двуличных начальников, относящихся прямо в гофкригсрат, который до сего операциями правил, и безвластие мое в производстве сих (операций) прежде доклада на тысячи верстах принуждают меня, Ваше Императорское Величество, всеподданнейше просить об отзыве моем, ежели сие не переменится. Я хочу мои кости положить в своем отечестве и молить Бога за моего Государя».

Павел письмом привел своего австрийского коллегу в чувство, но, как оказалось, ненадолго.

Весьма волновали Суворова и новости об Ушакове. Историк Бантыш-Каменский писал: «Суворов, не любивший рассыпать похвалы там, где не следовало, особенно уважал Федора Федоровича и любил отдавать справедливость его заслугам. В бытность Суворова на севере Италии к нему приехал от Ушакова офицер с бумагами, немец по происхождению. “А что, здоров ли мой друг, Федор Федорович?” – спросил Суворов. Посланный отвечал: “А, господин адмирал фон Ушаков?” “Убирайся ты с твоим фон! – воскликнул Суворов. – Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихтбештимтзагеры, немогузнайки, а человек, которого я уважаю, который своими победами сделался грозой для турков, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело освобождения Италии, отняв у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто Федор Федорович!”»

Пока наши войска готовились к походу на Геную, парижская директория приняла лихорадочные меры для отражения грядущего вторжения во Францию. Вновь созданные Рейнская и Гельветическая армии должны были вытеснить из Швейцарии припадочного эрцгерцога Карла. Альпийская армия генерала Шампионне должна была прикрывать юг Франции, а Итальянская армия сдерживать Суворова. Генералу Моро было велено ехать командовать армией на Рейн, а в Италию уже спешил новый командующий генерал Жубер. Ему было всего тридцать лет, он был прекрасно образован, храбр, любим солдатами, слыл крепким республиканцем и считался талантливым стратегом.

Прибыв к армии, Жубер попросил своего предшественника остаться на некоторое время, чтобы ввести его в курс дела. Генералы были давними друзьями, поэтому Моро согласился помочь своему товарищу.

– Что ты можешь сказать о Суворове, каков он как полководец? – расспрашивал друга Жубер.

– О, этот Суворов – генерал, который обладает стойкостью выше человеческой, он погибнет сам и уложит рядом свою армию до последнего солдата, прежде чем отступит хотя бы на один шаг.

– Я намерен немедленно атаковать и разбить этого хваленного Суворова, – рассмеялся Жубер, тряся длинными кудрями.

Моро и Сен-Сир несколько умилились пылу хвастуны, рассказав ему в общих чертах о своих проигранных сражениях.

Жубер поутих, но ненадолго.

– Я обещал в Париже добыть победу, и я ее добуду чего бы это ни стоило! Жребий брошен, я нападаю! – окончательно решил он.

– Судя по всему, цена будет весьма немалой, – сказал Сен-Сир генералу Моро.

Тот молча кивнул.

***

На рассвете 3 августа французы подошли к городку Нови. Стоявший там авангард князя Багратиона после небольшой перестрелки отошел. Суворов тем временем стягивал войска в единый кулак. По своему обыкновению, он объезжал солдат. Показывая им на французов, говорил:

– Их надо выманить в чистое поле, а там и побить.

– А ежели не спустятся к нам, чего делать, ба-тюшка? – спрашивали солдаты.

– Тогда мы сами пойдем к ним и побьем всех на месте! – смеялся фельдмаршал и скакал дальше.

В сопровождении всего одного казака Суворов проехал вдоль передовой цепи, самолично проводя рекогносцировку.

Позиция французской армии на гребне холмов у самой подошвы гор внушала почтение. За спиной у них был городок Нови, впереди на холмах виноградники, заборы и канавы.

– Позиция и вправду крепкая, посмотрим, как предводители французские ею распорядятся! – сделал заключение фельдмаршал.

Смотревший с холма в подзорную трубу Моро заметил фельдмаршала.

– Вон он, этот несносный старик: в одной рубахе и исподних штанах на лошади. Пусть стрелки возьмут его на мушку!

Вокруг Суворова засвистали пули, затем напротив стала собираться и кавалерия, чтобы попытаться захватить в плен столь важную особу. Видя это, фельдмаршал вернулся к войскам. Суворов был на редкость весел, шутил и говорил прибаутками. В своей победе он был полностью уверен.

В течение целого дня французы так и не решились на атаку, явно не желая оставлять свою крепкую позицию. Прождав бесполезно весь день, Суворов велел готовиться к атаке на следующее утро.

– А то еще удерут, гоняйся потом за ними, – говорил он, смеясь.

Любимец Суворова среди австрийцев генерал Край приехал к нему.

– Прошу, ваше сиятельство, оказать мне честь и доверить вести главную атаку, – попросил он.

Фельдмаршал немного помолчал, потом кивнул седой головой:

– Согласен. Пойдешь на правом фланге. Даю тебе двадцать семь тысяч штыков, твой кулак самый крепкий, но и спрос особый. Надлежит стремительно атаковать и гнать французов через Нови и дальше.

Левее Края напротив городка Нови расположились полки Багратиона, которого сзади подкре-

плял Милорадович, всего десять тысяч. В резерве пятнадцать тысяч во главе с неповоротливым Меласом и испытанным Дерфельденом. Тыловые позиции прикрывал корпус Розенберга.

Сидящий рядом на коне Жубер был растерян. Увидев перед собой всю союзную армию, он сразу приуныл. Куда ни кинь взгляд, тянулись длинные линии союзных войск, готовых к атаке.

– Я думал, что неприятель куда малочисленней, – не удержался он.

После этого обеспокоенный не на шутку Жубер собрал военный совет. Большинство генералов во главе с Моро советовали не испытывать судьбу, а отступить в горы и ждать помощи Альпийской армии.

– Пусть Чемпионне заставит русского медведя развернуться к нему мордой, вот тогда мы и воткнем штык ему в спину, – советовал Сен-Сир.

– К Макдональду, как известно, русский медведь уже разворачивался, и где он теперь, наш Макдональд? – язвительно парировал желчный генерал Ватрен.

– Подождем до утра, быть может, Суворов испугается нас и сам отступит, – подвел итог унылый Жубер.

Сидевший рядом Моро с сомнением покачал головой. Уж он-то твердо знал, что Суворов не отступит ни при каких обстоятельствах.

Всю ночь Жубер пролежал в постели с открытыми глазами, изводя себя мрачными мыслями. К утру он был уже так взвинчен, что не мог даже спокойно говорить. Мало кто знал, что к армии генерал прискакал прямо из-под венца, пообещав молодой жене победить или погибнуть. Победить он уже не надеялся, но погибнуть было еще непоздно...

***

Рассвет убедил командующего Итальянской армией, что союзники стоят на той же позиции, что и вчера. Что делать дальше, он толком не знал. В это время раздались первые выстрелы. То русские и австрийские егеря отгоняли французскую кавалерию. Вонзив что есть силы шпоры в бока своему коню, Жубер помчался в передовую цепь, где тут же был убит наповал меткой пулей. Как знать, может быть, давая своей невесте столь необычное клятвенное обещание, Жубер сам накликал себе смерть. Впрочем, ходили слухи, что, отчаявшись победить у знаменитого полководца, он сам бросился под пули...

– О смерти Жубера войскам не объявлять! – приказал бледный Моро, получив известие о смерти друга. – Я снова вступаю в командование армией!

Теперь ему надо было исправлять чужие ошибки, если, впрочем, их еще можно было исправить.

Мертвого генерала по приказу Моро накрыли конской попоной и увезли в обоз.

Тем временем первая линия Края уже подошла к подошвам холмов, полки свернулись в боевые колонны и начали медленно подниматься.

– Немедленно подтянуть резервы, иначе нас просто сомнут! – приказал встревоженный Моро.

Резервы успели, и Край был остановлен. Затем австрийцы в полном порядке откатились назад, но совсем недалеко. Преследовать их Моро не решился, оставшись стоять, как и стоял.

В дело вмешался Суворов.

– Краю возобновить атаку, Багратиону тоже атаковать, а Милорадовичу придвинуться вперед для поддержки первой линии! – распорядился он.

Багратион начал атаку на Нови, Край атаковал там же, где и раньше. Французы, засев в канавах и садах, встретили союзников сильным огнем, но не остановили и после яростной схватки отступили в город.

Наши атаковали Нови, но наткнулись на высокую каменную стену, которой был обнесен город. По ней били из пушек, но ядра отскакивали.

– Вот зараза так зараза! – ругались солдаты. – Выстроили колобратину эту, что и не расковырять!

Не теряя времени, русские батальоны повернули правее и под ядрами и картечью начали обходить стену «с еще большим замечательным бесстрашием». Колонны при этом были совершенно на виду, и французы могли расстреливать солдат на выбор.

Моро недаром числился одним из лучших полководцев Франции, в ведении боя он тоже кое-что понимал. Не теряя времени, французский генерал велел вывести свежие войска и ударить в наш левый фланг. Свернув свои батальоны в улитку, Багратион эту атаку отбил, но далее продвигаться уже не мог и тоже откатился под прикрытием казаков.

Затем во фланг нам попыталась ударить дивизия Ватрена, но была парирована Милорадовичем. Багратион снова двинулся в атаку, но опять безрезультатно. В это время бегом подошли солдаты резервных полков Дерфельдена.

Линия наших войск, усиленная резервами, в порядке, как на маневрах, двинулась вперед с барабанным боем. Натиск был столь яростный, что французы были сразу же опрокинуты и бежали к высотам, на которых попытались закрепиться. Союзники без передышки атаковали высоты. Но французы отбились. Потери с обеих сторон были огромными. Упрямый Дерфельден повторил атаку. Снова неудача. Тогда он со шпагой в руке сам повел войска в третий раз. Сражение достигло точки высшего напряжения. Но и третья атака не увенчалась успехом. Наши снова были отбиты. Жара стояла неимоверная, и солдаты падали от усталости.

На таком пекле умирали от жары даже легкораненные. Отовсюду неслись крики:

– Воды! Воды!

Но воды ни у кого уже не было.

Суворов все время был в самом пекле, разъезжая на своей лошадке под пулями и картечью. Он отдавал распоряжения командующим колоннами, останавливал и поворачивал вспять отступающие батальоны, ободрял измученных солдат, приговаривая:

– Ребяташки! Не задерживайся, иди шибко, бей штыком, колоти прикладом! Ух, махни, головой тряхни!

Но сам уже видел, что те на пределе сил. В час дня Суворов велел прекратить все атаки, давая войскам передышку. Бой затих по всему фронту. Было очевидно, что стойкость французов и выгодная позиция сорвали первоначальный план боя – сбить корпусом Края французов и зайти им в тыл.

До трех часов дня войска отдыхали. В батальоны подвезли воду.

***

А затем фельдмаршал снова бросил армию в сражение. Теперь на противника двинулась сразу вся линия: и Край, и Дерфельден, и Мелас. Французы встретили союзников жесточайшим артиллерийским огнем. Пушки стояли на высотах и били без промаха. Бой был самый отчаянный. Французы держались твердо, но только с фронта. Тем временем с фланга их уже обходили резервные полки. Первым делом они разогнали поляков Домбровского, затем и вовсе вышли в тыл французской армии. Дивизия Ватрена вынуждена была драться в полном окружении. В тылу же началась паника. Всюду кричали:

– Казаки! Казаки!

Первым, бросив позиции, устремился наутек цезальпийский легион, укомплектованный итальянцами. При этом офицеры бежали вперед всех прочих. Прискакавший генерал Сен-Сир восстановил было положение. Несколько оправился и Ватрен. Но это был последний успех французов. Пока они разбирались с прорвавшимися в тыл австрийцами, русские полки проломили фронт, взошли на высоты и ворвались в Нови.

– Все кончено! – зло сжал кулаки Моро. – Всем отход! Спасите хотя бы знамена!

– Куда именно отходить? – непонимающе спросил адъютант.

Генерал невидяще окинул его взглядом:

– Куда смогут, туда пусть и бегут, выбор не большой! Не отставай, нам предстоит сейчас беженая скачка!

Оба прыгнули в седла и рванули туда, где еще не было слышно казачьего улюлюканья.

Выбор куда бежать и вправду был небольшим. К этому времени союзная кавалерия уже оседла-

ла главные дороги, и отступить французы могли лишь по окольным проселочным. А в самом Нови тем времени разыгралась настоящая трагедия. В узких улочках городка скопились толпы отступающих, упершихся в застрявший обоз. А сзади уже налетали казаки и драгуны, пластая саблями и паля из ружей. В довершение всего один из наших батальонов занял местное кладбище и ударил во фланг столпившейся массы. Началось настоящее избиение, когда ни одна пуля, ни один удар штыка не пропадали даром. Всякое организованное сопротивление прекратилось, целая бригада безропотно сложила оружие, остальные, бросая ружья, искали спасения в виноградниках. Несколько сотен солдат пытались было построить для отпора генералы Груши и Партуно, но их мгновенно разметали в стороны, а обоих раненых генералов пленили.

Спустя шестнадцать лет именно генерал Груши поставит окончательную точку в череде великих европейских войн, опоздав к месту битвы при Ватерлоо. Пока же ему предстоял путь в Петербург к императору Павлу, который пожелал лично поглядеть на пленных якобинских генералов.

Из хроники сражения: «Войска, утомленные до последней степени более чем полусуточным боем, расположились на ночлег на самом поле сражения; преследование продолжали одни передовые части. Французы бежали по всем направлениям; их гнали, рубили, забирали в плен толпой; лишь спустившаяся ночь дала им возможность свободнее вздохнуть. Как союзники понесли огромную потерю во время сражения, так французы особенно пострадали при отступлении. Равнина, скаты и гребни возвышенности, лощины – были усеяны телами мертвых и умирающими; даже на следующее утро нельзя было проехать несколько сот шагов, чтобы из-под копыт лошади не раздавался болезненный стон полумертвого страдальца. Очевидец говорит, что тела лежали вокруг Нови почти сплошь одно около другого, и было их так много, «как на самом урожайном поле не могло быть снопов сжатого хлеба». Приходилось заботиться только о своих, да и на это потребовалось много времени; собирать же раненых французов, отвозить их в госпитали и хоронить мертвых приказано было окрестным жителям».

Ночью спрятавшиеся в виноградниках французы вместе с местными республиканцами проникли в город, напали и уничтожили наш караул. Однако поспевший батальон Багратиона переколот нападавших. Этим и закончилось сражение при Нови – одно из самых упорных и кровавых сражений той кампании.

Историки оценили потери при Нови следующим образом: австрийцы – пять тысяч, наши – две тысячи, французы – более десяти тысяч. В качестве трофеев победителям досталась вся французская артиллерия – сорок пушек и несколько знамен.

Суворов был очень доволен поведением войск в бою, как своих, так и австрийцев, о чем с удовольствием и отписал обоим императорам. Прямо на поле боя он произвел за совершенные подвиги в подпоручики рядового Лифляндского егерского полка Андрея Глебова. Пройдут годы, и бывший суворовский солдат за героизм при Бородине станет генералом...

На следующий день преследование разбегающихся во все стороны французов было продолжено. Снова захватывали пушки и обозы, сгоняли в кучи пленных. Суворов хотел было незамедлительно вторгнуться в Ривьеру, но Мелас сообщил, что пока ни мулов, ни продовольствия нет. Скрепя сердце Суворову пришлось приостановить армию. А тут еще снова вмешался гофкригсрат, начавший руководить австрийскими генералами через голову главнокомандующего. Вначале был возвращен от Ривьеры в Тоскану генерал Кленау, затем отозван корпус генерала Фрелиха, и, наконец, сам Мелас получил приказ с французами не воевать, а заняться искоренением местных разбойников. Почитавший Суворова, Мелас извинялся перед фельдмаршалом за происходящее, но Суворову от этого легче не было...

***

В Петербург с донесением Суворов отправил легкого на подъем подполковника Кушников. Тот домчался без сна и отдыха. Прочитав суворовскую реляцию, Павел был счастлив.

– Кушников, поздравляю тебя полковником! – улыбаясь, объявил он, потом, подумав, добавил: – Жалую еще орден Святой Анны!

Подумав еще немного, император решил быть сегодня особо щедрым:

– А также орден Святого Владимира с бриллиантами! Кроме того, прошу быть сегодня у меня к обеду и ужину!

После ужина растерянного Кушникова застал к себе в покои для рассказа и наследник Александр. Когда тот удовлетворил любопытство цесаревича, Александр вручил новоиспеченному полковнику свою соболью шубу.

– Мне нельзя ехать в итальянскую армию, так пусть там будет хоть моя шуба! – сказал он на прощание.

Покинув дворец, Кушников долго глядел на дареную шубу, а потом громко расхохотался, представив себя в невыносимую итальянскую жару в этой шубе. Что и говорить, очень своевременный подарок!

Павел Первый был щедр на награды и всем остальным участникам сражения. Суворова он одарил особым рескриптом, написав, что не знает уже, чем и наградить столь прославленного полководца, который «поставил себя выше награжде-

ний». Впрочем, подумав, Павел все же придумал награду:

– Отныне вся гвардия и все войска российские будут, даже в моем присутствии, отдавать Суворову воинские почести, полагающиеся только особе императора! Достойному достойное!

По Петербургу и Москве поползли слухи, что император придумал для Суворова некий новый орден и даже показывали его рисунки. Обыватели верили, да и как не верить, ведь это же сам Суворов!

Вена отнеслась к известию о новой победе при Нови сдержанно. Особых торжеств и празднеств там не было.

Зато сардинский король Карл Эммануил, сбежавший в свое время от французов из Турина на Сардинию, слал теперь Суворову восторженные письма, называя его не иначе как «бессмертным», и даже изъявлял желание... служить под его началом. Братья короля и вовсе просились в русскую службу. Тогда же Суворов был пожалован «великим маршалом пьемонтских войск и грандом королевства, с потомственным титулом принца и кузена короля». Депутация Турина поднесла Суворову осыпанную бриллиантами золотую шпагу. Даже фельдмаршальский камердинер Прошка получил от сардинского короля сразу две золотые медали. Весьма популярен Суворов стал и в Англии. Теперь в английских тавернах пили не только за здоровье Нельсона, но и за здоровье Суворова. Да и сам король Георг на приемах первым поднимал тост за здоровье русского фельдмаршала. Посол граф Воронцов в те дни с удовольствием говорил:

– Приятно быть русским в такое славное для России время!

Сам же Нельсон в те дни льстиво писал Суворову: «Меня осыпают наградами, но сегодня удостоился я высочайшей из наград – мне сказали, что я похож на Вас».

Имя Суворова сразу же стало предметом моды. В театрах наперебой ставились пьесы «Суворов в Италии» и «Суворов в Париже». Мгновенно появились суворовские прически, суворовские шляпы и даже суворовские пироги. Особым спросом пользовались портреты Суворова, которые продавали в неимоверных количествах по всей Европе, совершенно не заботясь о схожести с оригиналом. Ходко шли и карикатуры, где огромный и толстенный Суворов вилкой нанизывал десятки тщедушных французов и скопом отправлял их к себе в огромную зубастую пасть.

В Париже известие о новом разгроме, учиненном Суворовым при Нови, вызвало уже настоящую истерику. Площадные оскорбления слышались повсюду не только в адрес Моро и покойного Жубера, но даже в адрес молодой вдовы последнего...

Сам же Суворов, тем временем расположившись с войсками в городке Асти, занимался обу-

чением солдат, а также наставлял австрийских генералов в военном деле. Вторгаться в Ривьеру ему запретили, и теперь старый фельдмаршал пребывал в ожидании новых политических договоренностей. Между тем русско-австрийский союз уже трещал по швам.

Глава четвертая

ОТ ПАЛЕРМО ДО РИМА

Верхний угол Адриатики контролирует крепость Анкона. Кто владеет Анконой, тот владеет и северной Адриатикой, и Венецианским заливом. Сейчас Анконой владели французы. В крепости заперся двухтысячный гарнизон, и австрийцы никак не могли его оттуда выковырять. Помимо всего прочего крепость перекрывала доставку продовольствия для армии в северную Италию. Отчаявшись одолеть противника в одиночку, австрийцы запросили помощи у союзников. Министр иностранных дел Тугут слезно просил нашего посла в Вене графа Разумовского ходатайствовать о присылке отряда кораблей для блокады Анконы. Разумовский переслал просьбу Ушакову. Одновременно просил прислать корабли к Анконе и Суворов. 5 мая 1799 года он писал: «Милостивый государь мой Федор Федорович. Здешний чрезвычайный и полномочный посол пишет ко мне письмо, из которого ваше превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды вашей на высоте Анконы; как сие для общего блага, то о сем ваше превосходительство извещаю, отдаю вашему суждению по собранию правил, вам данных, и пребуду с совершенным почтением. Милостивый государь вашего превосходительства покорнейшей слуга гр. А. Суворов Рымникский».

Получив это письмо, Ушаков сразу же вызвал к себе Пустошкина:

– Собирайся в дорогу, Павел, поплывешь в залив Венецианский воевать Анкону!

– Какие силы мне будут дадены? – сразу поинтересовался ничему не удивившийся Пустошкин.

– Возьмешь из кораблей линейных «Михаил» с «Симеоном», фрегаты «Навархию» с «Богородицей Казанской», посыльное судно да транспорт «Красноселье». Кадыр-паша определяет под твое начало корабль, два фрегата с корветом да шебеку. Если сыщешь где сбежавший «Женере», атакуй, разбей и в плен возьми!

– Мой флаг на «Михаиле», – ответил вице-адмирал.

Спустя неделю наши были уже под Анконой. На подходе к крепости оба фрегата под брeid-вымпелом командира «Навархии» Войновича отделились от эскадры и повернули к Триесту – главному австрийскому порту на Адриатике. На подходе к порту, как и положено, обменялись салютацией. За-

тем «Навархию» посетил губернатор Триеста. Встретили австрийца по всем правилам: матросы оглушили рафинированного графа пятикратным громовым «ура». Губернатор сообщил Войновичу последние новости из Вены, передал письма. Не задерживаясь в Триесте, командир «Навархии» поспешил вдогон за главными силами к Анконе.

Едва корабли Пустошкина подошли к крепости и заняли позицию вокруг нее, невесть откуда появился французский транспорт с припасами для осажденного гарнизона.

– Ну, хранцуз, попал как кур во щи! – смеялись наши матросы, когда бедный капитан, поняв, что никуда ему уже не деться, беспрекословно спустил флаг.

Затем младший флагман Средиземноморской эскадры разогнал по норам итальянских и французских корсаров. Очистив море, Пустошкин начал подготовку к взятию Анконы. «И была уже верная надежда», – писал в своих письмах Пустошкин. Но не сложилось. Пришла бумага от Ушакова, который срочно отзывал Пустошкина на Корфу. У Анконы был оставлен лишь вспомогательный отряд капитана 2 ранга Войновича. Дело в том, что как раз в это время адмирал получил письмо от Нельсона. Тот извещал русского командующего, что недавно прорвавшийся в Атлантику из Тулона французский флот объединился с флотом испанским и объединенная армада, возможно, снова попытается войти в Средиземное море. Поэтому Нельсон просил о соединении с Ушаковым. Дело было нешуточным, надо было собирать в кулак линейные корабли и тяжелые фрегаты. А потому адмирал помимо Пустошкина отозвал к себе и отряд капитана 2 ранга Сорокина от берегов южной Италии.

***

Помимо всего прочего Ушакову было поручено установить контакты и с черногорским митрополитом. Черная гора – область обитания воинственных православных горцев, никогда не признававших над собой ничьей власти, кроме России, давно интересовала Петербург. Для исполнения этой миссии адмирал избрал грека Клопакиса – офицера надежно и предпримчивого.

– Надлежит тебе навестить митрополита Негуша для изъявления ему и всему народу черногорскому расположения и благоволения российского императора, – объявил Ушаков капитан-лейтенанту.

Казалось бы, что проще! Прибрежные порты во власти союзников-австрийцев, далее владения союзников-турок, но на деле все оказалось куда как сложно. Если турки к миссии российского офицера отнеслись достаточно спокойно, то австрийцы принялись вставлять палки в колеса где только могли. Вена давно имела свои виды на Черную гору, и появление там посланца Петербурга никак не входило

в планы министра Тугута. В конце концов, Клопакиса дальше Рагузы просто не пропустили под предлогом якобы свирепствования на горе некоей заразы. «Вообще же, – писал впоследствии Клопакис о не пустившем его на гору коменданте Рагузы, – генерал принял меня ласково, ни дать ни взять, как русская пословица говорит: мягко стлать, а жестко спать».

Но Клопакис тоже был не лыком шит. Он все же изыскал способ оповестить митрополита о своем прибытии. Седобородый Петр Негуш сам спустился с горы и навестил капитан-лейтенанта в местном монастыре. И хотя рядом неотлучно крутились соглядатаи Тугута, хитрый грек все же выискал момент, когда оказался с глазу на глаз с Негушем и передал то, ради чего был послан.

– Мы помним и любим вас, – растроганно отвечал митрополит. – Великая Русь в сердце каждого черногорца!

Пройдет всего несколько лет, и русские моряки вместе с черногорскими юнаками вместе пойдут в бой против общего врага. Пока же Ушаков заложил основы этого будущего союза.

Сам же адмирал тем временем готовился к возможной встрече с вражеским флотом. Он снова собрал в Корфу всю свою эскадру, загрузился провиантом и 25 июля отправился к берегам Сицилии на соединение с Нельсоном.

В порту остались лишь находившиеся в починке «Святая Троица», «Богоявление Господне», плененный «Леандер» да шебека «Святой Макарий» для их защиты.

А буквально перед самым выходом адмирала доставили письмо австрийского коменданта Боко-ди-Катаро Брадесавенского венскому консулу на Занте. Письмо заблудилось по дороге и было случайно перехвачено. Его содержание потрясло честного адмирала. Австриец осуждал слишком демократичную конституцию Ушакова и советовал своему визави, как отвратить греков от русских на свою сторону.

– Никогда не мог предположить, что союзники могут столь низко и подло интриговать, – негодовал Ушаков, высказывая наболевшее верному Евстафию Сарандинаки.

– А кто, Федор Федорович, нам в Европе когда добра желал? – ответил ему командир «Святого Павла».

Курс эскадры был проложен в Палермо, где адмирал намеревался встретиться с неаполитанским королем и Нельсоном, узнать последние новости о французском флоте и обсудить совместные действия.

Плавание прошло не без приключений. Черти не дремали. Едва отошли от Корфу, как турецкий фрегат, бестолково маневрируя, подвернул к «Святому Петру» и со всей дури таранил его в борт. Положение спас командир «Петра» Дмитрий Сенявин, вовремя увидевший несущегося на него турка.

– Руль лево на борт! Поворот оверштаг! – мгновенно отреагировал он.

Команду, как эхо, подхватили боцманы. Матросы бросились по местам, дружно навалились на брасы, и корабль, начав поворот, накренился.

– Подтянуть кливер и фок тяни! – уже кричал в рупор Сенявин, отставив в сторону вахтенного лейтенанта.

Сейчас было не до политесов. Бушприт турецкого фрегата уже нависал над рострами. Было видно, как по его палубе суматошно бегают люди, но толку от их суеты не было никакого.

– Круче под ветер! – гаркнул Сенявин рулевому.

Тот что есть силы закрутил колесо штурвала, ускоряя вращение судна. Матросы тем временем уже закрепили брасы с обеих сторон. «Петр» лег на новый галс, уклоняясь от таранного удара. Полностью избежать его все же не удалось. Турок таранил «Святой Петр», но по касательной, снеся себе углетарь и бушприт. «Петр» тоже получил повреждения в борту и в такелаже. Однако все были довольны, что отделались сравнительно малой кровью. Пока турки отцеплялись, с нашего корабля их обложили в полном соответствии с «большим загибом «Петра Великого», впрочем, нехристи все одно ни черта не поняли.

Когда оба судна разошлись в стороны, Сенявин кивнул вахтенному лейтенанту:

– Вступайте в командование вахтой! – и мрачный удалился к себе в каюту.

Над линейным кораблем Кадыр-бея ругательные флаги нерадивому капитану сменились извинительными в адрес «Петра» и флагманского «Павла».

– Никак турки вежливыми стали! – удивлялись на наших кораблях молодые мичмана.

– Лучше бы они плавать по-человечески научились! – поправляли их искушенные морем лейтенанты.

Но вот наконец и рейд Мессины. Невдалеке покачивался на волнах неаполитанский флот: два корабля и фрегат с корветом. Обменялись салютами. Ветер был противный, а потому турки становились на якорь целых два часа. Наши, как обычно, управились в какие-то тридцать минут. Сыграли отбой авралу и заступили на вахту по-якорному. Там же обнаружили нанятые транспорты с отрядом генерал-майора Вяземского – две тысячи гренадер, выделенных Суворовым после сражения при Нови для гарнизона Мальты. С транспортов гренадер переправили на корабли эскадры.

Матросы гостям были рады. И матросы, и гренадеры искали земляков, радовались, когда находили. Ничего что тесновато, зато теперь вечером на баке будет что послушать!

Вскоре на «Святой Павел» пришел парусный катер с представителями местной власти. Ознакомившись с привезенными бумагами, Ушаков выяснил, что опасность появления в Средиземно-

морье франко-испанского флота теперь уже невелика.

– Сдается мне, что Нельсон использовал сию угрозу как предлог нашего прибытия в итальянские воды, – поделился своими мыслями командующий с капитаном 1 ранга Сарандинаки.

Тот был с адмиралом согласен:

– Сдается и мне, что война пушечная подошла к концу, зато началась война чернильная – самая беспощадная и тяжелая!

– Впрочем, в каждой плохой новости есть и свои плюсы, – подумав, покачал головой Ушаков. – По крайней мере, теперь мы сможем исполнить просьбу графа Суворова и послать ему в поддержку в Генуэзский залив эскадру Пустошкина.

Спустя два дня Павел Пустошкин снова вышел в отдельное плавание, но на этот раз уже к стенам старой Генуи. Одновременно к берегам южной Италии в помощь Белли ушел и отряд Сорокина – три фрегата и шхуна.

Сам же адмирал с оставшимися судами взял курс на Палермо. Помня о неумении турок держаться в общем строю, Ушаков на сей раз разместил их позади своего походного ордера. Если не умеют плавать в приличной компании, пусть бьют бортами друг дружку.

***

На подходе к Палермскому рейду сошлись на параллельных курсах с английским отрядом – линейный корабль, фрегат и корвет. В подзорные трубы было хорошо видно, как на английских судах зашумелись матросы.

– Увидели ваш флаг, Федор Федорович, и готовятся к приветствию, – доложил Ушакову спустившийся к нему в каюту Сарандинаки.

– Отдайте и вы им должное, а я поднимусь чуть позже, – распорядился адмирал.

– Свистать всех наверх! – уже командовал вахтенный начальник.

Матросы шумно строились на шкафуте вдоль борта, выравниваясь на передовой английский корабль. Барабанчики застыли в готовности с палочками в руках. Над «Павлом» флаг полного адмирала, над британским кораблем отрядный брейд-вымпел, а потому он, как младший, обязан приветствовать первым.

На приближающихся английских судах тоже уже стояли матросы и морские пехотинцы, «омары», в своих неизменных красных мундирах

Едва линейные корабли поравнялись, на английском линкоре ударили барабаны, морские солдаты разом вскинули ружья на плечо, а затем сделали «на караул». Приветствуя адмирала, до половины приспустился и брейд-вымпел. Стоящий на шанцах английский капитан, демонстрируя свое уважение, снял с головы шляпу и приложил ее к груди.

Теперь ответ был за нами. Барабанщики вскинули палочки, боцмана приставили к губам свои заветные дудки.

– Барабанщики, марш! – крикнул Сарандинаки.

Командир «Святого Павла» также снял треуголку, держа ее на уровне груди. Можно было бы просто приложить к треуголке два пальца, но снятие треуголки – уважение особое, респект за респект. На шканцы «Павла» поднялся Ушаков. Корабли поравнялись. С верхней палубы британского линкора раздались выстрелы – салютация в честь российского адмирала. «Святой Павел» в свою очередь отвечал положенным числом залпов. Матросы с обеих сторон с любопытством разглядывали друг друга. Затем оба судна стали быстро расходиться на контркурсах. Когда же их кормы сравнялись с носами, разом прекратилась барабанная дробь и оборвался свист дудок. Матросы разошлись, вахта осталась на палубе, а подвахта отправилась досыпать прерванный сон. Все обсуждали произошедшее и изгалялись в остротах относительно англичан. Сарандинаки, прислушавшись к матросским шуткам, улыбнулся – англичане небось тоже сейчас над нами в остроумиях упражняются!

Погода в Тирренском море благоприятствовала мореплавателям. Ну вот наконец и Палермо! Лагуна Конка-д'Оро (золотая раковина) в обрамлении невысоких живописных гор. Палермо – город монастырей и церквей. Если первых здесь семь десятков, то вторых около трех сотен.

Штурмана в подзорные трубы придирчиво осматривали берега и брали пеленги на окрестные высоты. Потом делали отметки на особых досках, которые всегда носили под мышкой.

– Кажись, наши! – обрадовались на кораблях, углядев в глубине рейда корабли под Андреевскими флагами.

– Что-то таких и не припомним, – недоумевали поначалу.

– Никак балтийцы к нам в помощь пожаловали, – радовались немного погодя, поразмысливши.

То и в самом деле была балтийская эскадра вице-адмирала Карцова: корабли «Исидор», «Азия», «Победа» и фрегат «Поспешный», прибывшие с Балтики в поддержку черноморцам. Едва «Павел» встал на якорь, туда с докладом прибыл и сам Карцов. Ушаков встречал старого сослуживца прямо у трапа. Не чинясь, адмиралы обнялись, троекратно расцеловались, а затем удалились в каюту совещаться.

Доклад Карцова был неутешительным. Корабли его были уже порядком разбиты. Еще хуже было положение с командами. Более трети матросов болели цингой, и с каждым днем количество больных увеличивалось. Признаки цинги во время долгих плаваний и штормов обычное дело – физическое и нервное истощение и запредельные нагрузки быстро превращают людей в развалины.

– Я пробовал договориться с местным госпиталем, но там никакой помощи не получил, так как сей госпиталь мал и врачей в нем почти нет, а все остались в Неаполе.

– Делать нечего, – подвел итог беседе Ушаков. – Готовься к переходу в Неаполь, там и починишься, и подлечишься.

Утром следующего дня со всех кораблей к берегу поспешили шлюпки – перевозить закупленное продовольствие и другие припасы. Навстречу им из порта двинулись водяные баржи. Все как всегда при заходе в дружественный порт.

Офицерам и части матросов ненадолго удалось выбраться и в город. Вдоль моря проходила променада Форо-Итсанко, где прогуливается местное общество, городской сад Вилла Джулия, памятник Карлу Пятому на плаццо Болония, средневековый королевский дворец – невероятное смешение архитектурных школ и стилей. Все в обилии зелени и в цветах. И офицеры, и матросы с удовольствием познакомились со знаменитой сицилийской марсолой. Офицеры заказывали сорта подороже, матросы – подешевле. Марсала была всегда любима моряками. Дело в том, что в каждую бутылку вина добавлялась капля корабельной смолы, что придавало вину не только особый аромат, но и столь знакомый и дорогой каждому моряку запах родного корабля.

Для Ушакова между тем настала муторная, но необходимая череда приемов. Первым на борт «Павла» пожаловал только что назначенный послом в Неаполитанское королевство граф Брюс с бывшим уже послом Мусиным-Пушкиным и сопровождавшим их статским советником Италинским. С дипломатами адмирал обговорил политическую обстановку и будущее антифранцузской коалиции. И Брюс, и Мусин-Пушкин были уверены, что коалиция трещит по швам и не сегодня-завтра лопнет как мыльный пузырь. Ушаков был с ними согласен. Вместе посетовали на подлости австрийцев в северной Италии и английские интриги вокруг Мальты.

– Я прибыл сюда, чтобы, условясь с желанием Его Неаполитанского Величества и с лордом Нельсоном, следовать к Мальте или в те места, где польза и надобность больше требовать будут! – так адмирал определил дипломатам цель своего появления в Палермо.

Переглянувшись, Брюс с Мусиным-Пушкиным перешли к главному:

– Король Неаполитанский надеется, что сможет вас уговорить отправиться с эскадрой в Неаполь для поддержания там должного порядка.

– Это для меня весьма неожиданно, – хмыкнул Ушаков. – Я ведь прибыл сюда, чтобы, прежде всего, начать блокаду Мальты.

– Мальта от вас никуда не уйдет – на скорое ее взятие никакой надежды нет. В то же время оказание помощи королю Неаполитанскому в нынешней

непростой политической ситуации позволит нам войти к нему в доверие и упрочить наши отношения.

– Господа, я вас прекрасно понял, – сказал, пожимая на прощание гостям руки, Ушаков. – И после встречи с самим королем сообщу свое решение.

Затем адмирал принял вице-адмирала Карцова и его капитанов. Черноморцы и балтийцы вместе посидели за общим столом и отвели душу в разговорах о службе и своем житии. Черноморские рассказывали, как блокировали и штурмовали Корфу, балтийские – о крейсерстве в Северном море.

На следующий день к Ушакову прибыли уже союзники – контр-адмирал Нельсон и посол Гамильтон с женой. По торжественному случаю фалрепные матросы надели белые нитяные перчатки, что смотрелось весьма изысканно. Серьезных разговоров адмиралы не вели, ограничившись лишь личным знакомством и общими темами.

Затем «Павел» посетил уже и сам Неаполитанский король Фердинанд Четвертый с четырьмя сыновьями-принцами. Короля встречали, как и положено, громом салюта и оркестром. Осмотрев российский корабль, Фердинанд переговорил с Ушаковым. Король слезно просил российского адмирала отправиться в Неаполь, где местная чернь совсем вышла из повиновения.

– Вы, адмирал, даже не представляете, до чего дошло! – потрясал он перед лицом Ушакова своими пудовыми кулаками. – Если раньше они убивали и грабили одних якобинцев, что я им разрешил, то теперь они совершенно распоясались и убивают всех подряд, у кого можно хоть чем-то поживиться.

– Мой государь не уполномочивал меня усмирять народные бунты, – хмуро отвечал Ушаков.

– Это и не потребуется, – снова вознес вверх свои кулаки король Фердинанд. – Вы только появитесь на рейде, как все разбойники разом присмирят, так как знают, с русскими шутки плохи. Я же напишу вашему императору благодарственное письмо за свое спасение.

– Я дам ответ завтра, – уклончиво отвечал Ушаков.

Затем король отправился навестить и Кадыр-бея, однако долго там не задержался и быстренько съехал на берег – на турецкой эскадре начали буйствовать озлобленные долгим плаванием галионджи.

– Нет нам счастья и радости в этом походе! – кричали турецкие матросы. – Что мы скажем своим женам, когда вернемся? Никто из нас так и не обогатился! У нас нет ни рабов, ни золота, ни богатых вещей!

К вечеру на турецкой эскадре начался уже настоящий бунт. Матросы вышли из подчинения и грозили выкинуть за борт своих капитанов, если их не отпустят веселиться на берег. Кадыр-бей запросил помощи у Ушакова. Тот немедленно отправился

к туркам. Прибытие грозного Ушак-паши на время разрядило обстановку. Матросы разошлись, грозя издали кулаками. На Ушакова они были тоже злы, ведь именно он лишил галионджей удовольствия пограбить на Корфу.

Однако, едва адмирал вернулся на «Святой Павел», бунт возобновился. Спустив шлюпки, толпы галионджи отправились на берег, а сойдя, сразу же кинулись грабить всех подряд. Сицилийцы оказались тоже ребятами не робкими и дружно встали на защиту своего добра. Вскоре уже по всему Палермо шли настоящие бои. Перепуганный король Фердинанд заперся в своем дворце, окруженный батальоном гвардии, причитая:

– Когда же кончатся мои несчастья? Тут от своих разбойников не знаешь, куда деться, а теперь еще и турецкие объявились!

Побоище завершилось только к утру полным поражением турок, которые потеряли до полусотни убитых и вдвое больше раненых. Остальные вернулись на корабли, чтобы бунтовать дальше. Теперь они требовали от Кадыр-бея немедленного возвращения домой, грозя в случае отказа выбросить за борт уже его самого. Из двух зол турецкий адмирал выбрал меньшее. Оповестив Ушакова о том, что на этом его средиземноморская миссия закончена, Кадыр-бей велел выбирать якоря. Но было поздно – взбунтовавшиеся матросы, не доверяя своим начальникам, отстранили адмиралов и капитанов от власти и сами развернули корабли в сторону дома. Такого на нашем флоте еще не видели! Ушаков было предложил Кадыр-бею свою помощь, но тот в страхе отказался:

– Пока Ушак-паша будет пугать моих галионджи пушками, они отрежут мне ятаганом голову и отошлют ее в подарок тому же Ушак-паше. Лучше я тихо посижу в своей каюте до Истамбула и уже там перевешаю зачинщиков.

Из письма статского советника Италинского Суворову: «Сиятельный граф, милостивый государь. Господин адмирал Ушаков, по прибытии своем сюда (в Палермо. – **В.Ш.**) с российской и оттоманской эскадрой... имел намерение итти в Мальту, стараться принудить неприятеля к сдаче тамошней крепости. Опасное положение, в котором находится Неаполь по причине не утвердившегося еще в народе повиновения законам, заставило господина адмирала, исполняя волю и желание Его Неапольского Величества, следовать к оному столичному городу. Завтра вся эскадра российская, состоящая в 7 линейных кораблях, снимается с якоря, турецкая сего дня поутру пошла к Дарданеллам. Служащие на ней матросы давно ропщут, что их задержали в экспедиции гораздо более того, сколько они обыкновенно бывают в море; наконец, будучи здесь, совершенно взбунтовались, отрешили от команды адмиралов и прочих начальников и, презирая все уведомления, поплыли в отечество...»

Глядя вслед уходящим турецким судам, наши крестились:

– Избави Господи от таких союзников, а с врагами мы и сами разберемся.

В следующий раз Ушаков встретился с Нельсоном уже в резиденции Гамильтонов. На этот раз обсуждали положение дел с Мальтой. Доклад делал Нельсон. Он сообщил, что гарнизон острова состоит из четырех тысяч солдат и большого количества артиллерии, кроме этого в гавани находятся три линкора и три фрегата. Участники совещания сошлись на том, что для штурма нужны десантные войска, так как с одними кораблями штурмовать неприступные стены Ла-Валлетты невозможно. При этом Ушаков высказался за то, что при должном подходе успех штурма Мальты вполне реален. Английский контр-адмирал же, напротив, отговаривал Ушакова от плавания к Мальте, явно не желая видеть русских при будущем дележе мальтийского пирога. Дело в том, что, пойдя Ушаков к Мальте, как младший по чину, Нельсон сразу попадал к нему в подчинение, а этого контр-адмирал никак не желал. После совещания Ушаков все же объявил, что готов со своей эскадрой выйти к Мальте немедленно.

– Я очень просил бы вас, господин адмирал, отправить небольшой отряд своих судов к Генуе, чтобы блокировать подвоз подкреплений войскам генерала Моро, – попросил Нельсон.

– К Генуе корабли уже отправлены! – ответил Ушаков.

Тогда же Нельсон передал Ушакову уведомление, что с одобрения российского императора адмиралу надлежит передать англичанам захваченный линейный корабль «Леандер». Новость была не только огорчительной, но и обидной. Во имя высокой политики надлежало вернуть союзникам трофей, добытый в жестоком бою. К этому времени на «Леандер» были уже назначены и команда, и командир с офицерами. При этом всех офицеров адмирал назначил туда с повышением «за отличие в боях». Теперь же ему надо было возвращать все обратно. Это было обидно и Ушакову, и всем офицерам эскадры. Но с императором не поспоришь...

Но на следующий день король Фердинанд в присутствии Нельсона снова попросил Ушакова направиться вначале к Неаполю, где все еще не прекращались волнения.

Из «Исторического журнала о совместных совещаниях адмирала Ф. Ф. Ушакова с лордом Нельсоном»: «Между тем адмирал с господином вице-адмиралом Карцовым и командующим турецкой эскадры неоднократно еще виделись с лордом Нельсоном и с первым Его Сицилийского Королевского Величества министром Актоном имели между собой военный совет об общих действиях. Главнокомандующий желал иметь действия общими силами против Мальты, дабы как наивозможно скорее принудить ее к сдаче, но господин лорд Нельсон остал-

ся в прежнем положении о своей эскадре, что она должна итти непременно частью в порт Магон, а прочие в Гибралтар, также и объявлено, что и португальская эскадра непременно пойдет в Португалию. И при оных же обстоятельствах главнокомандующий получил вторичное письмо от Его Королевского Величества, в котором объяснено формальное требование в рассуждении союза и верной дружбы Его Королевского Величества с государем императором всероссийским, чтобы адмирал с обеими союзными эскадрами отправился в Неаполь для восстановления и утверждения в оном спокойствия, тишины и порядка и прочих обстоятельств, в письме Его Величества объясненных...»

Впрочем, и сил особых для блокады у Ушакова не было. Турки самовольно бежали в Константинополь, корабли Карцова нуждались в срочном ремонте, а команды в лечении. Кроме этого в руках французов все еще находился Рим, и это тоже весьма тревожило.

– Следуем в Неаполь и мы, – решил Ушаков после некоторых раздумий. – Восстановим там спокойствие, а потом попробуем выгнать французов из Рима. Надеюсь, иметь в том благополучный успех!

***

4 сентября эскадры Ушакова и Карцова снялись с якорей и вышли в море, а через четверо суток прибыли в Неаполь. Входить в залив Неаполитанский одно удовольствие. Проход широк – почти тридцать миль, видимость отличная. Слева мыс Позиллипо, справа в дымке Кампанелла с островом Капри. Вдалеке слегка курится дымом знаменитый Везувий. С крепостей салютовали, наши отвечали. Эскадра бросала якоря в лазурную воду порта Санта-Лючия.

Там уже стоял отряд фрегатов Александра Сорокина, начавший ремонт. Из шканечного журнала «Святого Павла»: «С начала положения якоря приезжало к кораблю из города великое множество жителей на лодках и замечательно, что в единой приверженности в честь прибытия россиян играли на трубах и неоднократно кричали “ура”».

В тот же день с эскадры на берег был свезен десант с пушками под командой майора Боаселя. Появление суворовских гренадер сразу привело в чувство местных разбойников. Связываться с русскими патрулями желания ни у кого не было. В городе воцарилось спокойствие, стихли последние погромы и прекратились убийства.

Между тем, ознакомившись с положением дел, адмирал пригласил к себе королевского министра англичанина Актона. После обмена любезностями Ушаков пригласил министра к столу отобедать чем бог послал. Подали водку. Подняли тост за союз союзных монархов. Актон разом опрокинул в себя рюмку. Зажмурился от невиданной дотолы крепости:

– Хорошо!

Вышколенный вестовой сразу же снова наполнил рюмку министра. Тот одобрительно кивнул:

– Приятная у нас с вами беседа получается, господин адмирал!

Ушаков поинтересовался:

– Я прибыл сюда по просьбе короля Фердинанда для наведения порядка, а потому желал бы знать, что вас нынче более всего волнует?

– Более всего меня волнует, достаточно ли бдительно сторожат пленников, – огорошил Ушакова ответом королевский министр.

– В вашем столичном городе вижу я уже все признаки спокойствия, – продолжил общение адмирал. – А потому происходящие нынче казни многих приводят в содрогательство и в сожаление, которое час от часу умножается.

– Вам легко так говорить, адмирал, – всплеснул холеными руками Актон. – Вы не пережили всего ужаса якобинского террора.

– Зато я пережил много иных ужасов, – вздохнув, ответил Ушаков и продолжил: – Более, по всей видимости, худых последствий ожидать уже ни от кого нельзя, кроме как от родственников содержащихся в тюрьмах и ожидающих своей злосчастной участи. А потому самым лучшим было бы объявление высочайшего прощения всех, кроме разве что самых отъявленных преступников.

– Высочайшее прощение может объявить только король, но никак не я, – деланно развел руками министр. – Все аресты и казни происходят исключительно с разрешения Его Величества.

– Я в этом и не сомневаюсь, – помрачнел Ушаков. – Тогда не благоугодно ли будет употребить об этом прощении ходатайство ваше Его Величеству, яко любящему отцу свое отечество и своих подданных.

– Могу ли я написать, что это и ваша просьба? – поинтересовался опытный министр.

– Всенепременно!

Письмо в Палермо было отправлено, и Фердинанд велел прекратить аресты и казни. Ссориться с Ушаковым у него не было никакого резона.

На наших кораблях тем временем уже вовсю шли работы. Их по очереди кренговали, днища очистили от ракушек и даже частично смолили, подтянули расшатанные шпангоуты, заменили прохудившиеся доски в обшивке. Большого сделать было просто нельзя.

Чтобы дать хоть немного роздыха командам, адмирал разрешил всем в несколько очередей побывать в знаменитом городе. Офицеры и матросы с любопытством знакомились с Неаполем. Ходили, глазели и удивлялись. Первым делом все спешили в Палаццо ди Каподимонте, в катакомбах которого хранились мощи почитаемого на Руси Святого Иануария, потом смотрели остальное.

В Неаполе все было непривычным для русского человека. Главная улица города – Страда де То-

ледо, повсюду фонтаны с грязной водой, главный из которых – Медичи перед резиденцией короля – замком Кастель-дель-Ово. Над резиденцией флаг с королевским гербом – золотой лилией на голубом поле. Кастель-дель-Ово прикрывает вход в порт, и о его гранитные стены неумолчно бьется волна. У входа в Палаццо Реале вернувшиеся с Сицилии гвардейцы-швейцарцы, коим король Фердинанд доверял куда больше, чем своим соотечественникам. Вдоль тротуаров покрытый черепицей водопровод, помнящий еще древнеримские времена. Неаполитанцы, несмотря на недавнюю резню, весело кричали и жестикулировали на улицах. Куда ни глянь, сновали монахи в своих черных сутанах. В Неаполе полторы сотни монастырей и почти еще столько же духовных братств. Так как подающих на всех не хватало, монахи шныряли в поисках пропитания, также крича и пуская в ход кулаки. Ближе к вечеру в тавернах пьяные ланцирони начинали драки и поножовщину.

На неапольских рынках всем правили евреи, они же меняли деньги. Разобраться в курсе валют нашим морякам было просто невозможно. Три неаполитанские квартини равнялись здесь одному грану, а десять гранов – одному карпину. В свою очередь, два карпина равнялись одному таро, а пять таров – дукату. В то же время неаполитанский дукат, как и венецианский цехин, содержал в себе 18 лир, каждая из которых равнялась 10 кассетам, при том, что один кассет был равен двум сольдо. Впрочем, лира равнялась еще и полутора ливорнским джюло, или 250 динариям, а каждый джюло оценивался в пять гратий. Что касается гратий, то каждый из них, в свою очередь, был равен полутора сольдо, или пяти цветрионам. И это не считая особо любимого местными торговцами венецианского золотого дуката-онгаро и ливорнского леццо дотто реали, который легко менялся на 9 джюло, или 120 сольдо...

Неудивительно, что меняльщики очень быстро обчистили карманы российских офицеров и матросов. Да и черт с ними, ведь на то они и деньги, чтобы их тратить! Тем более что напротив менял грудастые неаполитанки бойко торговали вином. Ну как не выпить! Рядом продавали только что пойманных бурых каракатиц и камбалу. Их тут же жарили, используя вместо дров засохший буйволиный помет, отчего стояла невыносимая вонь, никого, впрочем, не смущавшая. Офицеры по понятным причинам предпочитали посидеть в приличных тавернах, матросы – в забегаловках попроще. В каждой таверне на самом видном месте обязательно банка с ящерицей. От близкого соседства с Везувием в Неаполе часто тряслась земля, а потому, когда чуткие ящерицы начинали метаться в своих банках, гости с хозяевами разом выбегали на улицу. Матросы, принявши на грудь, с удовольствием чокались с банка-

– За твое здоровье, аспид окаянный!

***

А вокруг контр-адмирала Нельсона тем временем уже начал разрастаться скандал из-за невыполнения им приказа вице-адмирала Кейта по отправке линкоров к Минорке. Делу дали в Адмиралтействе должный ход, и теперь Нельсону надо было держать ответ за самоуправство. Последствия этого разбирательства, судя по всему, могли быть нешуточными.

Если до этого Нельсон осмеливался игнорировать лишь указания своих начальников, носивших чисто рекомендательный характер, то теперь он открыто отказался исполнять конкретный приказ, а это было уже делом подсудным. Все зависело от того, как на все произошедшее прореагируют Кейт и Джервис и как на все это посмотрят в Адмиралтействе. Впрочем, Нельсон не был столь прост, чтобы сидеть сложа руки и ждать решения своей участи. Надо было действовать, а потому, запершись в салоне, он принялся писать оправдательные письма во все инстанции, чтобы успеть предупредить обвинительные бумаги в свой адрес.

Из письма Нельсона в Адмиралтейство: «Получив приказ в такой момент, мне пришлось поразмыслить, что именно подвергать риску – Менорку или Королевство Неаполя и Сицилии. Я решил рискнуть Меноркой».

Из письма первому лорду Адмиралтейства графу Спенсеру: «Я прекрасно сознаю, какой проступок совершил, но намерения мои были вполне лояльны, и я готов принять все, что повлечет за собой мое неповиновение. Утешусь тем, что я завоевал королевство, вернул трон преданному союзнику моего короля и благополучие миллионам людей... Как только французские сволочи уйдут из королевства, я вышлю к Минорке восемь или девять линейных кораблей».

Забегая вперед, следует сказать, что этого обещания, данного первому лорду Адмиралтейства, Нельсон так никогда и не выполнит.

Из письма наследному принцу Уильяму: «Прекрасно понимаю, каковы могут быть последствия моего своеволия, но поскольку я раньше часто рисковал жизнью за правое дело, я с радостью сделал это и сейчас. И если даже военный трибунал сочтет этот поступок преступлением, весь мир одобрит его; я не думаю о собственной жизни, когда на карту поставлена честь моего короля. Главным приказом я считаю служение моему королю и разгром французов, из него проистекают второстепенные приказы, и, если один из этих второстепенных мешает главному (а тем, кто судит издали, это непонятно), я возвращаюсь к главному приказу и подчиняюсь главной цели: смерть, смерть, смерть проклятым французским злоде-

ям... Простите, что я так распалился, моя кровь кипит при слове “француз”».

Нельсону повезло, так как французы в самый последний момент отменили свою диверсию на Минорку. Если бы этого не случилось, то лорду Кейту пришлось бы встретиться со всем французским флотом, в котором успех англичанам вряд ли бы сопутствовал. Если бы все это произошло, то Нельсон ждал бы неминуемый суд, к чему он, в общем-то, и готовился.

Кроме этого Адмиралтейство, а за ним и Сент-Винсент указали Нельсону на то, что, направив всю свою эскадру для оказания помощи сторонникам короля в Италии, он поступил безграмотно. Учитывая полное господство британского флота в море, для этой задачи вполне хватило бы двух-трех кораблей. Нельсон этого внушения не воспринял.

– Моя уверенность в собственных действиях не поколеблена, и я не могу найти в них ни одного изъяна! – гордо заявлял он.

Главкомандующий Средиземноморским флотом адмирал Джервис ограничился лишь письменным внушением, а его заместитель лорд Кейт излил свое негодование происшедшим в письме к своей сестре, в котором, между прочим, весьма точно указал и на главного советчика Нельсона: «Получил послание от Нельсона из Неаполя. Его отношения с леди Гамильтон и тщеславие дошли до абсурда. Хотелось бы, чтобы он отбыл домой и она тоже».

Поняв, что все и на этот раз обошлось, Нельсон возобновляет праздники, тем более что приближается 1 августа – первая годовщина его победы при Абукире.

Из письма Нельсона жене: «Король обедал со мной, и, когда Его Величество пил за мое здоровье, на его боевых судах прогремел салют из двадцати одного орудия, им вторил салют из всех замков на берегу. Вечером все вокруг было иллюминировано, среди других зрелищ было такое: большой корабль изображал римскую галеру, на его веслах были укреплены лампы, а в центре сооружена ростральная колонна с моим именем; на корме были укреплены два ангела, поддерживающих мой портрет. Короче, дорогая Фанни, я не в силах описать всю эту красоту. По всему кораблю развесили больше двухсот различных фонарей, музыканты оркестра и певцы были из самых лучших. Исполняли произведение, которое воспевало меня и описывало их прежние страдания: “Пришел Нельсон, непобедимый Нельсон, и мы остались живы, мы снова счастливы!”».

Король Фердинанд обдумывал, как ему достойнее вознаградить Нельсона за «освобождение» Неаполя. Чтобы король не слишком долго напрягал извилины, ему все доходчиво втолковала Эмма, уже прекрасно изучившая слабости и пристрастия своего возлюбленного. По ее совету Фердинанд присвоил Нельсону титул герцога Бронте. Умная Эмма знала, что советовала, ведь вместе с титулом контр-

адмирал получал приличное имение на Сицилии неподалеку от вулкана Этна, приносящее ежегодно более трех тысяч фунтов дохода.

Нельсон поначалу дипломатично отказывался от титула, однако затем легко дал себя отговорить. Тогда же ему вручили и огромный орден Турецкого Полумесяца от султана. К ордену полагалась и огромная звезда, усыпанная бриллиантами. Теперь Нельсон появлялся везде обвешанный наградами, словно рождественская елка. На шитом золотом парадном мундире рядом с турецкой звездой красовались орден Бани и золотые медали за Сент-Винсент и Абукир. Особенно нравилась Нельсону турецкая звезда, потому что своими размерами затмевала все остальное. Демонстрируя ее друзьям и знакомым, контр-адмирал неизменно повторял:

– Я горжусь тем, что в Константинополе все, от султана до последнего нищего, знают мое имя и все как один благодарны мне за мой подвиг.

Лорд Кейт с иронией и сарказмом писал о новом увлечении Нельсона: «Он (Нельсон. – **В.Ш.**) являет собой самую нелепую фигуру в смысле тупости и тщеславия... Он весь увешан звездами, медалями и лентами и скорее походит на оперного певца, чем на завоевателя Нила. Грустно видеть, что этот храбрый и порядочный человек, любимец родины, выглядит столь жалко...»

Тем временем, так ни разу не ступив на землю Неаполя, Фердинанд вернулся на английском корабле обратно в Палермо. Вместе с ним удалились, сделав свое черное дело, и Гамильтоны.

***

А отряд капитана 2 ранга Николая Войновича уже подходил к Анконе – важному порту на итальянском побережье в срединной части Адриатики.

Моряк Войнович был дельный и опытный в отличие от своего трусоватого дядюшки – первого черноморского флагмана. Несмотря на непростые отношения с Войновичем-старшим, Ушаков ценил и отличал его племянника. В 1788 году Войнович храбро дрался в Днепровском лимане, став георгиевским кавалером и обладателем золотой шпаги. Затем «неустрасимо храбр» сражался под началом Ушакова при Керчи, при Гаджибее и при Калиакрии. Вот и сейчас для выполнения столь ответственной и почетной задачи он избрал именно командира «Навархии».

Отрядный брейд-вымпел Войнович-младший поднял на своем фрегате, там было привычной. Помимо «Навархии» под начало Войновичу были дадены фрегаты «Сошествие Святого Духа», «Казанская Богородица» и бригантина «Феникс», переделанная под транспорт.

Собранным командирам судов капитан-лейтенанту Кирьяку Константинову и Фоме Месеру, лейтенанту Льву Морскому командир отряда выдал по

увесистому пакету на случай разлучения. В них точь-в-точь возможных рандеву в случае разлучения в пути, таблицы сигналов и пароли на две недели вперед. Как и положено, все пакеты хорошо прошиты и просмолены от воды, а увесисты оттого, что внутрь щедро насыпана шрапнель на случай быстрого утопления. Вместе с нашими к Анконе отправились и два турецких фрегата, на каждый из которых определили по офицеру связи.

В пути отряд попал в жестокий шторм от NW с дождем и градом. В снастях выл ветер, осыпая палубу ключьями морской пены. Палуба дыбилась под ногами. Помпы работали безостановочно, но уровень воды в трюме все равно не уменьшался меньше фута. Люди цеплялись за все, что только можно. Команды были изнурены от недосыпания и морской болезни, травить было уже нечем, и людей выворачивало мутной желчью. К концу шторма все, от последнего матроса до командира, были в ссадинах и ушибах, в синяках и кровоподтеках, потому что побито на качке.

Хуже всех пришлось «Навархии». На ней сломало грот, крюйс-брам-стенгю и половину марса-реи, сорвало крюйсель и кливер. Меняя галсы каждые два часа, фрегат с трудом, но все же понемногу пробивался вперед. За ним, стараясь не потерять флагман из виду, и остальные. Едва море поутихло, как могли, своими силами исправили повреждения. А день спустя у Далмации новый шторм. На этот раз «Навархия» лишилась уже и фор-марселя. На «Сошествии Святого Духа» изорвало фок. Много мучений было и с турецкими фрегатами, капитаны которых никак не желали четко исполнять передаваемые сигналы, отчего все время возникала неразбериха. Посему поднятие каждого флага приходилось сопровождать пушечным выстрелом, а то и несколькими.

12 июля отряд наконец-то пробился к Анконе. Там Войнович оставил для блокады «Сошествие» с одним из турок, а с остальными направились в Сенегальскую бухту.

– Узнаем у цесарцев, что здесь и как, – прокомментировал он свое решение.

У крепости Сенегалью стали на якорь. Но пообщаться с австрийцами не удалось. Над крепостью развеялся французский триколор. С посланной в разведку бригантине сообщили, что французы заняли и соседнюю крепость Фано.

– Что ж, – спокойно воспринял неприятное известие Войнович, – тогда займемся нашими боевыми делами.

Сенегалью и Фано крепости небольшие, а потому капитан 2 ранга решил взять их приступом. Перейдя в соседнюю бухту, где стояла крепостица Фано, начали высадку десанта. Войнович сам с первой же шлюпкой съехал на берег, чтобы лично руководить перевозкой солдат и припасов. Наконец десант был свезен. Барабанщик ударил поход.

Солдаты вскинули ружья на плечи и бодро зашагали к неприятельской крепости. За ними поспешили и присоединившиеся местные жители. Одновременно открыли огонь по крепости и фрегаты. К счастью, десанту ничего делать так и не пришлось. После двухчасовой бомбардировки над Фано подняли белый флаг.

– Вот бы так всегда везло! – переговаривались промеж себя наши. – Не служба бы тогда была воинская, а сказка.

Из хроники войны: «Граф Войнович употребил наиприлежное старание неприятеля десантными войсками в разных местах разбить, а в Фано неприятельский гарнизон сверх убитых 653 человек взят им военнопленным».

22 июля фрегаты и десант перешли к крепости Сенегалью, но французов там уже не было. Не дожидаясь неизбежной развязки, гарнизон заранее предусмотрительно покинул крепость.

– Теперь займемся и Анконой, – заявил довольный Войнович.

С моря вид Анконы величественный. Это второй после Венеции порт Адриатики. Сам порт и крепость прикрыты с моря изогнутым скалистым мысом, похожим на согнутую в локте руку. Отсюда, собственно, и название города. В переводе с греческого Анкона – локоть. Море и в самом деле делает в этом месте большой изгиб. Когда-то в римские времена здешние места славилась производством пурпура, теперь же Анкона была городом рыбаков и виноделов. Последние столетия город принадлежал Римскому Папе и вот теперь перешел в руки французов.

В подзорную трубу Войнович внимательно осмотрел крепость, которую предстояло захватывать. В отличие от других прибрежных крепостей анконская стояла на небольшом острове посреди бухты, окруженная со всех сторон водой. Пятиугольный бастион с предмостными укреплениями и мощными стенами.

– Неслабо, кто толк понимает, – покачал головой капитан 2 ранга.

Да, глядя на мощные укрепления, было над чем поразмыслить.

Подойдя к крепости, фрегаты начали жестокую бомбардировку. С крепости пытались отвечать, но их быстро подавили. Затем на берег снова высадили десант. Несмотря на то что он был малочислен, французы в открытый бой вступить не решились, а заперлись в цитадели. Войнович надеялся, что все обернется, как в Фано, и гарнизон сложит оружие, но мечты эти не сбылись. Французы энергично отбивались, а затем под крепостью появились и неприятельские канонерки. Достать их было сложно, так как юркие лодки прятались на мелководье за крепостными стенами.

Дело явно затягивалось. Поэтому время от времени суда отлучались для пополнения припасов в Триест, а затем снова спешили на линию огня под Анкону.

Из письма графа Войновича полковнику Скипору: «Батареи наши со всех сторон построены на карточных выстрелах, канонада производится непрерывно со всех сторон и с моря отчасти фрегатами и по большей части вооруженными мной требокулами и лодками, на которых поставлены большого калибра пушки. Неприятель неоднократно покушался делать великие вылазки, но прогоняем был с немалым уроном».

Но время работало и против французов. Историк пишет: «Войнович обложил сильною осадой Анкону, устроил около ее батареи к ближней дистанции даже на карточный выстрел, поставя на них большие корабельные орудия».

Вокруг крепости установили тесную блокаду. С моря крепость сторожили наши фрегаты, а на берегу капитан-лейтенант Фома Месер возвел несколько батарей и редутов. Десант у Месера пестрый. Там и наши солдаты с матросами, и турки, и албанцы.

– Каждой твари по паре, – шутил капитан-лейтенант.

Дисциплину при всем том Месер поддерживал на должной высоте. Был он немногословен, но командовал жестко. Особенно его боялись склонные к грабежам турки с албанцами.

Вскоре появились у Анконы и инсургенты известного разбойника Лагоци. Раньше сей синьор ровенских разбойников воевал за венцев и энергично резал французов, затем переметнулся к якобинцам и уже не менее весело резал венцев, но потом снова перебежал к австрийцам. Набивался Лагоци в помощь и к Суворову, но русский фельдмаршал иметь дела с перебежчиком не пожелал. И вот теперь старый разбойник обьявился у Анконы в надежде на поживу. Войнович помощью Лагоци принял (а куда деваться, когда сил для штурма кот наплак!), но был с ним настороже: вдруг снова к врагу переметнется. А чтобы Лагоци вел себя прилично, к нему в «помощь» был приставлен отряд лейтенанта Макара Ратманова, составленный из одних матросов. С этими не забалуешь!

Комендант Анконы генерал Менье трусливо отсиживаться за каменными стенами не желал. Он несколько раз пытался уничтожить палившие по крепости с окрестных высот береговые батареи. Но все ночные вылазки заканчивались неудачей. На первых порах французам вроде бы и везло, так как милиционеры Лагоци и турки неизменно разбежались при их появлении. Но затем появлялись русские с ружьями наперевес, и убегать приходилось уже французам. Особенно не любил противник матросов Макара Ратманова. Те дрались с истинно русской удалью и отвагой. Да и сам лейтенант со шпагой в руке всегда был первым в драке.

Из хроники осады: «Французские канонерские лодки пользовались этим и, выходя из гавани (в которой находилось 10 французских судов, и в числе их три линейные корабля), мешали сообщению на-

ших судов с десантом, высаженным на берег, жгли дома береговых жителей и вообще делали частые тревоги. Войнович поставил по 24-фунтовой пушке на 6 рыбацких морских лодок и на 2 требоки и, присоединив к ним галиот одного греческого волонтера, образовал флотилию, которую поручил капитану 2-го ранга Константинову. Флотилия эта не только прекратила появление французских канонерок, но приносила немало вреда неприятелю, смело подходя под самую крепость, и один раз при содействии береговых батарей потопила французскую судно».

Держа Анкону в течение двух месяцев в «тесной осаде» и с суши, и с моря и бомбардируя ее из больших орудий, Войнович привел неприятеля «в немалое ослабление».

Пушечный огонь день за днем разрушал крепостные стены, которые уже во многих местах зияли большими брешами. От ядер и бомб гарнизон нес большие потери. В Анконе между тем начался голод и дезертирство. По ночам солдаты прыгали со стен в воду и плыли к берегу, где сдавались первым встречным. Теперь сдача крепости стала лишь вопросом времени, и это время стремительно сокращалось.

Именно в это время, когда судьба Анконы была уже решена, к ней подошел австрийский корпус во главе с генерал-лейтенантом Фрелихом – восемь тысяч солдат.

Толстый Фрелих был не только бездарным генералом. Он столь трусливо вел себя в боях под Римом, что был жестко высмеян Суворовым, и вот теперь решил отыгаться на российском флотском офицере.

Едва австрийцы стали лагерем, к ним отправился Войнович, чтобы договориться о совместном штурме. Но Фрелих штурмовать не собирался. Когда же Войнович стал настаивать, австриец вспылил.

– Вы обязаны не рассуждать, а во всем слушать только меня! – объявил австриец Войновичу. – Здесь я всем бог!

– Это с какой же стати? – удивился командир «Навархии». – Никто меня к вам в подчинение не определял. Мы союзники и должны просто сообщать действовать.

– Я австрийский генерал! – важно объявил Фрелих.

– А я капитан второго ранга российского флота!

– Как я ненавижу вас, русских! – скривил толстые губы австрийский генерал.

– Вы, господин генерал, хотите за наш счет поправить свою репутацию. В Риме вы не имели чести, не будете иметь и здесь, – жестко отрезал Войнович.

От слов таких Фрелиха чуть удар не хватил. Генерал покраснел как рак, воздух ртом хватает, крикнуть хочет, а не может. Адьютант подбежал, мундир растегнул, водой побрызгал.

Горячий парень был Коля Войнович, но какой был, такой был. Знал капитан 2 ранга, что говорил. В донесении Ушакову он с горечью писал: «Они (австрийцы. – **В.Ш.**) крайне стараются и желают отдалить нас от сей экспедиции и захватить все себе. Я известился партикулярно под Триестом, что они хотят, если удастся, заключить капитуляцию тайно. Но я уверен, что в сем им успеть не удастся».

Более месяца Фрелих оставался в бездействии. Наконец он решился выбить французов из предместных укреплений. Во время бесплодного штурма австрийцы были отбиты на всех пунктах и отошли, потеряв более трех сотен людей. Участвовавший в бою отряд капитан-лейтенанта Месера, наоборот, пробился к самим воротам и в одиночку продержался у них в течение целого дня в тщетной надежде на помощь. Не дождавшись таковой, ночью Месер отвел своих людей назад.

Из воспоминаний французского капитана Мангури: «Русские офицеры большей частью подражали нашим манерам и гордились знанием нашего языка. Они могли бы со временем, пожалуй, назваться французами Балтийского моря и Архипелага». Ну уж не знаю, как подражали манерам, а то, что воевали не хуже, а лучше французов, это уж точно.

Так и стояли они вокруг крепости французской: австрийцы Фрелиха, инсургенты-разбойники Лагоци и десантники Войновича. Все настороже не столько от французов, сколько друг от друга. Фрелих всеми силами пытался заставить вернуться российский десант на суда. Наши не уходили. Войнович несколько раз предлагал недругу-союзнику покончить дело штурмом.

– Еще чего! – презрительно отвечал тот. – Я славой победной ни с кем делиться не намерен!

Разбойники Лагоци ни на какую славу не претендовали, эти мечтали лишь власть пограбить.

Тем временем втайне от Войновича генерал уже вел с генералом Менье переговоры о капитуляции. Тайное, однако, стало явным, и возмущенный Войнович немедленно известил о предательстве австрийцев Ушакова. Тот прислал к Фрелиху своего адъютанта лейтенанта Балабина, но австриец его не принял. Это было уже оскорблением не только Войновичу и Ушакову, но и России. Терпеть такое было нельзя.

– Я не могу остаться равнодушным к новой обиде! И должен учинить представление против такого поступка, противного моей чести и чести! – решительно заявил Войнович генералу при очередной встрече.

Но с генерала австрийского что с гуся вода. Буквально на следующий день он самочинно выпустил французов из крепости. По своему обыкновению, уходя, французы обобрали жителей Анконы до нитки. О том, что гарнизон капитулировал, Войнович узнал только тогда, когда тот уже вышел из крепо-

сти. По условиям капитуляции французы беспрепятственно уходили на родину.

Войдя в крепость, Месер с Ратмановым подняли на ее верхах сразу три флага – российский, турецкий и австрийский. Но дальше произошло нечто из ряда вон выходящее. Едва офицеры удалились, как рота австрийцев напала на наших часовых у флага и обезоружила. Затем австрийцы сбросили в крепостной ров наш и турецкий флаги, оставив над крепостью только свой. Ситуация накалилась настолько, что и турки, и наши были готовы к немедленной атаке. Лишь вмешательство Войновича остановило кровопролитие между союзниками.

– Я требую объяснений! Где ваш генерал? – требовал от австрийцев Войнович.

Но Фрелих объясняться не пожелал. Он попросту... спрятался. Впрочем, Фрелих не столько своевольничал, сколько исполнял присланные ему из Вены инструкции – выжимать русских везде, где это только возможно.

Из письма Ушакова императору Павлу: «Граф Войнович послал флотилию в Анконскую гавань и приказал поднять флаг Вашего Императорского Величества на молье и на всех пленных кораблях и прочих судах, которые после ночного времени при рассвете и подняты по праву блокирования эскадрю оную гавань и удержания их от вывода из оной, также приказал командующему десантными войсками».

Помимо этого, наплевав на австрийцев, наши описали все стоявшие в гавани суда. На них подняли российские флаги и выставили караулы. Привели в чувство наши офицеры с матросами и турок с албанцами, которые под шумок тут же кинулись хватать все, что плохо лежит. Из воспоминаний французского капитана Мангури: «Московский флаг на корабле начальника напоминал о враге, которого должно опасаться, но который знает законы войны. Не то было с флагом оттоманским».

Фрелих между тем грозился отобрать трофеи силой.

– А не подавится ли? – сплунул Войнович и велел открыть орудийные порты на фрегатах. Вид открытых портов и выкаченных пушек несколько охладил пыл воинственного генерала. Но сдаваться Фрелих не собирался.

– Я послал в Вену срочный эстафет, и, если мне будет велено забрать все силой, я все и заберу! – храбрился он.

Из донесения графа Войновича: «Австрийский господин генерал Фрелих тайным образом, уведомляя меня, учинил с французским генералом Монье о сдаче Анконы сего ноября 2 дня капитуляцию, и через 24 часа 4 ноября выпустил французский гарнизон из крепости... Я в то же время ему объявил, что на такую капитуляцию не согласен, но он, введя тайно в крепость в числе 3000 чел. гарнизон, писал мне, что нашим и турецким войскам назначает квартиру в Фано и Сенигаллии».

Фрелих, в свою очередь, пожаловался Ушакову на своеволие Войновича и немедленно получил от русского адмирала достойный ответ: «С крайним сожалением узнал я, что ваше превосходительство по приходе к Анконе не сделали императорским (российским. – **В.Ш.**) войскам, столь долго осаждающим оную, ни малейшего уважения и требовали одни, сами собой, от французов сдачи Анконы на капитуляцию».

Узнав о поведении Фрелиха при капитуляции крепости, Ушаков был возмущен до глубины души.

– Сей поступок противен есть общественным правам законов, ибо всегда тот начальствовать должен, кто держал крепость в осаде, а не тот, который пришел туда к десерту! – в гневе выговаривал он своему ближайшему окружению.

Тут же сев за стол, адмирал написал подробное письмо императору Павлу. Если бы австрийцы знали, какова будет реакция российского императора на своеволие их генерала, то, не задумываясь, отдали бы десяток Анкон. Но что сделано, то сделано.

Адмирал подтвердил право Войновича на начальство над освобожденными русским флотом городами и крепостями. А кроме того, напомнил, что именно русская эскадра очистила Адриатику от французских корсаров и открыла морскую коммерцию, за что венцы должны быть благодарны своим бескорыстным союзникам.

Павел одобрил все действия и Войновича, и Ушакова, а потому велел коллегии иностранных дел подать протест австрийскому двору.

На словах же он сказал так:

– Цесарцы еще раз показали свою черную неблагодарность. Дальнейшая дружба с ними – это унижение собственной чести. Пора заканчивать и этот союз, и эту войну!

В Вене всполошились. Павла Первого заверили, что нерадивого генерала Фрелиха немедленно отдадут под суд. Но исправлять что-либо было уже поздно...

***

Тем временем деятельная Мария-Каролина решила воспользоваться присутствием в Неаполе русской эскадры.

– Нам надо выбить якобинцев из Рима и тем обезопасить наши границы, – заявила она своему флегматичному супругу.

– Но кто же будет воевать, когда наша армия разбежалась, а разбойники Руффо способны только грабить селян да вешать пленных, – напрягся не слишком сообразительный король.

– Сейчас для французов настали плохие времена, – гнула свою линию Мария-Каролина. – На севере их бьет Суворов, от Анконы к Чивита-Кастеллано идет генерал Фрелих, и если французы будут упрямяться, то окажутся в ловушке. Поэтому они скоро сами

побегут из Рима, их надо только поторопить, а для этого требуется совсем мало – упросить адмирала Ушакова послать туда своих матросов. Русские освободили нам Неаполь, пусть теперь освободят и Рим.

– Попробуем все же обойтись без русских, – поморщился король Фердинанд. – Над нами и так смеется вся Европа.

Через несколько дней на Рим выступил наскоро сбитый неаполитанский корпус генерала Буркарда. Но французы тоже не дремали. Начальствующий над Римом генерал Гарнье действовал решительно. Не дожидаясь развязки, он сам двинул свои батальоны против неаполитанцев и в первом же столкновении разогнал их, как стадо баранов. Затем столь же стремительно развернулся и ударил по австрийцам, уже было подошедшим к Риму. Фрелих, в очередной раз явив свою полную бездарность, был наголову разбит и бежал впереди всех.

– Все же без помощи русских нам не обойтись, – сделала мудрый вывод Мария-Каролина и велела передать уважаемому господину Ушакову приглашение отобедать с королевской четой в Палаццо Реале.

Во время обеда королева была предельно предупредительна и мила. Фердинанд все время занудливо допытывался у адмирала, не любит ли тот свежевать коровьи туши, и искренне сожалел, что Ушаков лишен столь увлекательного хобби. Вначале подали закуски: салаты-капонаты, жареные баклажаны и мускатного осьминога-москардини.

«Да, это не наша солонина с сухарями», – хмуро думал про себя Ушаков, ковыряя вилкой в салатах.

К закускам наливали в фужеры тосканское къян-ти. Затем лакеи в ливреях торжественно внесли особо любимый местными аристократами суп минестроне.

– Попробуйте, адмирал, – щебетала Мария-Каролина. – В этом супе семь видов мяса и семь приправ, которые символизируют семь добродетелей кардинала.

После супа пошли рыбные блюда и особо любимые Фердинандом говяжьи колбасы-фриариелли. Король их поглощал целиком, не переставая рассказывать, что делают их только из тех коров, которых он лично забил. Наконец на десерт подали традиционный кофе «капюшон монаха» (или «капучино») с ликером лимончелла. За чашкой кофе Каролина и перешла к главной теме разговора.

Разумеется, никакие чары толстухи королевы на адмирала впечатления не произвели, однако Ушаков имел указание своего императора во всем помогать королю Неаполитанскому. А потому на просьбу Каролины и Фердинанда он вынужден был отвечать согласием. Помимо всего прочего, не доверяя своим солдатам, король просил и о том, чтобы его охраняли русские гренадеры.

Узнав о предстоящем походе на Рим, адъютант Ушакова Петя Балабин потерял всякий покой.

– Ваше превосходительство, дозвоьте и мне повоевать! Я как-никак бывший гвардейский офицер и, как драться на суше, знаю лучше многих флотских! – умолял он командующего.

– Ладно! – уступил Ушаков. – Иди войю!

Уже на следующий день на набережной Борго Маринаро выстроились восемь сотен морских пехотинцев полковника Ивана Скипора и матросов лейтенанта Петра Балабина. Впереди их ждал Вечный город.

Едва отряд Скипора двинулся на Рим, об этом стало известно генералу Гарнье.

– Кажется, мы сделали все, что могли, – только и развел он руками. – С этими русскими лучше не связываться!

И выслал переговорщиков о заключении почетной капитуляции. Ехавший в обозе российского отряда генерал Буркард обманом забрал парламентаров и ускакал с ними в Чивита-Веккию, где уже стоял посланный Нельсоном линейный корабль «Куллоден». Там он вместе с капитаном Трубриджем и подписал все статьи капитуляции. По условиям капитуляции французы получали право свободно выйти из города не только с оружием, но и со всем награбленным ими добром, а награбили они немало.

Затем протоколы послали на подпись генералу Фрелиху.

– Почему это без меня решили? – возмутился пузатый Фрелих, забыв, как неделями раньше он точно так же подписывал капитуляцию Анконы.

– Если австрийцы не удовлетворены, то я решу этот вопрос, – заявил генерал Гарнье и стремительным ударом разогнал австрийцев по окрестным полям.

– Теперь я удовлетворен, – согласился Фрелих и присоединился к протоколу.

Полковника Скипора никто из союзников в известность о переговорах и их итогах так и не поставил. Но шила в мешке не утаишь. Узнав об очередном предательстве союзников, Скипор немедленно известил об этом Ушакова. Адмирал был разгневан. Ведь корпус Гарнье в полном порядке отправился на север Италии, чтобы принять участие в боях с войсками Суворова, которые и так дрались на пределе сил.

– Мы были великодушны с французами! – важно заявлял генерал Буркард.

Ни англичанам, ни неаполитанцам, ни австрийцам до этого никакого дела не было, но Ушакову-то было!

Адмирал немедленно отослал гневное письмо кардиналу Руффо, где указал на «самовольно и неприлично» проявленную Буркардом инициативу. «По всем общественным законам никто не имеет права брать на себя освобождать общих неприятелей из мест блокированных, не производя противу их никаких военных действий и не взяв их пленными, – откровенно писал Ушаков кардиналу. — ...Господин

маршал Буркард не должен приступить к капитуляции и освободить французов из Рима, тем паче со всяким оружием и со всеми награбленными ими вещами и богатствами».

Увы, все было напрасно. Черное дело было сделано, и свежие батальоны генерала Гарнье ушли на пополнение армии Макдональда.

Тогда же полковник Скипор и лейтенант Балабин получили от Ушакова приказ возвратиться в Неаполь. В рядах союзников сразу началась откровенная паника.

– Если русские уйдут, то меня не впустит в Рим даже ночная стража! – кричал в сердцах сразу осознавший все Буркард.

– Если Гарнье узнает, что русские вернулись в Неаполь, то он вернется в Рим, и тогда все пропало!

– Передайте русскому адмиралу, что без российских войск королевские подвержены будут великой опасности и неизбежно отступят назад! – передавал он Ушакову свои страхи через курьера.

Снова вмешались дипломаты. Посланник Итальянский вновь начал потрясать перед адмиралом императорским письмом, где тот велел помогать королю Фердинанду.

– Ладно, – решил Ушаков, – мы вступим в Рим.

Курьер застал отряд Скипора уже на обратном марше. Прочитав бумагу, Скипор с Балабиным лишь головой покачали.

– Ребята! – сказали они своим матросам и солдатам. – Велено опять на Рим идти! Кругом! Шагом марш!

– Такая уж наша жизнь военная, – судачили промеж себя служивые. – Маршируй туда-сюда да дерись то там, то здесь.

30 сентября 1799 года русские войска вступили в Вечный город. Из письма лейтенанта Петра Балабина адмиралу: «Вчерашнего числа с малым нашим корпусом вошли мы в город Рим. Восторг, с каким нас встретили жители, делает величайшую честь и славу россиянам. От самых ворот св. Иоанна до солдатских квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоого пола. Даже с трудом могли проходить наши войска. “Виват Павло примо! Виват москвито!” – было провозглашаемо повсюду с рукоплесканиями. “Вот, – говорили жители, – вот те, кои быют французов и коих они боятся! Вот наши избавители! Недаром французы поспешили отсюда удалиться!” Вообразите себе, ваше высокопревосходительство, какое мнение имеет о нас большая и самая важная часть римлян и сколь много радости произвела в них столь малая наша команда! Я приметил, что на всех лицах было написано искреннее удовольствие».

Примерно так же докладывал о триумфальном вступлении в Рим и Иван Скипор: «Спешил я походом с войсками, мне вверенными, к Риму для освобождения его и Чивита-Веккии от неприятелей. Худость дороги препятствовала скорости, а особо

провозу тяжелой артиллерии, и вчерашний день прибыл к оному благополучно, служители здоровы. По приходе в Рим... был я встречаем премножеством собравшегося народа под стенами римскими и, вступая в город с музыкою неаполитанскою, во всех улицах восклицали с радостью... В Риме сил никаких важных не остается, кроме неодетых и нерегулярных войск... а только составляют важность наши войска под командой моей, состоящие в Риме».

Сброд кардинала пытался было начать в Риме такие же грабежи. Но они были на корню пресечены нашими солдатами и матросами. Разговор был короткий – кулаком по зубам. Сия воспитательная мера оказалась весьма действенной, и отважные лаццарони быстро присмирели. Пробыв некоторое время в Риме, отряд Скипора с песнями вернулся в Неаполь к эскадре.

Ушакову он доложил исчерпывающе:

– Велели взять Рим – мы его взяли, велели вернуться – мы вернулись. Потерь нет, все живы и здоровы. Скажите, пойдём и до Парижа!

Что ж, поход и освобождение Рима – еще одна славная страница истории нашего флота.

***

Возвращаясь в Каир после неудачного похода в Сирию, Бонапарт распорядился, чтобы все было обставлено как можно торжественнее. Сам он въехал в город как настоящий триумфатор, солдатам велено было улыбаться и петь песни, а за марширующими батальонами гнали пленных. Что касается раненых, то их было велено провезти в госпитали ночью, когда на улицах нет любопытных. Но обмануть местных жителей не удалось. Известие о том, что доселе непобедимый султан Кебир потерпел поражение от турок, разнеслось по Египту с быстротой молнии. А это грозило новыми большими неприятностями.

Пока Бонапарт отдыхал в своем каирском дворце в объятьях прекрасной Полины Фуре, в окрестностях Каира снова объявился недобитый Мурад-бей, который с верными мамлюками кружил вокруг французов, нападая на мелкие отряды. Ночами предводитель мамлюков взбирался на великую пирамиду, и его жена Фатима сообщала Мурад-бею всю информацию о происходящем в столице световыми сигналами. Вскоре воинство Мурад-бея значительно пополнилось, и его всадники начали дерзко появляться уже в пригородах Каира. Это не на шутку разозлило Бонапарта.

– Пора проучить этих наглецов, – заявил он своему любимцу Дезе. – Возьми тысячи три солдат и всыпь им хорошенько!

Отряд Дезе уже собирался выступить, как внезапно пришло новое известие, столь тревожное, что о мамлюках Мурад-бея сразу забыли.

Известие пришло снова из залива Абукир. На этот раз к берегу подошел уже не английский, а ту-

рецкий флот – 13 линейных кораблей, десяток фрегатов и сотня транспортов. Эта армада высадила на берег 25-тысячное войско Мустафы-паши. Отбив французов от Аккры, турки решили нанести теперь удар сами. При паше крутился вездесущий Сидней Смит, опять дававший свои бестолковые советы. Высадившись на Абукирский полуостров, турки осадили находившийся там небольшой французский форт. Вначале янычары великого визиря атаковали передовой редут. Его обороняли три сотни солдат с пятью пушками. Редут успешно отбивал все атаки в течение дня, но на следующий был взят штурмом, а гарнизон изрублен ятаганами. Оставшиеся в живых шесть десятков солдат во главе с капитаном Винами заперлись в самом форте. Но спустя два дня капитулировали и они.

Между тем, получив известие о десанте, Бонапарт не стал терять времени даром. Отовсюду к Абукиру спешили французские батальоны. Из Каира вышел отряд Дезе, из Бельбейса торопился Ренье, из Дамьетты маршировали гренадеры Клебера. Затем двинулись дивизия Ланна и конница Мюрата. Сам Бонапарт проскакал полторы сотни миль за три дня и встретил подходящие войска уже на месте их сосредоточения в Рахмани. Узнав о падении форта, он был раздосадован, но что сделано, то сделано.

Бонапарт ожидал, что турки начнут наступление. Но те пока никуда наступать не собирались, а оставались там же, где и высадились.

На подходе французскую армию обстреляли турецкие канонерские лодки. В ответ Бонапарт велел поставить на берегу батарею, которая ввязалась с ними в перестрелку. Вскоре после этого канонерки ушли.

К полудню 25 июля обе армии расположились на виду друг друга. Сам Мустафа-паша находился на холме Визирь, при нем крутился и Сидней Смит. Бонапарт тем временем объезжал батальоны, обращаясь к солдатам:

– Англия заставляет нас совершать подвиги, и мы их совершаем!

Солдаты приветствовали своего командующего громкими криками.

Затем началась артиллерийская дуэль между расположенными на холмах турецкими батареями и пушками генералов Ланна и Дэстена. После этого вперед выступила кавалерия Мюрата. Вслед за ней пошла вперед и пехота. Турки держались стойко, ружья палили безостановочно. Вместе с кавалерией к турецким позициям подскочила и легкая артиллерия. Развернув пушки, французы открыли огонь картечью. В рядах янычар произошло первое замешательство. Тем временем пехота Ланна и Дэстена бегло взобралась на передовые холмы, рассекая центр турецких боевых порядков. Турки сразу же скатились вниз, где попали под сабли всадников Мюрата. Вскоре Мюрат загнал их на берег открытого моря. Спасаясь от наседающей кавалерии, яны-

чары бросались в море, чтобы доплыть до стоявших на якорях судов. Однако большая часть их утонула. Видя гибель своего авангарда, Мустафа-паша двинул вперед янычарские байраки центра. Но было поздно. Эскадроны Мюрата снова охватили толпы янычар с флангов, выходя им в тыл. Впереди всех на арабском скакуне скакал Джебзар-бей, тот самый, обещавший Бонапарту свою собачью преданность. Его первого и снял с коня меткий стрелок-янычар.

Одновременно пехота Ланюсса атаковала противника с фронта. Через короткое время центр турецкой армии был смят, а потом и разгромлен. Имея возможность отступить, янычары разбегались вправо и влево от наступающей французской армии. Снова кидались они в море, чтобы доплыть до своих судов, и вскоре тысячи новых тюрбанов закачались на прибрежных волнах. Первая линия турецкой армии была уничтожена.

– Что может сделать пехота без порядка, без дисциплины, без тактики? Только погибнуть! – говорил начальнику штаба генералу Бертье довольный Бонапарт.

Но сражение не было еще выиграно окончательно. Вторая линия турецкой армии занимала отличную позицию, перекрывая весь полуостров. На флангах ее поддерживали канонерские лодки. В центре турецкой позиции возвышался холм Визирь, где Мустафа-паша успел соорудить редут.

– Позиция почти неприступная, – осмотрев расположение турок, высказался Бертье. – Не лучше ли отложить решение этой непростой задачи на завтра?

Бонапарт уже было с ним согласился, но, когда еще раз окинул взглядом окрестности, у него возник смелый план.

На Абукирском рейде командующий заметил небольшой выдающийся в море мысок. На этом мысе была немедленно установлена артиллерия, которая сразу же начала простреливать весь правый фланг турок. Янычары невольно попятнулись к центру позиции. Между морем и отошедшими турками образовался коридор шириной в четыре сотни метров.

– Передай Мюрату, что дорога к славе для него открыта! – крикнул адъютанту Бонапарт. – Да торопись, счет времени идет на минуты!

Мюрату разъярять ситуацию было не надо. Он сразу все понял и ринулся в открытый проход с шестью сотнями гусар. Одновременно французская артиллерия открыла сильный огонь по центру и правому флангу турок. Те снова начали пятиться. Затем в жестокой рукопашной схватке пехота Дэстена взойшла на холм Визирь и захватила редут. Одновременно кавалерия Мюрата вырубала фланг второй линии и прижала его остатки к морю. Батальоны генерала Ланна в это время атаковали деревню Абукир, захватили ее и, не задерживаясь, ударили дальше по главному турецкому лагерю. Турки бросились к морю. Больше деваться им было некуда. На узкой

полоске суши началась настоящая резня. Мустафа-паша со своими телохранителями отбивался от наседавших французов. В схватке к нему пробился Мюрат. Выхватив из-за пояса пистолет, турецкий командующий разрядил его в голову генерала. Мюрата спасла шляпа, и пуля лишь задела голову. Зато Сабля Мюрата достала пашу, и тот со стоном повалился на землю. Выхватив из кармана белый платок, Мустафа бросил его под ноги коню Мюрата. Вместе с пашой сложили оружие и более тысячи янычар. Остальные бросились в море. Сидней Смит, чьи советы, как и обычно, оказались совершенно бесполезными, метался по урезу воды, крича, чтобы его забрали шлюпкой. Наконец появилась шлюпка, и командора затащили в нее, когда к воде уже прорвались конники Мюрата. Так Смит чудом избежал плена, чем впоследствии весьма гордился...

Турецкая армия была уничтожена полностью. Победителям достались три бунчука великого визиря, сотня различных знамен, три десятка пушек, обозы и множество припасов. Потери французской армии составили две сотни убитыми и пять сотен ранеными. Мюрат соскочил со взмыленного коня и обнял Бонапарта:

– Генерал, вы велики, как мир! Но мир слишком мал для вас!

Бонапарт улыбался, лесть он любил всегда.

Остатки армии, четыре тысячи янычар во главе с сыном Мустафы-паши, засели в форте и продолжали отчаянно сопротивляться. Подтянув артиллерию, Бонапарт приказал расстрелять форт. Понимая, что все кончено, Мустафа-паша написал сыну письмо, приказывая сдаться. Тот письмо порвал. Форт Абукир пал только через неделю, когда большинство его защитников были уже мертвы или ранены.

Пока победители обирали убитых врагов и подсчитывали трофеи, Бонапарт беседовал со взятым в плен Мустафой-пашой.

– В Европе идет большая война, и франков всюду бьют. Говорят, что скоро знаменитый русский Топал-паша вступит в Париж! – осторожно заявил турок.

– Я не верю! – ударил себя по ляжкам Бонапарт.

– Я напишу, и вам доставят последние европейские газеты, – пожал плечами великий визирь. – Прочитайте обо всем сами.

Получив пачку английских и немецких газет, Бонапарт лихорадочно принялся их читать, с каждой минутой становясь все мрачнее и мрачнее. Именно так Бонапарт узнал, что союзники разбили генерала Журдена на Дунае, Шерера на реке Адидже и Моро на Адде. Созданная им, Бонапартом, Цезальпийская республика была уже уничтожена. Вот-вот должна была пасть и Мантуя, Массена с трудом отбивался в швейцарских горах, а в северной Италии единолично хозяйничал русский старик Суворов.

– Негодяи! Италия потеряна! Все плоды моих побед потеряны! Мне нужно ехать! – сказал он, как

только прочел газету. – Кажется, я слишком засиделся в Египте!

Много лет спустя на острове Святой Елены он вспоминал: «Наполеон (о себе Бонапарт писал всегда только в третьем лице. – **В.Ш.**) понял, что при виде его (во Франции. – **В.Ш.**) все переменится... ему будет легко стать во главе республики; он был полон решимости по прибытии в Париж придать ей новую форму и удовлетворить общественное мнение нации».

Сразу же после этого Бонапарт начал подготовку к отъезду во Францию. Все происходило в строжайшем секрете, и об отъезде командующего знал лишь очень ограниченный круг лиц.

С разгромом турецкой армии ситуация в Египте сразу улучшилась, Мурад-бей сразу удалился в Верхний Египет. Его по пятам преследовал отряд генерала Дезе. В конце концов, вождь мамлюков признал свое поражение. По условиям сдачи Мурад с частью мамлюков перешел на сторону французов.

– Мы можем одержать здесь еще хоть сто побед, но мы отрезаны от Франции, а потому обречены, – говорил Бонапарт в сердцах верному Бертье.

19 августа он тайно выехал из Каира в Александрию и велел контр-адмиралу Гантому подготовить два уцелевших фрегата, «Мьюрон» и «Каррер», к возвращению во Францию.

23 августа Бонапарт подписал следующую декларацию: «Солдаты! Вести из Европы принуждают меня покинуть Египет. Я оставляю командование армией генералу Клеберу. Армия скоро будет иметь вести обо мне; я больше ничего не могу сказать. Тяжело мне покидать солдат, к которым я больше всего привязан, но мое отсутствие продлится недолго».

Бонапарт врал, так как знал, что больше никогда не вернется в Египет. В ночь на 24 августа он тайно погрузился с пятью сотнями отобранных им людей на «Мьюрон», и оба фрегата взяли курс на Францию. Убегал Бонапарт так быстро, что не пожелал встретиться с оставленным им за себя генералом Клебером, ограничившись лишь пространственным письмом.

Клебер, прочитав письмо, был в ярости:

– Когда я увижу этого мерзавца, я задушу его своими руками! – кричал он.

Но свести счеты Клеберу с Бонапартом так и не удастся. Вскоре он будет убит фанатиком-мусульманином.

Командор Сидней Смит пытался было перехватить корабли французов, но ветра отнесли фрегаты Бонапарта к берегам Африки, где англичане и не думали их искать. Удача снова сопутствовала Бонапарту.

19 сентября корабли вошли в пролив между мысом Бон и Сицилией, где их сторожил английский фрегат. Но к этому времени уже наступили сумерки, и англичане французские суда так и не заметили.

7 октября на подходе к Тулону «Мьюрон» в сорока километрах от гавани заметила наконец английская эскадра и пустилась в погоню. Дальнейший ход событий описал генерал Мармон, плывший вместе с Бонапартом: «Солнце заходило, и враг был против солнца. Мы видели врага ясно, а сами в вечернем тумане были ему почти невидимы. Он не мог судить о положении наших парусов. Только это нас и спасло. Минута была роковая. Гантом предложил Бонапарту вернуться на Корсику, но тот после минутного раздумья решил предаться судьбе, только изменив направление – на Сен-Рафаэль-Фрежюс. Англичане, думая, что два наших фрегата вышли из Тулона, погнались за нами в открытое море, в то время как мы шли прямо к берегу».

Утром 9 октября Бонапарт высадился во Фрежюсе и в тот же вечер выехал в Париж.

Через три месяца генерал Бонапарт станет первым консулом, сосредоточив в своих руках всю власть во Франции.

***

Тем временем австрийский гофкригсрат упорно не желал пускать Суворова к Генуе. На то имелись свои причины. Знаменитый город был захвачен французами еще при завоевании северной Италии Бонапартом. Теперь Вена хотела сама одержать звонкую победу и отбить стратегический порт, но из этого ровным счетом ничего не получалось. Австрийцы бесконечно долго и безнадежно осаждали Геную. Шел месяц за месяцем, а Генуя по-прежнему упорно держалась. Командовавший обороной генерал Массена был настроен оптимистично:

– Годик мы продержимся, а там видно будет!

Его оппонент, осаждавший город генерал Кленау, был не чета талантливому Массене. Как и большинство австрийских полководцев, он имел привычку не побеждать, а быть битым. Наконец, поняв, что дело плохо, гофкригсрат был вынужден обратиться к Ушакову, чтобы тот блокировал Геную с моря. С этой миссией и был послан к Генуе отряд Пустошкина – линейные корабли «Святой Михаил» и «Симеон и Анна».

Сам Павел Васильевич держал свой флаг на «Михаиле». Обычно командиры кораблей не слишком любят, когда на их борту находится флагман – он и действия стесняет, и наставлениями замучит. Однако командир «Михаила» Иван Салтанов на Пустошкина был не в обиде. Павел Васильевич вообще славился на флоте своей деликатностью. Вот и сейчас, находясь на «Михаиле», он старался не вмешиваться во внутрикорабельные дела, лишь изредка в форме пожеланий советовал командиру, что и как сделать лучше.

На подходе к Генуе наши перехватили сразу четыре французских транспорта с порохом и довольствием для гарнизона. Так что прибытие русских моряков Массена почувствовал сразу.

Наши были впервые в Лигурийском море, а потому с кораблей с интересом рассматривали подходы к городу-крепости. С моря Генуя была прикрыта поясом старых фортов. Узкий вход во внутреннюю бухту Делле Грацие защищали две батареи, стоявшие на молу античного порта и мысе Сан-Лоренцо. Справа высилась башня старинного маяка Лантерна с большим красным крестом в медальоне – символе старой Генуи. Вдалеке на севере угадывались вершины Апеннин.

С берега подошла лодка. На борт «Святого Михаила» поднялся австрийский оберст-лейтенант и пригласил Пустошкина посетить генерала Кленау.

– А чего не посетить-то, – согласился вице-адмирал. – Сегодня же и посетую. Зачем в долгий ящик откладывать!

Как и положено по уставу, флаг-офицер мичман Трусевич первым прыгнул в шлюпку и встречал Пустошкина уже там. Стоявшие на рострах музыканты исполнили короткий марш, артиллеристы отсалютовали отъезжавшему вице-адмиралу пушками. Едва же Пустошкин шагнул с трапа в шлюпку, с фок-мачты был спущен и его вице-адмиральский флаг.

Высокий и сутулый Кленау был несказанно рад прибытию русских кораблей.

– Дорогой адмирал! – говорил он, преданно заглядывая в глаза. – Не сегодня-завтра Генуя падет под ударом австрийского штыка. Однако мы были бы несказанно благодарны, если бы вы помогли нам своим десантом!

– К сожалению, никаких десантных войск я на борту не имею и смогу высадить лишь свои абордажные партии в две сотни человек.

– О, мы будем рады и этой малости. Я готовлю генеральный штурм крепости, – закивал Кленау. – И само присутствие ваших матросов взбодрит наших храбрых зольдат! Уже скоро над герцогским дворцом взвьется знамя Габсбургов!

Две сотни наших матросов под командой генерал-майора Гамена были незамедлительно свезены на берег. А на следующий день состоялся и обещанный штурм. Для поднятия боевого духа оркестр играл идущим в бой марш Гайдна «Господи, храни императора Франца». Но и Гайдн не помог. Штурм был организован так беспорядочно и сумбурно, что Массена приступ не только легко отбил, но даже еще и контратаковал. Кленау был жестоко побит, потеряв более трех тысяч человек. Те, кто не бежал, сдавались в плен целыми батальонами. Штурм Генуи якобы должен был поддержать Мелас со стороны Нови, но он почему-то так и не поддержал.

Наши матросы, которых Кленау поставил в авангарде атакующих колонн, как всегда, дрались отчаянно. Когда же австрийцы кинулись в бег, то именно они прикрывали бегство «храбрых зольдат» и спасли от плена заблудшую австрийскую роту. Генерал Гамен, лейтенант Жорж с «Симеона» и мичман Папа-Егоров с «Михаила» лично водили матросов

в отчаянные штыковые контратаки. Пустошкин доносил, что десантный отряд «оказал отличное мужество и храбрость». При этом сами союзники, как обычно, бросили наших на произвол судьбы. Итогом австрийского малодушия явилось то, что 38 матросов были убиты, 20 ранены, а еще два десятка раненых попали в плен к французам. С боем наши отошли к берегу, откуда были забраны шлюпками на корабли. Не забыли и о приблудившихся австрийцах.

Из донесения Пустошкина Ушакову: «При местечке Сестрин я на гребных судах наш десант перевез на корабль и еще цесарцев вышеписанных 48 человек не без трудности и могу доложить по справедливости в сем случае весьма доволен исправностью и усердием к службе Его Величества... сие случилось в ночное и мрачное с мокротою время, а притом со стороны открытого моря».

Более Клену уже о штурмах не помышлял, а обложив крепость, ждал, когда у Массены кончится продовольствие. С моря путь транспортам с хлебом заслоняли наши линейные корабли. После двух-трех неудачных попыток прорыва французы от этой мысли отказались. Отныне гарнизон Генуи был предоставлен самому себе.

Пустошкин пробыл со своей эскадрой у Генуи до весны 1800 года, лишь ненадолго отлучаясь для пополнения воды и припасов в Ливорно. После чего вернулся на Корфу, где и соединился с основными силами эскадры. Место Пустошкина в морской блокаде Генуи заняла эскадра вице-адмирала Кейта.

Что же касается самой Генуи, то она была занята австрийцами только в июне 1800 года, когда у защищавшего город Массены не осталось ни одного сухаря. Но флаг Габсбургов развеялся там недолго. Уже спустя три недели после ошеломляющей победы Бонапарта при Маренго цесарцы бежали из Генуи, словно никогда там и не были...

***

А Мальта все еще не сдавалась англичанам. Сил для штурма у последних не имелось. И Нельсон вынужден был просить помощи.

– Дорогой мой сэр! Мальта всегда в моих мыслях и во сне, и наяву, – зондировал он почву у нашего консула в Палермо Андрея Яковлевича Итальянского, человека образованного и умного. – Я понимаю и то, как дорога Мальта и ее орден вашему государю. А потому нам надо объединить усилия и выбросить французов с острова!

Итальянский не ответил контр-адмиралу ничего определенного, но безотлагательно отписал сразу два письма – одно в Петербург императору Павлу, другое в Неаполь адмиралу Ушакову. Наше участие в блокаде Мальты становилось реальностью.

Нельсон тоже не терял времени и отписал командующему английскими войсками на Минорке

генералу Эрскину: «Дорогой сэр Джеймс! Я в отчаянии относительно Мальты... Двух полков в течение двух месяцев при русской помощи будет достаточно, чтобы дать нам Мальту, освободить нас от врага, стоящего у наших дверей, удовлетворить русского императора, защитить нашу торговлю на Леванте...»

Не оставил Нельсон своими предложениями и Ушакова. Д. Милютин в своем труде «Истории войны России с Францией в царствование Императора Павла I» отмечал: «В начале октября 1799 года Ушаков получил неожиданное предложение от лорда Нельсона предпринять соединенными силами осаду Валлетты. Двор Палермский также подкреплял просьбу английского адмирала».

В самом конце 1799 года Ушаков уже был готов двинуться к Мальте.

– Англичане блокируют остров без всякого толку вот уже полгода, – объявил он своим капитанам. – Пора уж взять Мальту штурмом, как ранее и Корфу.

На кораблях по-прежнему находились три гренадерских батальона, которым в будущем надлежало стать гарнизоном Ла-Валлетты. Зная характер Ушакова и доблесть моряков-черноморцев, можно было не сомневаться, что именно так все и было бы. Но россиянам не суждено было поднять свой флаг над древними фортами госпитальеров. В самый последний момент император Павел Первый разобиделся на англичан за их неискренность и бесконечные мелкие пакости в отношении своего союзника.

Академик Е. Тарле писал: «Оказалось, что два других главнейших партнера по затевавшейся тяжелой борьбе – Австрия и Англия – не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее (России. – **В.Ш.**) камень за пазухой. Английский кабинет во главе с Уильямом Питтом Младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя, по существу, эти успехи шли на пользу общему делу. А главное – эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на этих местах, где эти победы произойдут. Это сразу почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел приготовиться к скрытым ударам и парировать их».

Удивительно, но, находясь в чрезвычайно тяжелом положении, английские политики сделали все возможное и даже невозможное, чтобы отвратить Россию от союза со своей державой и снова остаться один на один с Францией...

Нельсону и лорду Гамильтону к этому времени удалось добиться от короля Фердинанда обещания

никогда не отдавать Мальту какой-либо иностранной державе без согласия на то Англии. И хотя соглашение было тайное, в Петербурге о нем узнали очень быстро.

– Коли так, – заявил оскорбленный таким обманом император Павел, – так пусть король английкий против якобинцев сам и воюет!

Немедленно последовало повеление возвратить эскадру Ушакова на Корфу, а затем и в родные черноморские пределы.

***

Пока Нельсон пребывал в объятиях голубоглазой красавицы, Бонапарт, как мы уже знаем, сбежал из Египта, беспрепятственно пересек Средиземное море под самым носом у отдыхающего в Палермо контр-адмирала и неожиданно для всех высадился во Франции. Говорят, что, узнав об этом, Нельсон якобы желчно заметил:

– А я думал, что его труп давно валяется в пустыне.

В начале 1800 года после неудачной погони за французским флотом по Атлантике вернулся в Ливорно со своей потрепанной эскадрой лорд Кейт. Рассерженный тем, что Нельсон до сих пор безвылазно торчит в Палермо, он велел ему немедленно прибыть к себе. Контр-адмиралу ничего не оставалось, как подчиниться. Едва корабль Нельсона прибыл на рейд Ливорно, Кейт потребовал его к себе и между двумя флагманами Средиземноморского флота состоялся весьма нелicenseприятный разговор.

– Доложите, что вами сделано за время моего отсутствия! – спросил лорд Кейт.

– Я блокировал Мальту!

– Находясь в Палермо?!

– Какая разница, где я находился!

– К сожалению, большая, и мне очень жаль, что целый командующий эскадрой этого не понимает или попросту не хочет понять!

После разговора, во время которого, как впоследствии признавался сам Кейт, он «щелкал кнутом», чтобы вывести наконец Нельсона из состояния вечного праздника, оба адмирала отправились в Палермо. Вице-адмирал Кейт желал убедиться в боеспособности стоящих там кораблей.

Королевская чета приняла старшего средиземноморского флагмана подчеркнуто холодно, давая тем самым ему понять, что он никто по сравнению с их любимцем. Весьма надменно вели себя с Кейтом и Гамильтоны, в особенности леди Гамильтон, каждой фразой подчеркивая гениальность своего возлюбленного и ничтожность его начальника. Кейт, разумеется, был возмущен. Нельсон, понимая всю двусмысленность ситуации, пытался где можно сгладить все шероховатости, но это ему удавалось не всегда.

Задерживаться в Палермо по этой причине Кейт

долго не был намерен. Вскоре он вывел под своим началом эскадру Нельсона в море, чтобы усилить блокаду Мальты. На переходе внезапно был обнаружен одинокий линейный корабль. Это был 74-пушечный «Женере», чудом вырвавшийся из осажденного Ушаковым Корфу. Не дожидаясь приказа Кейта, Нельсон с несколькими кораблями самовольно вышел из строя и погнался за французом. Спустя несколько часов погони «Женере» был настигнут, обстрелян, окружен, и капитан Лежоаль спустил флаг.

Доклад контр-адмирала о его очередной удаче Кейт выслушал, храня полное молчание. Ведь, несмотря на успех погони, Нельсон вновь поступил самовольно.

Оглядев укрепления Мальты и проверив качество блокады, Кейт велел Нельсону оставаться около острова, а сам поспешил к Генуе, чтобы помочь австрийской армии, окружившей этот город.

Терпения Нельсона хватило всего на несколько недель. Он затосковал по Эмме и, притворившись больным, вернулся в милое его сердцу Палермо. Там все было по-прежнему – бесконечные празднества и карнавалы, длящиеся зачастую по несколько суток.

Оставив «больного» командующего на попечение жены посла, «Фоудройант» на обратном пути перехватил французский 84-пушечный линкор «Вильгельм Телль», последний из французских кораблей, уцелевших при Абукире. После долгого и кровопролитного боя «Вильгельм Телль» был взят на бордаж. Эта достаточно случайная, но весьма эффектная победа заставила на некоторое время замолчать недругов Нельсона в Адмиралтействе, в последнее время уже всю критикувавших (и вполне справедливо!) действия героя Абукира.

Что касается Нельсона, то леди Гамильтон тут же устроила ему еще один праздник, на этот раз уже по случаю захвата французского линейного корабля. Увы, как оказалось, это празднество было последним. Уайт-холл не простил Гамильтону его пронеаполитанской позиции и забвения английских интересов. Некоторое время в министерстве иностранных дел выжидали, но, когда напряжение вокруг Неаполя немного спало, последовала расправа. Сэр Уильям был уволен в отставку, причем сделано это было так, что старый дипломат узнал об этом только от своего преемника, который прибыл в Палермо. Новость оказалась для Гамильтона столь ошеломляющей, что он даже слег. Помочь теперь сэру Уильяму не мог ни король Фердинанд, ни Нельсон. Уайт-холл не считался бы ни с первым, ни со вторым. Эмма была в трауре: кто знает, как сложится теперь ее жизнь, ведь ей придется уехать в Англию и скучать там со стариком Гамильтоном, а Нельсон останется здесь, и, как знать, не подхватит ли его какая-нибудь красота?

Чтобы поддержать убитых горем Гамильтонов, Нельсон решает организовать для них весьма нео-

бычное развлечение. Он забирает их к себе на «Фоудройант», который сразу же берет курс к порядком надоевшей Нельсону Мальте. На палубе все время играет оркестр, лакеи разносят вино и закуски. Эмме обещано участие в настоящем морском сражении, и она радуется этой возможности. Подойдя к Валлетте, «Фоудройант» открывает огонь. Береговые батареи немедленно отвечают. Эмма хлопает в ладоши. Наконец, леди Гамильтон устает от грохота и порохового дыма. Нельсон немедленно прекращает бой и берет курс на Сицилию. Там он вместе с Гамильтонами посещает свое новоприобретенное поместье Бронте.

***

На фоне морских прогулок Нельсона его начальник вице-адмирал Кейт готовился к блокаде Генуи. Кроме этого его корабли постоянно участвовали в боевых стычках. К тому же прошел слух, что Бонапарт собрал большую армию, с которой собирается вторгнуться в северную Италию через Альпы. Поведение Нельсона справедливо возмущало Кейта.

– Я понимаю, что он герой, но разве можно устраивать из войны посмешище, развлекаясь и танцуя, когда твои боевые товарищи сражаются! – в раздражении выговаривал он в узком кругу приближенных капитанов.

В конце концов, Кейт попросил лорда Спенсера отозвать Нельсона в Англию, а ему прислать менее знаменитого, но более дисциплинированного флагмана. Кейта можно понять, ведь у него полным-полно забот и без нельсоновских капризов. Он хотел бы направить Нельсона на блокаду французского флота к Бресту, но заранее знает, что тот никогда и нигде не тронется с места без Гамильтонов. Даже Мальтой контр-адмирал перестал уже интересоваться и поддерживает ее блокаду чисто формально.

Весь гнев Кейта виден в его письмах: «Насколько я понимаю, Мальта может продержаться еще три-четыре месяца, если, конечно, леди Гамильтон не примет решения взять ее штурмом».

Первый лорд, несмотря на свою симпатию к Нельсону, понимал, что требования Кейта справедливы, и в свою очередь в очередном письме Нельсону прозрачно намекнул, что сейчас самое время для его возвращения в Англию. Повод для отъезда имелся весьма существенный: постоянные жалобы Нельсона на плохое здоровье. Но Нельсон сделал вид, что намек не понял. Зачем ему Англия, где ждет уже не любимая и скучная Фанни, когда здесь есть любимая и веселая Эмма? Нельсон и Гамильтоны рассуждали о том, что неплохо было бы, если бы отставной дипломат остался в Палермо как частное лицо. Для Нельсона и Эммы это самый лучший выход из создавшейся ситуации. Сэр Уильям вздыхал, но куда ему деваться!

Однако и лорд Спенсер не привык повторять

дважды: «У меня нет ни желания, ни намерения отзывать вас со службы, однако по причине своего нездоровья вы должны покинуть ваш пост у Мальты. Я полагаю, вы не сделали бы этого без особой необходимости. Но мне кажется, что вам лучше немедленно вернуться домой, чем оставаться бездеятельным в Палермо, в то время как в других местах идут военные действия. Я думаю, все ваши друзья согласятся с тем, что вы вернете себе здоровье и силы в Англии гораздо быстрее, чем теряя время в чужом королевском дворе – как бы ни были приятны почести, которые вам оказывают за ваши заслуги».

После прочтения такого письма Нельсон понял, что его служба на Средиземном море завершена.

Но что ждало его дальше? Дело в том, что из-за тяжелой болезни недавно был вынужден покинуть свой пост граф Сент-Винсент. Сразу встал вопрос о преемнике. Нельсон считал, что, как герой Абукира, именно он имеет все права стать главнокомандующим Атлантическим флотом. Для него это был бы огромный прыжок в карьере, ведь по штату военного времени во главе флота должен был стоять полный адмирал. Однако лорды Адмиралтейства после долгих дебатов пришли к выводу, что в случае назначения Нельсона главнокомандующим он вряд ли сможет принять хоть какое-то самостоятельное решение без влияния леди Гамильтон, а поэтому все действия флота сведутся опять к отстаиванию неаполитанских интересов. Опасение внушало и здоровье Нельсона, который почти в каждом письме (особенно когда его служебные дела обстояли не слишком хорошо) жаловался на плохое здоровье. Кроме этого у всех было еще на памяти и его своеволие по отношению к Кейту. Именно поэтому Адмиралтейство приняло решение о назначении на эту престижнейшую из должностей в британском флоте не агрессивного и талантливого Нельсона, а трудолюбивого и дисциплинированного Кейта. Впрочем, Кейт был впереди Нельсона по старшинству и с формальной точки зрения придаться к его назначению было нельзя.

После всего этого Нельсону ничего не оставалось, как сдавать дела и ехать в Англию, причем чем быстрее, тем лучше. Но и здесь Нельсон остался верен себе. Он снова запросил Адмиралтейство предоставить для его переезда (и для четы Гамильтонов, разумеется, тоже!) ни много ни мало, а целый линейный корабль. Разумеется, Адмиралтейство ответило ему решительным отказом.

– Повсюду идет война, весь флот в напряжении, а линейные корабли не пассажирские пакетботы! – дружно заявили лорды и проголосовали.

Нельсон на отказ обиделся. Он искренне считал, что его заслуги стоят того, чтобы к нему относились не так, как ко всем другим. Леди Гамильтон утешала

и говорила, что если обстоятельства складываются таким образом, то им лучше всего отправиться в Англию сухопутным путем через Европу. Попутно они бы сопроводили королеву Марию-Каролину, которая решила нанести визит своим родственникам в Вене, а заодно и сами нанесли бы визиты правящим домам Германии. Таким образом, леди Гамильтон рассчитывала продолжить прославление Нельсона по всей Европе.

– Я превращу для тебя эту поездку в сплошной триумф. Пусть все увидят героя Нила! – говорила она своему Горацио. – Поверь, это будут самые счастливые дни твоей жизни.

Эмма уже настолько вжилась в роль настоящей королевы, что и мыслила исключительно королевскими категориями.

Вместе с четой Гамильтонов Нельсон переходит на своем «Фоудройанте» из Палермо в Ливорно. Там их уже ждет королева Мария-Каролина. В день прибытия английского линейного корабля по городу разносится новость, что австрийская армия разгромила генерала Бонапарта в битве при Маренго. Королева приглашает гостей в театр, где из ложи кричит ликующей толпе своих приверженцев:

– Смерть Бонапарту!

Однако уже утром приходит новое ошеломляющее известие: оказывается, при Маренго были разгромлены не французы, а австрийцы. Мгновенно в городе начались волнения. Республиканцы тут же восстали и захватили городской арсенал. К городу двинулись и французы.

13 июля Нельсон спустил свой флаг на «Фоудройанте». Матросы флагманского корабля заявили, что готовы служить под началом Нельсона, где бы он ни приказал. В последний раз, обойдя строй и попрощавшись с каждым членом команды, Нельсон покинул свою эскадру. Больше в эти края английский флотоводец уже не вернется никогда...

В те дни прибывший в Англию граф Сент-Винсент заявил в палате лордов:

– Я не утверждаю, что французская армия не сможет прийти в Англию. Я лишь утверждаю, что она не сможет сделать это морским путем!

Ответом ему был шквал аплодисментов.

***

Курьер еще не доставил в Неаполь последние бумаги из Петербурга, и Ушаков деятельно готовился к участию в блокаде Мальты. Исправность его кораблей при этом желала много лучшего. Все уже по четыре года не были килеваны, отчего верхняя обшивка была съедена червями, местами на стыках и в пазах вываливалась пенька, ослабили и прогнили бимсы, отчего корабли имели «худость и великую течь». Начали, но еще не закончили починку в Неаполе фрегаты «Михаил», «Николай» и «Григорий». Помимо всего этого надо было заготовить значи-

тельное количество продовольствия, в котором сами жители Мальты терпели крайнюю нужду. Сделать это в разграбленном Неаполе было не так-то просто.

Для штурма фортов Ла-Валлетты имеемых трех батальонов князя Волконского было мало, и, по совести, следовало забрать и назначенный для охраны неаполитанского короля отряд генерал-майора Бороздина.

Однако, подумав, Ушаков решил гренадеров Бороздина пока на борт не брать, а держать их в Неаполе. Чего людей понапрасну мучить! К Мальте он перебросит их перед самым штурмом.

Всего под Мальту должны были плыть семь линейных кораблей, два авизо и шесть нанятых неаполитанских судов с частью десанта и припасами. Вначале адмирал предполагал следовать в Мессинский пролив и в Агусту, где окончательно сформировать блокадную эскадру. Некоторое время выход эскадры задерживали противные ветры. Но вот они поменялись, и Ушаков покинул Неаполь.

На рейде Мессины адмирала приветствовал фрегат «Поспешный», а в порту линейный корабль «Святой Петр».

Однако 18 декабря в Агусте Ушакову наконец-то доставили рескрипт Павла Первого. Адмирал не без волнения вскрывал засургученный пакет с императорскими вензелями: кто знает, какие ветры дуют сейчас в Петербурге? Но письмо оказалось весьма доброжелательным. Павел писал, что рад взятию с нашей помощью Анконы и Фано. Турецким капитанам, бывшим при осаде, он жаловал золотые часы и саблю. Отмечая успехи адмирала, император извещал его о серьезных изменениях в европейской политике. Союз с Австрией и Англией уже полностью исчерпал себя, но гротмейстер Мальтийского ордена все еще надеялся, что Мальта достанется ему. Самому же адмиралу было «повелено... ни мало не мешкая, забрать все войска и, соединяясь со всеми отделенными эскадрами, возвратиться в Черное море, по которым и учинить немедленно исполнение, если Мальта не задержит».

С получением письма Павла все планы пришлось разом менять. К Мальте надлежало послать теперь лишь отряд вице-адмирала Карцова с гренадерами Волконского, всей же остальной эскадре указано было следовать на Корфу, где будут чиниться и собираться в обратный путь в родные пределы. Спустя некоторое время распоряжение о следовании в Севастополь получит и он.

А пока, обменявшись прощальными салютациями, эскадры разошлись. Карцов остался на рейде Агусты готовиться к блокаде Мальты, а Ушаков взял курс на Корфу. Под его началом сейчас находились только «Святой Павел», «Захарий и Елизавета», «Святой Петр» и «Мария-Магдалина». Остальные суда были разбросаны по всему Средиземному морю, и их еще предстояло собрать. Все три фрегата – «Михаил», «Григорий» и «Николай» – по при-

чине гнилости и сильной течи остались чиниться в Неаполе и по окончании ремонта перейдут на Корфу прямо оттуда. Отряд вице-адмирала Пустошкина надлежало отозвать из-под Генуи, в блокаде которой он все еще участвовал. «Богоявление Господне» и «Святая Троица» уже находились на Корфу, где килевались и чинили обшивку.

Матросы радовались новому известию – куда лучше чинить корабли да гулять в корфиотских трактирах, чем штормовать под ядрами у Мальты. Офицеры были настроены по-разному. Те, кто постарше, уже мечтали о встречах с семьями, молодежь мичманская горевала, что война для них закончилась и не будет больше шанса отличиться. Их успокаивали:

– Не журитесь, ребята. Вон Бонапартий из Египту, говорят, сбежал, знать, скоро снова воевать в Италию двинется, глядишь, наши с австрицами снова помирятся. А как помирятся, так снова нас в пределы средиземноморские и двинут.

Под дубовыми форштевнями ушаковских кораблей с плеском разбегалась адриатическая волна. На горизонте вставал зелеными холмами благодатный Корфу.

***

...Новый, 1799 год обещал боевые дела и для балтийских эскадр, готовящихся к новой кампании в портах Англии. До апреля эскадры Макарова, Тета и Карцова отстаивались на Блекстонском и Норском рейдах. Всего 14 линейных кораблей, 4 фрегата и катер. Силы немалые!

Вскоре после Пасхи курьер доставил из Петербурга бумагу – эскадре Карцова спешить в Средиземное море на усиление Ушакова. В конце апреля Карцов взял курс на Гибралтар. У остальных особых сомнений не было, что придется, как и в прошлый год, месяцами штормовать у британских берегов, прикрывая судоходство.

Но все вышло иначе. Еще зимой английское правительство, пользуясь отсутствием в Европе Бонапарта и узнав о грядущем наступлении Суворова в Италию, решило взять реванш в Голландии. Еще пять лет назад французы захватили Голландию, изгнав оттуда принца Оранского и образовав Батавскую республику. Голландцы сразу охотно приняли новые порядки, а у Лондона появились проблемы, ибо теперь под самым носом стоял весьма немалый и весьма боеспособный голландский флот. И хотя голландцы пока все больше отстаивались в своих гаванях, угроза столкновения с ними была вполне реальной. И вот теперь помимо блокады голландского флота англичане затеяли высадить десант и в самой Голландии. Помимо английских войск участвовать в десанте должны были и наши полки.

Посол в Лондоне Семен Воронцов, впрочем, сразу поставил премьер-министру Питту младшему условия – англичане оплачивают все расходы по

содержанию и обеспечению наших эскадр, а кроме того, и перевозят не меньше половины войск на своих кораблях.

В то время при дворе боролись две политические партии – профранцузская во главе с императорским фаворитом графом Ростопчиным и проанглийская во главе с канцлером Безбородко. Пока последняя одерживала верх, но Ростопчин не терял надежды на успех. Как бы то ни было, Павел подписал соглашение о совместных боевых действиях с послом Уитвортом. Для доставки двух дивизий в Ревеле спешно начала готовиться эскадра контр-адмирала Чичагова.

До начала августа союзный флот под общим командованием адмирала Дункана крейсировал у острова Текселя. За ним, защищенный мелями, стоял голландский флот.

Вскоре к союзному флоту прибыло судно под белым флагом. Голландцы интересовались причиной появления союзников. Им ничего не ответили.

А спустя несколько дней к голландскому побережью подошла и эскадра вице-адмирала Митчелла – две сотни судов с десантом – дивизией генерала Аберкромби.

10 августа Дункан отправил голландскому адмиралу Сторею и коменданту крепости Гельдерн предложение о сдаче. Те ответили отказом. А начавшийся затем шторм заставил союзников и вовсе отойти к Текселю. Едва же шторм стих, союзный флот снова обложил Гельдерн. Теперь все делалось основательно. В первой линии встали бомбардирские суда, во второй – фрегаты и шлюпы, в третью – транспорты с десантными войсками. Линейные корабли Макарова и Митчелла на левом фланге наблюдали за голландским флотом, а Дункан и Тет охраняли предстоящую высадку с правого фланга.

16 августа вскоре после полуденной пушки к вице-адмиралу Макарову прибыл адъютант Дункана.

– Сэр! – приложил он, как и положено при обращении к адмиралу, шляпу к груди. – Мой адмирал предлагает по его сигналу послать гребные суда к транспортам для перевозки войск.

– Это понятно. Оговорен ли порядок перевозки? – сразу перешел к делу Макаров.

Лейтенант передал ему соответствующую бумагу. Макаров передал ее стоявшему поодаль Головнину.

– Переведи-ка мне, Вася, с английского.

Головнин перевел.

– Порядок перевозки меня устраивает, – кивнул Макаров. – Что еще?

– Адмирал просит поднять завтра с восходом вместе с кормовыми флагами и флаги принца Оранского.

– Ну это дельно, – согласился Макаров. – Пусть все знают, что мы пришли, чтобы возратить власть законному правителю.

На следующий день все прошло без сучка и задоринки. Гребные суда свезли войска под прикрыти-

ем огня британских кораблей, паливших по берегу до позднего вечера.

Англичане высадили пять тысяч солдат, с кораблей Тета высадилась почти тысяча наших. Высадку прикрывали пушками русские шлюпки. К вечеру после кровопролитного боя голландцы оставили крепость Гельдерн, потеряв до полутора тысяч против трех сотен у союзников. На следующий день высадка десанта продолжилась.

Теперь очередь была за союзными эскадрами. Они начали маневрировать, буквально на броне протискиваясь между мелей к голландцам. Не все вышло гладко. Из воспоминаний выдающегося отечественного мореплавателя Василия Головнина, состоявшего в ту пору флаг-офицером у вице-адмирала Макарова: «В августе 1799 года английский флот, вспомоществуемый союзной ему нашей эскадрой, высадил войска на голландские берега, между местечками Киндоуном и Кампер-доуном, и овладел укреплениями мыса Гельдерна. На рейде перед сим мысом находилась тогда голландская эскадра, состоявшая из восьми линейных кораблей, трех фрегатов и одного шлюпа. Чтоб взять эту эскадру, надлежало атаковать ее морской силой. Исполнение сего предприятия было возложено на вице-адмирала Митчелла, которому для того поручено было в начальство восемь английских линейных кораблей; главнокомандующий всего ополчения адмирал Дункан предписал командующему союзной эскадрой вице-адмиралу Макарову назначить из оной два корабля для содействия англичанам. Вице-адмирал избрал корабли «Ретвизан» и «Мстислав», под начальством капитана Грейга и Моллера, которые тотчас вступили под команду вице-адмирала Митчелла.

19 августа был день, назначенный вице-адмиралом Митчеллом для нападения на неприятеля, и союзная эскадра в 5 часов утра, при попутном ветре и течении, пошла так называемым большим проходом к острову Тексель. Но так как в этом проходе голландцами сняты были все баканы и направление течения между мелями англичанам неизвестно, то путь сей подвергал эскадру большой опасности. Передовым кораблем в боевой линии был «Глатон», который при одном изгибе прохода коснулся мели, но, по малому своему углублению, прочертил только по ней килем и избежал опасности, а корабль «Ретвизан», второй по линии, шедший непосредственно за «Глатоном», будучи грузнее его, стал плотно на мель; прочие же корабли, увидев опасность, легко могли уже миновать ее, вышедши на настоящий фарватер, кроме корабля «Америка» и фрегата «Латон», которые поблизости «Ретвизана» также стали на мель. В следующую ночь ветер усилился, и «Ретвизан» находился на краю гибели... Я тогда находился флаг-офицером при вице-адмирале Макарове, следовательно, имел случай знать состояние каждого корабля, бывшего во вспомогательной эскадре, а будучи употребляем к переводам и в сношениях

главнокомандующего с английскими адмиралами, я знал также хорошо и их мнение о каждом из наших кораблей и капитанов. И я к тому могу утвердительно присовокупить, что корабль «Ретвизан» обязан своим спасением присутствию духа и искусству своего начальника, твердости и непоколебимому усердию офицеров, расторопности нижних чинов и вообще редкому порядку и дисциплине, существовавших на сем корабле во всю кампанию. При сем случае особенно содействовали капитану Грейгу и отличился: капитан-лейтенант Быченский, первый лейтенант Миницкий и лейтенант Хвостов».

Пройдут годы, и Алексей Грейг возглавит Черноморский флот, капитан 1 ранга Быченский станет героем Дарданелльского и Афонского сражений, а лейтенант Хвостов прославится своими подвигами в Америке, командуя легендарными «Юноной» и «Авось».

Высадка десанта прошла успешно. Вскоре были захвачены береговые батареи и союзные эскадры смогли уже безопасно идти фарватером в глубину Тексельской бухты, где их ждал готовый к бою голландский флот.

Успех десанта деморализовал голландский флот. Стоявшие в северном проходе у Тексея голландские корабли сразу же спрятались за возвышенность мыса Какдоун. Тем временем союзные корабли протиснулись в глубь Тексельской бухты и вышли на дистанцию огня. Но голландцы молчали, не открывали первыми огня и наши с англичанами. Как оказалось, прокламации с призывом восстановить власть штатгальтера и флаги принца Оранского на мачтах союзных кораблей и известие, что на одном из английских кораблей находится сам принц, сделали свое дело. Голландские матросы отказались драться, побросав пороховые картузы в море. Так все восемь линкоров и три фрегата сдались на милость союзников. Лейтенант В. Головнин писал: «Начальник голландской эскадры контр-адмирал Сторн принужден был отдать ее англичанам, не сделав ни одного выстрела, потому что, кроме него самого и офицеров, все служители целой эскадры признали единодушно прежнее правительство и не хотели сражаться против союзников принца Оранского».

«Ретвизан» и «Мстислав» пленили два линейных корабля, в том числе флагманский «Вашингтон». Флаги и вымпелы с них как трофеи были отправлены в Петербург, где долгие годы хранились в Петропавловской крепости.

В этот день адмирал Дункан вызвал к себе флаг-офицера вице-адмирала Макарова. Вернувшись, тот доложил вице-адмиралу:

– Адмирал Дункан распорядился отрядить эскадру вице-адмирала Тета для прикрытия войск. Сам же он немедленно отправляется в Англию, конвоируя захваченный флот, а вас просит следовать вместе с ним.

Помимо этого флаг-офицер привез и письмо Дункана, в котором тот выражал признательность за совместную боевую работу.

Макаров текст письма выслушал молча.

– Ну а теперь снова вернемся к делам нашим скорбным, – сказал потом, когда Головнин закончил свой перевод. – Дуй немедленно шлюпкой к Тету. При нем остаются «Всеволод», «Северный Орел», «Болеслав», «Европа» и «Счастливый». Остальные ведут со мной голландцев в Англию.

31 августа голландский флот под конвоем союзников направился в Англию. По пути и конвоиры, и конвоируемые попали в жестокий шторм, но справились, и все закончилось благополучно.

В начале 1799 года Петербург шумел о неудачной женитьбе контр-адмирала Павла Чичагова. Карьеру Павлу Чичагову сделал его отец, знаменитый адмирал Василий Чичагов, который, пользуясь властью, назначал сына на высокие должности и щедро награждал. Чичагов-младший был неглуп, но на флоте его не любили, считая выскочкой.

Будучи на корабле в Англии, Чичагов-младший влюбился в дочь британского капитана Проби, с которой и обручился. Вернувшись же, стал хлопотать о выезде в Англию для женитьбы. Император Павел, узнав об этом, вдруг обиделся.

– Передайте этому дураку, что и в России полно засидевшихся девиц, – заявил он. – Я не вижу необходимости плавать за невестами в Англию.

За Чичагова вступился первый лорд Адмиралтейства Чарльз Спенсер. Тогда Павел Первый вначале дал Чичагову чин контр-адмирала, а потом снова передумал и велел посадить в тюрьму. С Чичагова сорвали ордена и забрали шпагу. Но уже через неделю ему снова неожиданно объявили:

– Выбирай, что тебе лучше: сгнить в равелине или плыть на эскадре к берегам англичкам?

– Выбирать тут нечего! – мотнул головой Чичагов. – Выбираю плыть!

Уже через месяц эскадра Чичагова была у мыса Гельдерн, где высадила на берег пехотную дивизию генерала Эссена – 17 тысяч человек под общим началом корпусного начальника генерал-лейтенанта Германа.

Плавание выдалось тяжелым. Солдаты были измотаны нескончаемой качкой и как дети радовались, добравшись до берега. Если бы они только знали, что ждет их там! Высадившись на берег, дивизия Германа двинулась по сыпучим пескам бесконечных дюн на соединение с англичанами.

Те уже заняли прибрежную полосу, но идти в глубь материка побаивались. Не оправдался и расчет на поддержку голландцев. Население и армия Голландии в отличие от флота приняли сторону французов.

– Кажется, голландские джентльмены не желают помогать нашей армии, – жаловались британские офицеры.

Десантный корпус союзников возглавил сын короля герцог Йоркский. К сожалению, помимо титула за душой у герцога ничего больше не было, полководцем он был самым посредственным.

Жизнь королевских сыновей всегда полна чудесных превращений. Уже в шесть месяцев второй сын Георга Третьего герцог Йоркский и Олбани Фредерик стал... епископом германского города Оснабрюка. Но затем отец передумал и решил сделать из епископа полководца, после чего отправил Фредерика учиться военному делу в Берлин под надзор самого короля Фридриха. Несмотря на великого учителя, герцог так ничему толком не научился. В 1793 году ему была поручена защита Нидерландов, но в первом же сражении Фредерик был разбит и бежал в Англию, за что был пожалован... в фельдмаршалы.

– Наш герцог похож на барабан: он шумит, только когда его бьют, – говорили о своем командующем английские офицеры.

И вот теперь герцог снова прибыл на голландские берега, чтобы добыть хоть какую-то славу. Впрочем, король Георг ждал от любимого сына скорой победы. В предвкушении их в Лондоне даже задержали открытие парламентской сессии. Предполагалось, что известие о победах герцога сможет украсить королевскую речь перед членами палаты общин.

Встретившись с герцогом Йоркским, Герман сразу же предупредил, что солдаты очень устали и хорошо бы отсрочить наступление.

– Неужели русские солдаты так быстро устают? Они же целый месяц мяли бока на кораблях! – скривился на это принц Фредерик и объявил, что назначает атаку на завтрашнее утро.

Рано утром, еще в темноте, дивизия Германа двинулась вперед. Идти было трудно. Не было ни проводников, ни материалов для форсирования бесчисленных рек и каналов.

Осторожный Эссен поинтересовался:

– Где же нам остановиться?

– На плечах французов! – был ответ.

Герман был храбр, но, увы, излишне самонадеян.

Герцог Йоркский выступил гораздо позднее и двигался медленно и с большой осторожностью, значительно отстав от наших. Дерзость и внезапность удара сделали свое дело.

Первоначально перевес был на нашей стороне. Гренадеры выбили французов из трех ретраншементов, взяли несколько батарей, завладели тремя укрепленными деревнями и захватили в плен до тысячи французов и полтора десятка пушек. Понемногу рассвело. Верстах в трех за последним селением находился в зелени садов и рощ город Берген. В середине города, на правильной квадратной площади, обставленной низкими опрятными домиками, возвышалась старинная кирпичная церковь. Его и пред-

стояло штурмовать. Спустя час павловские гренандеры уже ворвались на улицы городка.

Тем временем командующий французскими войсками генерал Брюн воспользовался медлительностью англичан и ударил нашим во фланг. Герман дважды отбил неприятеля, но потом, не имея возможности одному удержаться в Бергене, начал отход, во время которого был атакован французами. Наши ударили было в штыки, но одолеть противника не смогли. В довершение всего сам Герман с конвоем нарвался на французский пикет. Конвой был разогнан, а Герман взят в плен. Оставшись без начальства, солдаты все же к берегу пробились, но потери убитыми и ранеными достигали трех тысяч. Таких ударов русская армия не получала давно!

– Ваши солдаты дерутся, как львы, – говорил генерал Брюн нашим пленным офицерам. – Они скорее лягут все на месте, чем сдадутся в плен!

Но общей ситуации это изменить не могло. Затем насупила передышка. В командование нашими полками вступил генерал Эссен. Противники приходили в себя после первых боев. Непрерывно лили дожди, и солдаты мокли, сидя на прибрежном песке. Спасались только ромом.

Фельдмаршал Фредерик все время кланчил у Эссена несколько рот русских гренандеров.

– Я поставлю их во главе английских колонн, и они своим видом будут устрашать французов!

Слава богу, у Эссена хватило ума отказаться от этой сомнительной чести.

21 сентября под тем же Бергеном произошло еще одно сражение. На этот раз союзники одержали победу. Брюн отступил. Но никакого перелома не произошло.

25 сентября случилось новое столкновение у городка Бакума. Русские войска успешно атаковали. «Но английская колонна, назначенная для прикрытия правого нашего фланга, – с горечью доносил позднее Эссен, – не двинулась... в половине второго часа превосходный числом неприятель, чувствуя важность занятых ими возвышенностей, устремил на них все свои силы и, видя наш правый фланг без защиты, окружил его». Итогом снова стали проигранное сражение и большие потери.

За шесть недель голландской кампании союзники понесли огромные потери. В строю осталось меньше половины высадившихся.

Очевидец пишет о солдатском быте тех дней: «Возвращался со службы на бивуак, выпивал порцию рома, съедал 1/2 фунта говядины с белым сухарем и, закутавшись в ту же шинель, валился спать под открытым небом, на мокрую землю, на липкую грязь».

Много умирало и от простудных болезней. Путь же на юг Голландии был наглухо заперт войсками Брюна.

7 октября 1799 года в Алькмааре герцог Йоркский, устав воевать, подписал конвенцию с генералом Брюном о перемирии до 19 ноября. К этой дате союзники обязались очистить пределы Голландии.

5 ноября войска были погружены на транспорты. Наши надеялись, что их разместят в Англии, но для зимовки нашим полкам назначили острова Джерси и Гернси. Жизнь на островах была ненамного лучше, чем в голландских дюнах. Продовольствия, как и одежды, союзники почти не давали. Госпиталей не было, да и казармы были отведены... без крыш. Узнав о столь бездушном отношении к его солдатам, Павел Первый был возмущен. Это стало последней каплей для разрыва с Англией.

Известие об уходе из Англии пришло перед Рождеством. Но сразу уйти не удалось. Балтику уже сковало льдом, большая часть наших кораблей ремонтировалась в английских портах, раскиданных по побережью. Пехота кое-как зимовала на островах, поэтому пришлось отодвинуть отплытие эскадры до весны.

Если армейские офицеры бедовали вместе со своими солдатами, то флотские коротали свободные зимние вечера в портовых тавернах. Известие об уходе в Кронштадт тоже обрадовало не всех. Корабельная офицерская молодежь была таким известием расстроена. Мичманам в море да в Англии было куда веселее, чем торчать в бесконечных кронштадтских караулах. Дело в том, что Павел Первый запретил увольнение офицеров из Кронштадта в столицу. Для этого требовалось личное разрешение императора. Разумеется, что с такими просьбами никто к нему не обращался. Вот и торчали офицеры на Котлин-острове безвылазно годами...

Наконец Макаров и Тет подошли к Джерси и Гернси, погрузили войска и взяли курс в российские пределы. Голландская кампания была завершена, а вместе с ней и пребывание российских моряков в Северном море.

Напоследок вице-адмирал Макаров получил от английского короля украшенную бриллиантами золотую шпагу. Остальным не сказали даже спасибо.

Глава пятая

ОРЛЫ НАД АЛЬПАМИ

К началу сентября победоносная армия Суворова готовилась нанести остаткам воинства Моро последний смертельный удар под Генуей. Именно в этот момент император Павел с подачи гофкригсрата решает направить Суворова в Швейцарию на соединение с корпусом Римского-Корсакова.

10 сентября войска Суворова выступили в Швейцарский поход. Так как никакой обоз не прошел бы по горам, фельдмаршал спешил казаков, а на их лошадей навьючили мешки с припасами.

Из воспоминаний капитана Грязева: «Все время дождь лил ливнем; резкий ветер с гор прохватывал насквозь; в холодные и сырые ночи люди дрогли от стужи на биваках в открытом поле, без обоза и палаток, вместо коих служили нам шалаши, делаемые на скорую руку из древесных ветвей. Между тем войска оказались снаряженными далеко не подходящим образом для предстоявшей войны в суровых, негостеприимных Альпах. Суворов – первый показывал пример бодрости и, несмотря на слабость здоровья, ехал на казачьей лошади в обыкновенной легкой одежде».

Первый бой с французами произошел на перевале Сен-Готард, который был взят штурмом. Все решил обходной маневр Багратиона, который со своими гренадерами взобрался на вершины и ударил с них по французам. Из записок участника событий: «Поднимаясь... непрерывно на высоты, нам казалось, что достигаем уже конечной, но за нею следовала другая, еще крутейшая, и так далее и далее, мы постепенно приближались к самым небесам, пока, наконец, неприятель избрал самую острую и утесистую высоту, на которой долго и упорно держался; но тою же храбростью и неутомимостью нашего воинства, помогая один другому восходить на каменные утесы и голые скалы, его сбили и принудили ретироваться уже не на высоты, а по противоположному скату горы, по таким же утесам и стремнинам, будучи непрерывно преследуем и везде поражаем».

Из хроники Швейцарского похода: «Несмотря на все трудности и невзгоды, войска были бодры и, по замечанию одного из участников похода, готовы были в бой не только с французами, но и с австрийцами. Союзники успели внушить к себе большую неприязнь в рядах русских войск, не сами непосредственно, а как исполнители Тугутовой воли. Не только офицеры, но и солдаты знали имя австрийского министра, толковали в границах своих понятий о его интригах и вероломстве, считая его чем-то в роде чумы. Особа его служила темою для разговоров; кто из офицеров был посвещен, рассказывал анекдоты, вспоминал былые времена, приводил случаи неблагодарности австрийцев к России. Немудрено поэтому, что солдаты изъявляли в шутку готовность бить “не только синекафтанников, но и белокафтанников”, и так как австрийское коварство и вероломство не подлежало в их мыслях никакому сомнению, то горячая их любовь к обиженному Суворову дошла до обожания».

***

Следующим трудным этапом был переход Чертова моста на реке Рейс. Узкий мост на головокружательной высоте между двумя скалами, а внизу

бурная горная река. В конце моста французские войска и артиллерийская батарея – попробуй сунься!

Из воспоминаний капитана Грязева: «Полковник Трубников с тремя сотнями охотников взобрался на горы вправо над самым проходом, а майор Тревогин с двумя сотнями егерей пошел влево через реку Рейс, по пояс в воде, и начал взбираться на скалы левого берега. За егерями Тревогина пошел целый баталион полковника Свищова. Трубникову удалось ранее левой колонны взобраться на горы над Урнер-Лох; неожиданное появление его принудило французский передовой отряд бросить свою позицию и начать отступление, а войска, стоявшие позади Чертова моста, начали второпях разрушать каменную аппарель на левом берегу».

Тогда наши солдаты разобрали находившийся поблизости сарай, притащили бревна и, перевязав их офицерскими шарфами, перебросили их через образовавшийся провал. Первым, перебежавшим по этой перекладине, был майор князь Мещёрский, тут же смертельно раненный. За ним кинулись солдаты и выбили французов из их укреплений.

В донесении императору Павлу Суворов писал: «На каждом шагу в этом царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти... Там явилась зрению нашему гора Сен-Готард, этот величающийся колосс гор, ниже которых громоносные тучи и облака плавают, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсберг. Все опасности, все трудности были преодолены, и, при такой борьбе со всеми стихиями, неприятель, согнездившийся в ущелинах и неприступных, выгоднейших местоположениях, не мог противостоять храбрости воинов, явившихся неожиданно на этом новом театре... Войска Вашего Императорского Величества прошли через темную горную пещеру Урнер-Лох, заняли мост, удивительной игрой природы из двух гор сооруженный и проименованный Тейфельсбрюкке. Оный разрушен неприятелем. Но сие не останавливает победителей. Доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершины в бездны и, достигая врага, поражают его всюду».

Затем был тяжелейший переход к горе Швиц, так как все более легкие дороги к этому времени заняли французы. Этот небывалый по трудности переход через высокие заснеженные перевалы потребовал небывалого мужества как от командующего, так и от его солдат.

Авангард возглавил Багратион, за ним следовали дивизии Дерфельдена и Ауфенберга, следом обоз. Розенбергу было приказано прикрывать тыл от нападений Лекурба. Напряжение сил было запредельным. Множество людей, лошадей и выюков погибли, сорвавшись в пропасти. Через 12 часов пути авангард достиг деревни Мутен, захватив стоявший там французский пост. Остальные войска растяну-

лись по всему пути и провели ночь на снежном перевале. Лишь вечером 17 сентября хвост колонны добрался до Мутена. Затем еще в течение двух дней той же дорогой тянулись вьюки. Арьергард за это время отразил два нападения Лекурба.

Историк Д. А. Милютин писал: «Нужна была воля железная, чтобы решиться от Альтдорфа идти к Швицу; нужна была притом неограниченная уверенность в своих войсках, чтобы избрать подобный путь... После семи дней тяжкого похода войска были утомлены до крайности; обувь изношена, провиант истощен».

Столь же высоко отзывался об этом этапе Альпийского похода и известный военный теоретик Клаузевиц: «То, что Суворов потребовал этого от своей армии в том истощенном состоянии, в котором она прибыла в Альтдорф, свидетельствовало о невероятной силе воли полководца, и то, что он добился этого от нее, было свидетельством замечательной власти Суворова над духом своих войск».

***

В Мутенской долине Суворов получил новое известие, и какое – о полном разгроме корпуса Римского-Корсакова. Теперь он остался один на один сразу против нескольких французских армий среди снежных вершин, почти без боеприпасов и продовольствия. Теплой одежды не было, впрочем, и летняя давно превратилась в рубища. Вместо сапог большинство давно шли в немыслимых опорках. Вместо сухарей собирали по мешкам остатки сахарной крошки, вьюки с провиантом тянулись где-то сзади. Артиллерии, кроме мелкокалиберной горной, тоже не было. Порох и патроны на исходе. Лошади обезножены и истощены и едва держатся на ногах. Еще никогда великий полководец не был в столь отчаянном положении. Но Суворов был Суворовым!

18 сентября в трапезной женского францисканского монастыря Святого Иосифа он собрал военный совет, на котором присутствовал и великий князь Константин. Выйдя перед генералами, старый фельдмаршал сказал:

– Мы окружены горами, окружены врагом сильным, возгордившимся победою. Со времени дела при Пруте, при государе императоре Петре Великом, русские войска никогда не были в таком гибельно грозящем положении. Нет, это уже не измена, а явное предательство, разумное, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливших за спасение Австрии. Помощи теперь ждать не от кого, одна надежда на Бога, другая – на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых! Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти! Но мы – русские! С нами Бог! Спасите честь и достояние России и ее самодержца! Спасите сына его!

Речь Суворова произвела на всех огромное впечатление, многие утирали слезы.

Затем встал генерал Дерфельден:

– Я скажу от всей армии, что каждый выполнит свой долг. Мы не посраим русского оружия, а если падем, то умрем со славою! Веди нас, куда думаешь, делай, что знаешь, мы твои, отец, мы русские!

– Благодарю! – прослезился старый фельдмаршал. – Надеюсь! Рад! Помилуй Бог, мы русские! Благодарю, спасибо, разобьем врага! И победа над ним, и победа над коварством будет победа!

Было принято решение пробиваться на восток, через Клентальскую долину к перевалу Гларус.

Из сочинения биографа полководца А. Ф. Петрушевского: «Суворов то ехал верхом, то шел пешком при передних частях и беспрестанно был на виду у солдат. Проезжая мимо людей, остановившихся в широком месте перевести дух, продрогших, голодных, сумрачных, он затянул песню: “Что с девушкой сделалось, что с красной случилось”. Раздался дружный хохот, и солдаты повеселели... Эти редкие минуты развлечения сменялись, однако, многими бесконечно-долгими часами трудов, муки и опасностей, особенно когда кончился подъем и начался спуск в долину Муттен. Люди, выбившись из сил, в скользких местах сползали вниз сидя; особенно трудно было конным, а тем паче лошадям и мулам, навьюченным артиллерией, зарядами и патронами. Они едва передвигали ноги, несмотря на понуждения погонщиков; обивали копыта до совершенной невозможности продолжать путь; истомленные бескормичей и усталостью, падали или срывались с узкой тропы, летели стремглав с кручи и разбивались о камни, увлекая за собою нередко и погонщиков. Малейшая неосторожность и невниманье, каждый неверный шаг грозили смертью».

В тот же день австрийская бригада Ауфенберга взошла на гору Брагельберг, сбивла французские посты и спустилась в Клентальскую долину. За ней последовал авангард Багратиона и дивизия Швейковского. За ними шли войска во главе с Суворовым. Отступление совершалось под прикрытием арьергарда Розенберга. Тем временем Массена, стремясь запереть русскую армию среди гор, направил часть войск к выходу из Клентальской долины, а сам с главными силами двинулся на Швиц с целью нанести удар в тыл русской армии. Во французской армии царил победное настроение.

Вскоре бригада Ауфенберга была атакована бригадой генерала Молитора. Ауфенберг начал переговоры о сдаче, но на помощь австрийцам прибыл авангард Багратиона. Молитор был отброшен с большими потерями, а затем и наголову разгромлен.

В это время к французам подошла свежая дивизия Газана. Французы, получив значительный перевес в силах, атаковали и захватили деревушку

Нефельс. Контратакой Багратион снова выбил их отсюда.

Из записок капитана Грязева: «Между тем как мы производили преследование, неприятель, оставляя свою позицию, свернулся в несколько колонн и потянулся вниз по горе на противоположную обширную долину, по коей, в разных направлениях извиваясь, река Линт проходила между двумя селениями Нетсталем и Нофельсом. Долина сия, на которой соединился весь наш корпус, учинилась свидетельницею нового поражения, и нечестивая кровь французов лилась по ней ручьями. Здесь мщение за смерть наших собратий и решительная предприимчивость вознесли нас выше самих себя. Я подбегаю скоро к князю Багратиону, распоряжающему впереди нашим действием, и отрывистым голосом спрашиваю его: прикажет ли он ударить мне с охотниками на одну колонну, влево отступающую? – “С Богом, храбрый товарищ (говорит он мне), поражай нечестивых!” – С сим словом его, воспламенившим более мое честолюбие, оборачиваюсь я назад и восклицаю: “Товарищи! кто хочет заслужить достойный лавр героя или со славою умереть, тот следуй за мною!” – Бестрепетные, как быстрые вихри, налетели, и мы, как испуганные, с губительными штыками в одно мгновение вторглись в колонну, разрушая без пощады все человеческое; ужасный вопль и стон поражаемых не могли привести нас в содрогание, и кровь поданных нам людей, попираемая нашими ногами, не возвращала нас к чувствам, и мы истребили почти всю сию колонну. Достойный мой сотрудник, капитан Панов, пал при сем случае, сраженный роковою пулею злодея, и множество других, разделявших со мною сей достопамятный подвиг. Я, по благодати Божией, уцелел».

Пять или шесть раз Нефельс переходил из рук в руки, но, в конце концов, все же остался за нами.

***

Вечером 20 сентября главные силы русской армии сосредоточились у горной деревушки Гларус. Солдаты приходили в себя, собираясь с силами.

Из воспоминаний современника: «Мы копали в долинах какие-то коренья и ели, да для лакомства давали нам молодого белого или зеленого швейцарского сыру по фунту в сутки на человека, который нашим русским совсем был не по вкусу, и многие из гренадер его не ели; со всем тем, во все время нашего пребывания в Швейцарии, сыр составлял единственную пищу; мяса было так бедно, что необходимость заставляла употреблять в пищу такие части, на которые бы в другое время и смотреть было отвратительно; даже и самая кожа рогатой скотины не была изъята из сего употребления; ее нарезавали небольшими кусками, опаливали на огне шерсть, обернувши на шомпол, и таким образом обжаривая

воображением, ели полусырую. Сверх сего, кожа нужна была и для другого предмета: многие чувствовали недостаток в обуви и сбережение своих ног предпочитали сытости желудка; почему отрезывая лоскутки кожи, обертывали ею свои ноги по примеру лапландцев и употребляли до самой невозможности, как свойство ее позволяло; некоторые из офицеров должны были прибегнуть к сему же средству, дабы сохранить свои ноги от острых камней и повреждений всякого рода. Вот в каком бедственном положении находилась вся наша победоносная армия!»

В то время как Багратион расчищал путь главным силам русской армии, в ее тылу развернулись боевые действия между арьергардом Розенберга и настигавшими его войсками Массены. Еще 19 сентября 10-тысячный французский корпус атаковал русский арьергард численностью четыре тысячи человек. Войсками первой линии под командованием Максима Ребиндера французы были остановлены. С прибытием же трех полков Михаила Милорадовича наши войска перешли в контратаку, опрокинули французов и гнали их до самого Швица. Ночью в долину спустились последние выюки и шедшие за ними три полка пехоты. Силы авангарда Розенберга возросли до 7 тысяч человек. С этими силами Розенберг изготовился к решающему сражению.

20 сентября французы атаковали тремя колоннами по обоим берегам реки Мутен. Поначалу наши батальоны начали отступать. Однако когда французы двинули за ними свои главные силы, предвкушая победу, Милорадович отвел свои полки в сторону и французские колонны неожиданно для себя очутились перед главными силами Розенберга, укрытыми в виноградниках по всей ширине долины. Немедленно последовала наша контратака. Наша первая линия, подпустив неприятеля на ружейный выстрел, дала залп, а затем с криком «ура» кинулась в штыки. Передовой Рязанский полк вел в бой 23-летний командир генерал-майор граф Каменский 2-й, сын знаменитого фельдмаршала. С флангов ударили в штыки и полки Милорадовича. По свидетельству очевидцев, ошеломленные французы с минуту не предпринимали ничего и лишь потом открыли беспорядочный ружейный огонь. Затем началась всеобщая яростная рукопашная схватка. Желание бить французов было столь велико, что порой батальоны второй линии обгоняли первые в стремлении дать работу своим штыкам. Вскоре рукопашная переросла в настоящее истребление противника.

Унтер-офицер Иван Махотин, работая штыком и прикладом, пробился к генералу Массене, схватил его за воротник и сдернул с лошади. На помощь кричащему генералу бросился французский офицер. В то время как Махотин, повернувшись к нападающему, ударил его штыком, Массена успел

удрать, оставив в руках нашего унтер-офицера свой шитый золотом воротник.

Бегство было столь стремительным, что наши солдаты просто не могли угнаться за прыткими французами. Победа была полная. В сражении было перебито свыше шести тысяч французов, в плен попало еще полторы тысячи, в том числе генерал Ла Курк, захвачено знамя и 7 орудий. К огромной радости наших солдат, в ранцах убитых французов нашелся и хлеб, и мясо, и водка с вином. Этого хватило, чтобы накормить целый корпус. Наши потери составили 700 человек убитых и раненых. Потрясенный всем происшедшим, Массена более уже и не помышлял о преследовании.

Вскоре после сражения Суворов написал своему старому соратнику по турецким войнам фельд-маршалу Каменскому: «Ваш юный сын – старый генерал».

***

Тем временем, прибыв в Гларус, Суворов увидел, что пропала последняя надежда на помощь и содействие австрийцев. Вначале ушел со своими войсками генерал Линкен, а за ним и последняя австрийская бригада Ауффенберге. Российские войска были окончательно брошены союзниками на произвол судьбы и отныне предоставлены только самим себе. Перед нами оставался единственно свободный, но невероятно тяжелый путь через высокогорный перевал Паникс в долину Рейна.

Из хроники Швейцарского похода: «Обувь солдатская, и в особенности офицерская, теперь в течение немногих часов совсем сбилась и пришла в негодность; у иных отодрались подошвы. О каких-нибудь приспособлениях, например, сандалий с железными шипами, не было и помину, ибо не имелось ни времени, ни опытности, как у французов, искусившихся бойцов горной войны. В довершение бедствия нечем было подкрепить силы; выюки с провиантом тянулись позади, а при себе или ничего не было, или очень немногое, и эту малость надо было расходовать бережливо. Кто был позапасливее, тот сохранил муку, розданную в Альтдорфе, в ожидании огня, чтобы спечь из нее лепешки. Другого харчевого подспорья не было; иные раздобылись в прежнее время картофелем или сыром, но это все уже вышло, да и большинство солдат употребляло сыр лишь в последней крайности, считая его гнилью. Офицеры и генералы бедствовали чуть ли не больше, и солдаты им охотно помогали, чем могли: чинили обувь на привале, делились харчами из последних скудных остатков. Милорадович на биваке съел у одного солдата спеченную из альтдорфской муки пригорелую лепешку, очень ее похвалил, поблагодарил хозяина и прислал ему взамен небольшой кусочек сыра – половину всего, что имел сам. Сол-

дат не взял сыру, а вместе с другими своего десятка или капральства составил складчину, по сухарику с брата, и все это с кусочком сухого бульона, взятого с убитого французского офицера, отнес в узелке к Милорадовичу, который поблагодарил и принял».

В ночь на 24 сентября армия двинулась навстречу своей судьбе. Тяжело раненных пришлось оставить, надеясь на милосердие противника. Авангард вел Милорадович, за ним шли войска Розенберга и Дерфельдена. В арьергарде находился Багратион, постоянно отбивавшийся от наседавших сзади французов.

Войска двигались по одному по извилистой тропинке, в густом тумане, снегопаде и валившем с ног сильным ветре, пробираясь через полуметровые сугробы. Люди ползли по тропе на четвереньках, стирая в кровь колени. Более двух сотен солдат во время этого жуткого перехода сорвались в пропасти. В пропасти пришлось сбросить и все орудия. Ночевать пришлось прямо на перевале. Утром многие уже не проснулись. Спуск с Паникса был еще труднее подъема. Кое-где солдатам и офицерам приходилось просто съезжать с гор.

Пусть простит читатель за весьма объемную цитату, но именно в ней ощущается весь трагизм этого последнего отчаянного горного перехода. Итак, представим еще раз слово участнику тех беспримерных событий капитану Грязеву: «В 4 часу по полуночи начали мы подниматься на гору, называемую Бинтнерсберг, каменистую, крутую, высокую и для перехода весьма трудную и опасную, как для нас самих, так в особенности для выюков наших и лошадей... Пройдя каменистую часть сей горы, мы переступили на покрытую снегом, а далее и выше и на ледяную, которая состояла в одних огромных плитках из нечистого и сорного льда. Взойдя с великою трудностию на сию поверхность, равняющуюся текущим в атмосфере облакам, почувствовали мы совсем другой воздух, стесняющий наше дыхание. С сей ужасной высоты должны были опять спускаться в противоположную сторону горы по крутому и скользкому утесу, где каждый шаг мог быть последним в жизни или угрожал смерти самому мучительнейшему; но как другого пути не было, следовательно, должно было решиться по нем спускаться и отдать себя на волю случая. Лошадей наших не только со выюками, но и простых сводить было невозможно: их становили на самый край сей пропасти и сзади стаскивали в оную. Сие обстоятельство действительно зависело от случая: иные оставались безвредны, но многие ломали себе шею и ноги и оставались тут без внимания со всем багажом своим. Другие падали еще на пути, или истощавшие от бескормицы, или разбившиеся ногами от лишения подков и обломавшие копыта, или обрывались в стремнины без возврата. Но люди были еще в жалостнейшем положении, так что без содрогания

сердечного на сию картину ужасов смотреть было невозможно. Вся наша армия и полки перемешались, рассыпались; всякий шел там, где хотел, избирая по своему суждению удобнеее место, кто куда поспел; как кому его силы позволяли; питательности для подкрепления их не было ни малейшей; слабейшие силами упали и платили решительную дань природе; желавшие отдохнуть садились на ледяные уступы и засыпали тут вечным сном; идущие останавливаемы были холодным и противным ветром, с дождем и снегом смешанным, который тогда же на них и замерзал; все почти оледенело, едва двигались и боролись со смертью. Не было нигде прибежища к успокоению, не было ни щепки разветсти огонь для обогрениа остывших членов; лафеты горных орудий и дротики казаков, как вещи совсем уже не нужные, послужили только малою пищею огню и помощью для весьма немногих, в числе коих находились наши почтенные начальники и великий князь Константин, который первый подал мысль к обогрениа себя лафетами и дротиками. Все тягости на себе несомые разбросали или растеряли, даже и самое оружие, как первое охранение воина; всякий мыслил о себе собственно; никто не мог повелевать, и всякое повиновение исчезло; но всякий повиновался обстоятельствам и настоящему своему положению. Путь, которым многие опускались в сию пропасть и стлкнувались, как я выше сказал, своих лошадей, столько был смят и обезображен, что он сделался еще опаснее, и при воззрении на него подумать было невозможно, чтобы по нем спускаться. Предприимчивые проложили себе другой путь, хотя и по весьма крутому утесу, но покрытому свежим, со льдом смешанным снегом. Я, генерал граф Каменский и его адъютант – составляли товарищество в продолжение нашего хода по сей ужасной горе. Мы, подошед ко вновь открытому пути, изумились, увидевши пропасть, в которую должны были спускаться по крутому и снежному утесу между высунувшихся повсюду острых и огромных каменьев; но чем далее мы размышляли, тем более наши страхи увеличивались; время было дорого, и наконец, призвав спасительную Десницу в помощь, решились спускаться, но не по примеру других, а по своему: мы уселись рядом на край пропасти, подобрав под себя свои шинели, и покатались подобно детям с масленичной горы; единственное наше спасение состояло в том, чтобы со всем своим стремлением не попасть на камень, который бы мог не только причинить нам вред, но и раздробить на части; однако, благодарение Всевышнему, мы скатились в самую глубину пропасти без всякого повреждения, кроме сильного испуга или чего-то сему подобного: ибо сердце мое замерло, и я не чувствовал более в себе его трепетания. Мы не могли опомниться даже и тогда, как остановились уже на одном месте; но майор Владыкин, сошедший прежде нас, понял наше ока-

менение и раскликал нас... Мы пустились продолжать наше странничество. Сим последним нашим действием наши опасности не только не миновались, но нам предстояли еще большие. Из сей пропасти должны мы были опять подниматься на весьма крутой каменный и оледенелый утес противу низвергающегося с высоты водопада, влекущего за собою камни и черные глыбы земли; некоторые из наших товарищей, в виду нашем, соделались его жертвою. Здесь глаза мои встречали нашего неумолимого вождя, бессмертного Суворова. Он сидел на казачьей лошади, и я слышал сам, как он усиливался вырваться из рук двух шедших по сторонам его дюжих казаков, которые держали его самого и вели его лошадь; он беспрестанно говорил: "Пустите меня, пустите меня, я сам пойду!" Но усердные его охранители молча продолжали свое дело, а иногда с хладнокровием отвечали: "Сиди!" И великий повинувался! Должно было восходить на крутой и оледенелый утес; всякий спешил, теснился, опереживал один другого и не ведал судьбы своей, где надлежало ему умереть, одним шагом вперед или назад. А как на сей утес должно было входить не иначе, как по одиночке, то взошедший принимал другого, внизу стоящего, и помогал ему подниматься на последний крутой уступ, и таким образом дошла очередь до меня; мне подали руку, и я, взойдя на скалу, несколько приостановился поднимать за мною следующего, в том намерении, чтобы передним дать несколько пройти и избавиться опасной тесноты; потом, сделавши все, чего требовала взаимность, продолжали свой путь по весьма узкой, оледенелой и к стороне пропасти покатоу тропинке, где один неверный шаг, сделанный по случаю или неосторожности, мог бы повергнуть невозвратно в неизмеримую пропасть, что с некоторыми и случилось; но одно страдание было все, что могли мы тогда чувствовать, но ни помочь, ни спасти были не в состоянии. Продолжая таким образом путь наш по сей роковой тропинке, мы почувствовали, что стали склоняться ниже к отлогости горы; вместо снега и льда глиняное и вязкое подножие останавливало часто шаги наши от бессилия, где непроницаемая мгла или густой туман и мрачная завеса ночи увеличивали еще более трудности и отнимали последнюю бодрость и надежду, единственную утешительницу смертных, найти в будущем какое-либо прибежище и успокоение; но спустясь еще ниже, достигли мы в одной глубокой лощине густого леса около полуночи – это я; сколько же оставалось еще позади меня с такими же опасностями и в такое время; оно принудило многих остаться в самом жалостнейшем положении, и тогда-то россияне должны были собраться с последним своим мужеством, дабы преодолеть природу, в которой имели страшного и непримиримого врага. Сей дремучий лес учинялся первым прибежищем, где всякий искал своего успокоения, какого

только можно было ожидать от сего дикого вертепа, но, по крайней мере, отогреть застывших своих членов; я не говорю уже – подкрепления сил своих, ибо нечем было, да и на ум не шло. Разводили огни; мгла не допускала подниматься курению; дым растлался по земле, и горечь была несносна. С одним себе спутником я пошел далее, в намерении найти что-нибудь лучшее, – попал в ручей по пояс, меня вытащили, я еще шел, но ужасная темнота и незнание пути наконец остановили меня; я завернул в густоту деревьев, весь мокр, весь в грязи, измучен усталостью, растерзан скорбью, бросился я на сырой мох, но ужасный холод, приводивший всю внутренность мою в содрогание, не позволил мне долго оставаться в таком положении; я вскочил, наломали мы ощупью сучьев, высекли огню, кое-как развели и имели много терпения, чтобы довести его до такого положения, которое бы могло наградить все наши заботы. К нам присоединились и другие товарищи; ибо огонь, как магнит, притягивал к себе всех проходящих и требующих подобного успокоения. Мы усилили огонь, при свете коего нашли множество сухих сучьев и столько отогрелись, что могли скинуть с себя все верхнее платье, дабы, развеся оно по сучьям, очистить его от грязи и высушить. В таких упражнениях протекла остальная часть ночи, и благодетельный сон во все время не появлялся ни на минуту; виденная картина ужаса и страдания и участие, самим принимаемое, совсем отогнали его».

Любопытная деталь. При выходе из альпийских ущелий авангард встретил двух пасущихся быков. Их тут же убили и освежевали. Каждый солдат и офицер, получив свой кусок мяса, принялся жарить его на штыке или на шпаге, в том числе и сам Суворов. Наконец поздним вечером 26 сентября русские войска достигли деревушки Иланца, а на следующий день города Кур. Только там армия получила тепло, хлеб, мясо и водку.

***

Так завершился беспримерный Швейцарский поход Суворова.

После отдыха, пополнения свежими войсками, артиллерией и присоединением остатков корпуса Римского-Корсакова Суворов двинул свою армию в Баварию на зимние квартиры и ожидая дальнейших указаний из Петербурга. Австрийцы все еще пытались спасти коалицию. Старого фельдмаршала наградили высшим австрийским орденом Марии Терезии I степени, но это никакого впечатления на него не произвело.

Эрцгерцог Карл пытался «усоветить» Суворова:

– Вы должны помнить об обязанностях искреннего и верного союзника и продолжить совместные боевые действия!

– Я послал курьера в Петербург, увел на отдых свою армию и не предприму ничего без повеления моего государя! – четко и ясно ответил ему фельдмаршал.

Вскоре он получил рескрипт о разрыве союза с Австрией и возвращении армии в российские пределы. К рескриптам была приложена копия письма Павла императору Францу: «Видя из сего, что Мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других, видя, что политика его совершенно противоположна Моим взглядам и что спасение Европы принесено в жертву желанию распространить Вашу Монархию, имея притом многия причины быть недовольным двуличным и коварным поведением Вашего министерства... Я... объявляю теперь, что отныне перестая заботиться о Ваших выгодах и займусь собственными выгодами Моими и других союзников. Я прекращаю действовать заодно с Вашим Императорским Величеством».

После этого армия эшелонами двинулась из Аугсбурга в Россию. 28 октября фельдмаршал Суворов был возведен в звание генералиссимуса с воздвижением ему памятника в Петербурге.

«Побеждая повсюду и во всю жизнь нашу врагов отечества, – писал император Павел, – недоставало вам одного рода славы – преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх... Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высшую ступень, чести и геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оную знаменитейшего полководца сего и других веков».

Глава шестая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

22 декабря в Мессине Ушаков получил высочайший рескрипт, коим повелевалось всему русскому флоту возвратиться в черноморские порты, забрав с собой не только войска, которые находились в Корфу, но и гренадерские батальоны Волконского.

Итак, в канун Рождества 1800 года, покинув Италию, Ушаков привел свою эскадру на Корфу. Военные действия русского флота в Средиземном море на этом закончились.

Последующие шесть месяцев пребывания на острове были для наших моряков временем сплошного триумфа.

Жители освобожденных островов буквально соревновались в изъявлении признательности своим освободителям. Старшины Корфу вручили адмиралу почетную грамоту, озаглавленную: «Освободителю и отцу нашему», а также меч с алмазами и надписью «Остров Корфу адмиралу Ушакову». Кефалонские депутаты привезли выбитую золотую медаль с надписью: «В знак спасения Ионического острова

Кефалонии». Такую же медаль с изображением легендарного Одиссея вручили и от Итаки. А жители Занте передали дорогой щит с изображением подвигов адмирала и золотой меч с надписью: «Остров Занте избавителю своему Ушакову».

Но награды наградами, а остальное время адмирал занимался починкой кораблей и судов, налаживанием управления на Ионических островах. Корфиоты не столько желали независимости, сколько покровительства России. Тут был свой резон. О какой независимости можно говорить, когда по всей Европе кипит война и неизвестно когда кончится. В столь яростной схватке гигантов маленькому государству просто не выжить, а потому лучше найти себе могущественного покровителя. Но кто же может быть лучше для местных греков, чем единоверная Россия, на деле доказавшая свое могущество, свою заботу и великодушие!

Был укреплен остров Видо, а береговые батареи усилены нашими корабельными пушками. Многие офицеры и матросы начали обзаводиться семьями, женясь на местных девушках. Ушаков к таким бракам относился с пониманием и сам не раз бывал на свадьбах посаженным отцом. Наконец-то нашлось у него время и на посещение местных монастырей, на столь любимые им неторопливые беседы с местными архиереями.

Понемногу подходили суда из-под Генуи и Неаполя. Если стоявшие на Корфу корабли были уже починены, то прибывающие еще только предстояло чинить, так как все они находились в скверном состоянии и изрядно текли.

Первым встал в ремонт «Святой Павел», потом «Захарий и Елизавета» и «Святой Петр», после них «Мария-Магдалина». Корабли разоружали, потом килевали, меняли гнилую обшивку, перекопачивали и снова загружали пушками и остальными припасами. Дело это долгое, муторное, но необходимое. Адмиралтейство в Гуви маленькое, а потому могло производить далеко не все работы. Но все же работа двигалась. И наконец эскадра была готова к переходу.

Перед уходом с Корфу многие местные жители желали продать свое имущество и отправиться с нами в Россию. Кое-как отговорили, доказывая, что и здесь им теперь будет неплохо.

Для охраны спокойствия корфиотов Ушаков оставил небольшой гарнизон и отряд судов под началом капитана 2 ранга Александра Сорокина, который отныне становился старшим российским командиром во всем Средиземноморье. Проводы эскадры вылились в новую демонстрацию любви к России, нашим морякам и их командующему. Думается, что на этот шаг император Павел пошел из-за Мальты, которую вчерашние союзники умыкнули у него обманным путем. Оскорбленный, он решил оставить себе Корфу. Англичане на это промолчали.

В октябре 1800 года вернулся из-под Анконы и последний наш отдельный отряд капитана 2 ранга Войновича. Фрегаты его едва держались на воде, поэтому на переходе всю артиллерию пришлось спустить в трюм, чтобы хоть немного облегчить нагрузку на корпус. Но все равно даже при посредственной волне через прорехи в корпусе хлестала вода, а потому при всяком противном риф-марсельном ветре он был вынужден спускаться в ближайший порт и ждать улучшения погоды. Именно поэтому от Анконы до Корфу шел Войнович сорок четыре дня и прибыл тогда, когда эскадра ушла на Константинополь. Быстро завершить ремонт было тоже сложно, так как все материалы уже были потрачены. По этой причине Войнович собрал консилиум капитанов. Все они сообща осмотрели фрегаты, освидетельствовали их плачевное состояние и послали Ушакову и в адмиралтейств-коллегию соответствующую бумагу в ожидании денег на починку. При этом, не теряя времени, начали кое-что делать и сами. Отряд капитана 2 ранга Войновича вернется в Севастополь лишь несколько месяцев спустя.

Переход же от Корфу до Дарданелл главных сил эскадры был спокоен и прошел без всяких неприятностей. А затем была триумфальная встреча в Константинополе. Султан Селим лично благодарил российского адмирала, называя его не иначе как великий и победоносный Ушак-паша. Английский представитель и другие посланники явились к адмиралу на корабль с визитом, чтобы изъявить восхищение и уважение.

Скромный Ушаков в этих случаях лишь разводил руками:

– Не мне, не мне, а матросу российскому все мы должны быть благодарственны!

Между тем турки начали выставлять свои заслуги перед российскими, требуя от Петербурга привилегий. Узнав об этом, Ушаков с горечью писал в Петербург: «Кто взял Корфу кроме меня? Я с моим кораблем, не говоря уже о прочих, при взятии острова Видо подошел к оному вплоть к самому берегу и стал фертоинг против двух самых важных батарей, имеющих в печках множество приготовленных каленых ядер, на малый картечный выстрел от оных, и с помощью моих же нескольких фрегат, около меня ставших, оныя сбил; защитил фрегат их, который один только и был близко батарей, и, не успев лечь фертоинг, оборотился кормою к батареям; прочие корабли мои фрегаты сбили другие батареи, турецкие же корабли и фрегаты все были позади нас и не близко к острову; ежели они и стреляли на оный, то чрез нас и два ядра в бок моего корабля посадили с противной стороны острова. Я не описал этого в реляции для чести Блистательной Порты, для сохранения и утверждения более и более между нами дружбы. Ежели капитан-паша или другой турецкий начальник, таким образом,

возьмут боем подобную крепость, как Корфу, что бы они с нее не взяли?»

***

Закончив все дела в Константинополе, Ушаков взял курс на Севастополь. Этот последний переход оказался весьма тяжелым. Осеннее Черное море штормило, и российская эскадра попала в самую круговерть.

По приказу флагмана на кораблях и судах эскадры убрали стеньги, что сразу уменьшало высоту судна на целую треть.

Фрегат «Григорий Великия Армения» переваливался с волны на волну, словно огромная неваляшка. Шли левым галсом, и волны били под острым углом в левый борт. Фрегат кренило из стороны в сторону, то поднимало вверх, то, наоборот, стремительно несло вниз, отчего в животе сразу ощущалась тоскливая пустота. Ветер завывал в снастях, угрожающе потрескивали бимсы и шпангоуты.

На вахте лейтенант Миша Васильев. Совсем недавно он получил следующий чин, а вместе с тем и должность старшего офицера, заменив ушедшего на самостоятельное командование Ратманова. Молодому старшему офицеру командир «Григорий Великия Армения» доверял, но обойти фрегат все же было надо. Шостак обходил судно, скорее даже не обходил, а перебегал между ударами волн. Лица матросов были зелеными от приступов морской болезни, не было ни шуток, ни подначек. Все уныло смотрели перед собой и о чем-то думали, многие молились.

– Держись, ребята! – приободрил их капитан 2 ранга. – До дому совсем немного осталось!

Те сразу заулыбались:

– Домой и кривая дорожка хороша будет!

Поднялся на шканцы. На Васильеве плащ с зюйдвесткой, но он все равно мокрый до нитки.

– Как обстоят дела?

– В пределах дозволенного. Немного сместился плехт, пришлось заново крепить, а в остальном все без изменений.

– Хорошо!

Зашел на камбуз, похвалил кока. Тот при падении барометра успел предусмотрительно отварить изрядный запас солонины, чтобы кормить команду в шторм не одними сухарями. Пусть солонина была и холодная, но это была сытная и питательная пища. Едва же шторм немного поутих, расторопный кок ухитрился сразу разжечь камбузную печь и порадовать команду горячим сбитнем да густой кашей с мясом.

...Фрегат в очередной раз вздрогнул – то исподтишка ударила в борт «разбойничья волна». Шпангоуты так яростно заскрипели, что перекрыли даже звуки шторма. Невольно подумалось, что это все же

последнее испытание перед Севастополем. От этой мысли сразу стало легче.

Вдалеке раздался пушечный выстрел.

– Никак кто-то из наших бедственный сигнал подает? – тревожно глянул на командира Васильев.

Шостак долго всматривался в мутную пелену дождя.

– Никак «Богоявление Господне»! Прикажи править на него. Может, чем и поможем Антону Павловичу.

А линейному кораблю «Богоявление Господне» действительно приходилось нелегко. Корпус старого линкора был столь ветх, что не помог даже ремонт на Корфу, где кое-что подлатали. Ушаков вообще сомневался, стоит ли брать корабль с собой, но Алексиано настоял, что дойдет, и вот теперь он из последних сил боролся за жизнь команды и своего корабля.

Держась за планширь, Алексиано с тревогой наблюдал, как лупят в борт штормовые волны, да выслушивал доклады о высоте воды в трюме. Под напором ветра дрожали натянутые снасти, эта дрожь передавалась и людям, вызывая какую-то необъяснимую тревогу. Пока «Богоявление» еще держится, но что будет через час-другой, один Бог ведает. Вот под ударом огромной волны линейный корабль глубоко просел в волну, как какой-то деревянный обрубок. Водяные валы уже не набежали один за другим, а били непрерывно. Каждый из этих ударов мог оказаться последним. Корпус давным-давно не скрипел, а только натужно стонал. Потоки воды не успевали сходить со шкафута, и «Богоявление» все время находился в полупогруженном состоянии. Одна волна еще не успевала схлынуть, как захлестывала вторая, третья...

Вода в трюме поднялась уже выше 80 дюймов! Это был последний возможный предел, а она все прибывала и прибывала. Линейный корабль фактически тонул, отчаянно цепляясь за жизнь, как живое существо.

Помпы работали на пределе, матросы давно выбились из сил. По этой причине к ним становились уже и писари с боцманами, и офицеры. Помимо помп в ход шли ушата и ведра, но толку от всего этого было немного.

Судя по всему, волны выбили гнилые доски обшивки, и через образовавшиеся дыры в трюм хлестала вода. Помимо этого были сломаны толстенные бимсы и несколько шпангоутов. Завести же пластырь и прикрыть пробоины в таких условиях было делом невыполнимым. Оставалось одно – уповать на Всевышнего и его милость к погибающим на морских хлябях. Старший офицер советовал выбросить за борт пушки, но Алексиано на этот крайний шаг все не решался. Для командира корабля лишиться пушек – это то же, что солдату потерять ружье.

Вскоре к «Богоявлению» подвернул «Григорий Великия Армения», срывая голос, капитан 2 ранга Шостак кричал в медный рупор:

– Нужна ли моя помощь? Могу спустить барказ и перевезти к себе команду!

– Спасибо, Иван Андреевич! У меня топит трюм.

Пока кое-как справляюсь, но дальше не знаю.

– Хорошо! – донеслось с фрегата. – Я буду по возможности держаться рядом!

26 октября 1800 года эскадра адмирала Ушакова, несмотря на крепкий ветер, торжественно вступила в Севастопольскую бухту. С равелинов ее приветствовали дружным салютом. Берега были обсыпаны людьми, встречать героев Средиземного моря вышел весь город. Передовым вошел в бухту и бросил якорь флагманский «Святой Павел». За ним остальные девять линейных кораблей, фрегаты и авизо. Заходили красиво, почти не сбавляя парусов, так же лихо гасили ход и бросали якоря.

На следующий день подошли и отставшие корабли «Богоявление Господне», «Святой Петр» и требака «Константин». Алексиано из-за критического состояния своего корабля сразу же начал свозить на берег пушки. На «Богоявление Господне» тут же прибыли корабельные мастера, и вскоре корабль был поставлен в док.

– Благодарю тебя, Антон Павлович, что сберег корабль! – обнял Ушаков при встрече измученного Алексиано.

Офицеры и матросы сходили на берег, где их уже столько времени в тревоге ждали родные. Вернулись, увы, не все. Могилрой храбрецам стали острова Ионии и земля Италии, волны Тирренского и Адриатического морей... Ну а те, кто остался жив, были счастливы. Позади тяжелейшее плавание и война, впереди же целая жизнь!

В те дни в севастопольских трактирах на Екатерининской и на Большой Морской офицерская молодежь под душистое крымское вино распевала только что сочиненные куплеты:

*Ушакову нашему в честь мы песню поем!
Звучнее греми, наша лира!
Ура! Выше рюмки! Мы пьем
за здравье отца-командира!
Пройдут чередою года,
судьба разлучит нас, быть может,
но дружбы – ничто, никогда
из сердца изгладить не может.
И если случится, что мы
опять встретим старого друга
близ милой, любимой жены,
отцом средь семейного круга,
ему крепко руку пожмем,
про молодость вспомним былую
и, рюмки наполнив вином,
споем нашу песнь морскую!*

У самого же Ушакова впереди были утомительная работа по составлению всевозможных отчетных бумаг, освидетельствования кораблей и судов и подготовка следующей морской кампании. Жизнь не стояла на месте, и впереди Черноморский флот ждали новые плавания и походы.

***

Донесения адмирала Ушакова о наглом и вызывающем поведении австрийцев под Анконой, об их позорной трусости под Генуей поступили в царский кабинет одновременно с донесениями о таком же отношении Вены к Суворову в Италии и об их предательском поведении во время Швейцарского похода. Все это складывалось в довольно мрачную картину. Последней каплей, подвигнувшей Павла на разрыв союза с Англией и Австрией, стали известия о бедственном положении русских десантных войск, брошенных англичанами на островах Джерси и Гернси. Выход России из второй коалиции назрел окончательно. Психологически и политически он становился неизбежным еще до того, как в Петербург пришли известия о внезапном возвращении Бонапарта из Египта, о последовавшем спустя три недели после этого события низвержении директории и установлении во Франции суровой военной диктатуры первого консула. Все эти новости заставили Павла и его советчика Ростопчина думать об изменении внешней политики. До дружбы с Парижем было пока еще далеко, но полный разрыв с Австрией, а затем и с Англией был уже предрешен.

По иронии судьбы, Бонапарт пришел к власти во Франции почти день в день с выходом России из антифранцузской коалиции. Известия о перевороте 18 брюмера пришли в Петербург одновременно с последними новостями заканчивающейся войны.

22 октября император Павел отправил императору Францу письмо о прекращении совместных боевых действий, а уже 10 ноября произошел государственный переворот в Париже. Спустя еще десять дней Павел еще раз подтвердил выход из коалиции в письме к Суворову.

Английский посол в Петербурге Уитворт, узнав об изменении в российской политике, в сердцах публично заявил:

– Русский император явно не в своем уме!

Узнав об этой выходке, Павел Первый потребовал от Лондона немедленно отозвать своего посла Уитворта. Павел будто предчувствовал, какую страшную роль сыграет этот человек в его последующей судьбе. Одновременно был выгнан из Петербурга и генерал Дюмурье. Бывший республиканец стал английским агентом и в течение последних двух месяцев набивался на аудиенцию к императору, чтобы тот согласился в Померании быть под его, Дюмурье, началом. Был отозван из Лондона и посол граф

Воронцов. За долгие годы англоман Воронцов стал более выразителем английских интересов, чем российских. Впрочем, Воронцов на родину так и не вернулся, оставшись жить в Англии как частное лицо.

Узнав об уходе русских из Италии, воспрял духом и папа Пий. Удостоверившись, что в Италии не осталось ни одного русского солдата, Пий Четвертый гордо отказал Павлу Первому в его титуле великого магистра Мальтийского ордена. Но русскому императору было уже все равно.

Тем временем первый консул Франции спешил упрочить наметившееся сближение с Петербургом. Уже на следующий день после прихода к власти Бонапарт во всеуслышание заявил:

– Франция может иметь союзницей только Россию!

В это же время он внушает министру иностранных дел Талейрану:

– Мы не требуем от прусского короля ни армии, ни союза, мы просим его оказать лишь одну услугу – примирить нас с Россией.

***

5 сентября 1800 года после двухлетней осады французский гарнизон Ла-Валлетты наконец сдался англичанам, когда французам уже не оставалось никакого спасения от голодной смерти. Капитан Александр Белл стал военным губернатором острова. Завладев Мальтой, англичане по приказу статс-секретаря по военным делам Генри Дандаса подняли один лишь британский флаг, что должно было символизировать безраздельное и абсолютное господство Англии на Мальте. Дандас распорядился при этом воспрепятствовать всем возможным попыткам русских ввести на Мальту гарнизон и поднять свой флаг.

– А если русские будут в том настаивать? – спросил важного чиновника капитан Белл.

– Разве у вас нет пушек, чтобы сделать их сговорчивее? – удивился статс-секретарь британского правительства.

Англо-русский союз уже был в прошлом. Впрочем, оспаривать господство над Мальтой было уже некому. Эскадры адмирала Ушакова к этому времени на Средиземном море уже не было.

Весть о захвате англичанами Мальты и поднятии там английского флага достигла Петербурга в первых числах ноября, а уже ночью в Кронштадт поспешил курьер с секретным приказом императора – арестовать все английские суда с товарами в портах России, а их команды под конвоем отправить в глубь страны.

Затем настал черед и английских офицеров, служивших в нашем флоте. В Кронштадт, Ревель, Николаев полетели указания президента адмиралтейств-коллегии: «Его Императорское Величество, государь император, высочайше указать соизволил

находящихся в балтийских и черноморских флотах флагманов, капитанов и других офицеров, кои из англичан, отправить всех в Москву, где и остаться им впредь до дальнейшего повеления».

Одновременно более 60 тысяч войск заняли побережье Прибалтики, а на западных границах против Австрии начала сосредотачиваться 120-тысячная армия. Одновременно Россия заключила союз со Швецией, Данией, Пруссией противостоять на море английскому засилию. Четыре балтийские державы объединились для защиты морской торговли. А в Петербург приехали французские дипломаты с предложениями о совместном походе в Индию.

Стараясь в какой уже раз разыграть мальтийскую карту, Бонапарт писал Павлу Первому: «Первый консул, желая дать доказательство питаемого им к русскому императору уважения и выделить его из числа других врагов Республики, сражающихся ради низкой любви к наживе, предполагает, в случае если гарнизон Мальты будет вынужден голодом эвакуировать остров, передать его в руки царя, как гротмейстера острова; чтобы в случае надобности войска его могли занять местность».

Кроме этого Бонапарт приказал немедленно освободить семь тысяч наших пленных солдат, пошить для них гвардейские мундиры и отпустить в Россию со знаменами и офицерами. Свою щедрость Бонапарт сопроводил новым письмом: «Первый консул надеется, что император примет освобождение своих солдат за знак особого уважения с его стороны к храбрым русским воинам».

У Павла снова возникла надежда добыть упорно не дающуюся в руки Мальту. Черноморский флот получил распоряжение быть готовым к новому средиземноморскому походу. Ушаков принялся готовить корабли. Из письма министра Ростопчина уполномоченному на переговорах с Бонапартом вице-канцлеру Колычеву от 15 января 1801 года: «В трактовании вашем о возвращении Мальты Государю помогайте упорно, дабы Франция обязалась не заключать с Англией иначе мира, как поместия в договорах своих особенный пункт о возвращении Мальты Его Императорскому Величеству, яко Великому Магистру Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского».

Увы, начавшийся XIX век заставил вскоре навсегда забыть и о рыцарях, и об их орденах. Европа вступала в полосу ожесточенных войн и нового передела. А Россия готовилась явить миру новые подвиги своих воинов на морях и океанах.

Глава седьмая

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ

Адмирал Федор Федорович Ушаков после возвращения в Севастополь продолжал успешно

командовать Черноморским флотом. После победной Средиземноморской кампании число его недругов умножилось из зависти к заслугам. Адмиралу даже пришлось доказывать свое потомственное дворянство, так как на него настроили очередной пасквиль.

В мае 1802 года Ушакова перевели на Балтийский флот с назначением главным командиром гребного флота. В декабре 1806 года Ушаков подал в отставку, ссылаясь на «телесную и душевную болезнь», и 17 января 1807 года указом Александра Первого был уволен «с мундиром и пенсией полного оклада содержания».

До 1809 года Ушаков жил в Петербурге, но после трагической гибели любимого племянника уехал в деревню Алексеевка, что находилась неподалеку от Санаксарского монастыря Тамбовской губернии.

Во время Отечественной войны 1812 года старый адмирал был единогласно избран дворянством Тамбовской губернии предводителем народного ополчения, но по состоянию здоровья и ввиду преклонного возраста отказался от этой должности.

Бескорыстие Ушакова стало легендарным: когда среди дворянства России был организован сбор пожертвований в пользу русской армии в 1806 году, то адмирал передал в фонд пожертвования 2 тысячи рублей, 5 наградных медных полевых пушек и алмазный челенг, пожалованный ему султаном Селимом Третьим. Потрясенный бескорыстием адмирала, Александр Первый возвратил драгоценный челенг обратно.

В апреле 1813 года Ушаков пожертвовал в помощь пострадавшим в войне почти все имевшиеся у него деньги. В письме обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну он писал: «На основании учреждения сохранной казны при объявлении моем августа 27 1803 года внесено мною императорского воспитательного дома в Санкт-Петербургский опекунский совет государственными ассигнациями двадцать тысяч рублей... из которых с того времени ни капитальной суммы, ни процентов на оную несколько не получал... Я давно имел желание все сии деньги без изъятия раздать бедным, нищей братии, не имущим пропитания, и ныне, находя самый удобный и вернейший случай исполнить мое желание, пользуясь оным по содержанию вышеозначенного объяснения в жертвование от меня на вспомоществование бедным, не имущим пропитания».

Последние годы жизни знаменитый адмирал жил весьма уединенно, проводя большую часть времени в молитвах. Иеромонах Нафанаил так писал об Ушакове архиепископу тамбовскому Афанасию: «Оный адмирал Ушаков... знаменитый благодетель Санаксарской обители, по прибытии своем из С.-Петербурга около восьми лет вел жизнь уединенную в собственном своем доме, в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря через лес

версты три. По воскресеньям и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь... а в Великий пост живал в монастыре в келье... всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно... Препровождал остатки своих дней крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну святой церкви».

Федор Федорович Ушаков умер в своем имении в конце сентября 1817 года. Метрическая выпись от 2 октября из соборной книги Спасо-Преображенского монастыря содержит запись о смерти Ушакова: умер «натуральною болезнию». Исповедован и приобщен протоиереем Асинкритом, погребен в Санаксарском монастыре.

В августе 2001 года в Санаксарском Рождество-Богородичном монастыре состоялось прославление в лике местночтимых святых Саранской епархии первого из православных моряков, величайшего флотоводца адмирала Ушакова.

***

Петр Васильевич Пустошкин после возвращения флота в Севастополь продолжал служить на Черноморском флоте. Ничего примечательного в его жизни и службе больше не было. Ежегодно вице-адмирал водил эскадры в практические плавания, а зимой занимался делами береговыми. В 1807 году в силу плохого здоровья оставил службу. Чем занимался в отставке старый моряк, неизвестно, скорее всего, как и все пожилые помещики, вел хозяйство. Принимал гостей, наносил ответные визиты да растил внуков. Никаких воспоминаний о своей боевой молодости он, к сожалению, не оставил. Умер вице-адмирал Пустошкин уже в весьма преклонных годах в Лубнах в октябре 1828 года.

Командир «Святого Петра» Дмитрий Сенявин вскоре был переведен на Балтику, где стал командиром Ревельского порта. В 1805-1807 годах возглавил новую средиземноморскую экспедицию нашего флота. Дрался с французами в Далмации и с турками в Эгейском море, одержав блестящие победы при Дарданеллах и Афоне. По окончании кампании он был отправлен в незаслуженную отставку и возвращен на флот лишь с воцарением Николая Первого.

Лейтенант Макар Ратманов после окончания боевых действий еще год находился в плавании по Адриатике. За отличия был награжден орденами Святой Анны 3-й и 2-й степеней. По возвращении в Севастополь был переведен на Балтийский флот. Затем по приглашению Ивана Крузенштерна участвовал в первом российском кругосветном плавании на фрегате «Надежда». Во время плавания Ратманов был произведен в капитан-лейтенанты и получил орден Святого Георгия 4-й степени за 18

морских кампаний. В честь него были названы мыс на Сахалине, а также один из островов в Беринговом проливе. По возвращении в Кронштадт был награжден чином капитана 2 ранга и назначен командиром линейного корабля «Победа» Черноморского флота. На нем участвовал во взятии турецкой крепости Анапа в 1807 году. Затем снова на Балтике командовал линейными кораблями в войне со Швецией и Англией. В 1818 году возглавил отряд кораблей Балтийского флота и плавал в Испанию. А на следующий год, ввиду болезни, был вынужден отказаться возглавить экспедицию, направлявшуюся вокруг света и в южные воды и открывшую впоследствии под руководством Фаддея Беллинсгаузена Антарктиду. В последующие годы Ратманов был директором Кронштадтского порта, командовал легкой эскадрой, был дежурным генералом морского министерства и директором инспекторского департамента. В 1829 году стал вице-адмиралом. Скончался Ратманов в Петербурге и погребен в Сергиевой Пустыни. В 1931 году при уничтожении некрополя его надгробный памятник был перенесен на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры, где находится и поныне.

За свои подвиги в средиземноморской экспедиции капитан 2 ранга Александр Сорокин получил следующий чин, а также ордена Святой Анны 2-й степени и Святого Иоанна Иерусалимского, а также неаполитанский Святого Фердинанда. После ухода в Севастополь эскадры адмирала Ушакова Сорокин остался старшим морским начальником на Корфу, занимаясь не только его защитой, но и многочисленными административными делами. В 1802 году, командуя тем же фрегатом «Михаил» и отрядом вспомогательных судов, он привел жителей Ионической республики «в законное повиновение», за что получил от сената республики золотую шпагу с надписью «От семи островов», а также звание капитан-командора и орден Святого Георгия 4-й степени. В 1805 году за отличие в службе Сорокин получил звание контр-адмирала и принял самое активное участие в экспедиции вице-адмирала Сенявина, а в следующем году принял участие в эвакуации сардинского короля, которого доставил из Неаполя в Сардинию. После окончания экспедиции Сорокин был переведен на Балтийский флот, где командовал эскадрой, а затем состоял членом адмиралтейств-коллегии. В 1808 году вышел в отставку. Однако спустя девять лет он вновь поступил на службу и опять был назначен членом адмиралтейств-коллегии, а с 1824 года – первоприсутствующим в комиссии по составлению сметных исчислений для постройки военных судов, с оставлением членом адмиралтейств-коллегии. На этих двух должностях Сорокин и служил до самой смерти в апреле 1827 года.

Герой Неаполя капитан 2 ранга Григорий Белли целых три года нес боевую вахту в средиземномор-

ских водах на фрегате «Счастливей». Лишь в 1803 году вернулся капитан домой в Николаев. По прибытии из экспедиции Белли был назначен командиром 74-пушечного линейного корабля «Азия», на котором принял самое активное участие в средиземноморской экспедиции вице-адмирала Сенявина. Вскоре Белли снова отличается при штурме острова Курцоло, блокаде Новой Рагузы и Пароса, захватывает два крупных французских транспорта с припасами. Поэтому не случайно, что именно Белли, как одному из наиболее отличившихся офицеров эскадры, было поручено принять под команду трофейный корабль «Селафаил» (бывший «Сед-аль-Бахр»), захваченный в афонском сражении. В 1807 году за свои восемнадцать морских кампаний Белли получает Георгиевский крест, а год спустя его отзывают в Россию. Император Александр Первый, резко поменяв политический курс, заключил союз с наполеоновской Францией. Моряки же, воевавшие несколько лет кряду с новыми союзниками, были ему нынче как бельмо в глазу, потому и убирали их подальше. Сначала избавились от Сенявина, а затем и от его боевых капитанов. Новый морской министр Чичагов одним росчерком пера вернул французам все ранее завоеванные русскими моряками трофеи: знамена, пушки, корабельные флаги, выпела. С Белли же у французов были особые, старые счеты... Историк отечественного флота Ф. Ф. Веселаго пишет о расправе с героем Неаполя: «Французам не нравилось, что один из командиров кораблей русской эскадры был англичанин Белли, причем и сам Сенявин не избегнул обвинения в близких и частых сношениях с англичанами». Так начались для капитана годы забвения и бездействия. Первое время он жил в Петербурге, затем перебрался в Москву, а после и в Саратов. Вынужденную отставку прервало лишь нашествие 1812 года. Тогда-то и вспомнили об опальном Белли. Черноморскому флоту были необходимы опытные моряки. Не исключались боевые действия с французским флотом. И вновь под началом капитана его «Азия». Снова боевая учеба, походы и шторма. Когда же над истерзанной Европой улеглись военные вихри, Белли был переведен командиром 59-го флотского экипажа. В марте 1816 года он получает контр-адмиральский чин, а в следующем году принимает команду над 3-й бригадой линейных кораблей. До самого последнего дня своей жизни старый моряк выводил в море корабли. Год 1821 был для него последним...

В 1913 году на Путиловской верфи был заложен эскадренный миноносец «Капитан 2 ранга Белли», а в 1918 году в командование этим кораблем вступил военмор, а впоследствии контр-адмирал и профессор Военно-морской академии Владимир Александрович Белли – прямой потомок славного капитана. В середине 20-х годов сверхреволюционное морское начальство переименовало «Капитана Белли»

в «Карла Либкнехта». Адмирал флота Н. Д. Сергеев в одну из наших с ним встреч рассказал любопытную историю, согласно которой профессор В. А. Белли до самой своей смерти в 1981 году бережно хранил телеграмму, датированную 30 апреля 1945 года. Текст её был таков: «Вчера в 9:15 на Кильдинском плесе “Либкнехт” утопил немецкую лодку. Поздравляю! Ваш доблестный предок снова послужил Отечеству. Нарком ВМФ Кузнецов». Удивительны судьбы корабельные. Удивительны судьбы людские.

***

После окончания средиземноморской экспедиции Иван Шостак был произведен в капитаны 1 ранга и назначен командиром линейного корабля «Тольская Богородица». Служба у него шла хорошо, и боевому офицеру уже пророчили вскорости контр-адмиральские эполеты. Но судьба распорядилась иначе.

2 октября 1804 года линейный корабль «Тольская Богородица» под командой капитана 1 ранга Шостака отправился с отрядом Балаклавского пехотного полка и с провиантом к берегам Мингрелии, где предполагалось организовать вырубку корабельного леса для нужд черноморских портов. В его сопровождение был выделен бриг «Александр» под командой капитан-лейтенанта Влиито.

По причине встречных ветров плавание было медленным, а из-за находящихся на борту солдат расход продуктов и воды весьма большим. Поэтому Шостак был вынужден зайти для пополнения запасов в местечко Платану на берегу Анатолии, отличавшееся безопасной стоянкой и дешевизной продуктов. В Платане «Тольская Богородица» и «Александр» простояли тринадцать дней. За это время на борт линейного корабля и брига были приняты все необходимые продукты, а питьевые бочки залиты свежей водой. 24 октября плавание было продолжено. 2 декабря «Тольская Богородица» и «Александр» подошли к берегам Мингрелии, став на якорь у устья реки Копи в двух верстах от берега.

Следующая неделя прошла довольно спокойно. Отряд Балаклавского полка был переправлен на берег, туда же свезли 600 четвертей муки и 32 четверти разных круп. Пользуясь возможностью, Шостак решил пополнить запасы воды. Для этого на берег отправили баркасом 68 матросов во главе с лейтенантом Викорстом. Неподалеку от линейного корабля находился и сопровождавший его бриг «Александр», с которого тоже свозили на берег припасы и солдат.

Ничто не предвещало непогоды, однако предусмотрительный и опытный Шостак все же распорядился для уменьшения парусности спустить верхний рангоут. С полуночи 8 декабря ветер, дувший с запада сначала быстро, скоро перешел в самую на-

стоящую бурю. К 6 часам утра линкор уже дрейфовал к берегу, и он оказался на глубине в 4,5 сажени. Затем волнами его стало бить с огромной силой о дно.

Из хроники катастрофы: «8 декабря, после большой зыби от запада, начавшейся еще накануне, сильным штормом с великим волнением и морозом, стало дрейфовать; брошенный, наконец, в буруны корабль был разбиваем и заливаем волнением: фок-мачта и бушприт сломались в самом основании их и упали в воду; вода стала тогда вливаться через бушпритную дыру в нижнюю палубу; бизань-мачта также сломалась; бимсы отошли от бортов. Верхние борта треснули, палубные пазы разошлись, переборки и пиллерсы двигались; в трюме было до половины воды. Хотели было для облегчения срубить грот-мачту, но она сама переломилась и, упав на правую сторону, подняла шканцы на левой стороне, стала бить шкафут и своей тяжестью накренила корабль. Удары волн выбивали еще и пушечные порты».

Вскоре «Тольская Богородица» полностью наполнилась водой и села на дно. Теперь над поверхностью воды оставалась только верхняя палуба, через которую то и дело перекачивались штормовые волны, и каждая из них уносила с собой людей. Видя, что положение безнадежное, капитан 1 ранга Шостак приказал команде спастись кто как может. Сам же с офицерами остался на шканцах гибнущего корабля.

Затем линейный корабль переломился почти посередине на две части. Носовая, удерживаемая якорями, так и осталась на месте, а кормовую потащило дальше к берегу. Сам Шостак с группой офицеров находился на кормовой части. Когда корма наконец остановилась на мелководье, началось разрушение бортов. Вскоре палуба шканцев и юта уже были предоставлены сами себе. Все рушилось на части и ломалось. Люди падали в воду. Многие сразу же погибали от падающих обломков, другие тонули сами, и только некоторые пытались ухватиться за обломки корабля, чтобы с их помощью добраться до берега. Командир не только до самой последней минуты хладнокровно руководил спасением людей, но и как мог их ободрял. Рядом с ним все время катастрофы находился и старший офицер капитан-лейтенант Паниоти. По рассказам уцелевших, героизм среди команды гибнущего линкора был массовым. Как пример приводится подшкипер Померанцев, который отказался оставить корабль, пока его не покинет командир. По счастливой случайности. Померанцев остался в живых. Его полумертвым подобрали в волнах у берега, но сумели вернуть к жизни.

К девяти часам утра 9 декабря все было кончено. От линейного корабля «Тольская Богородица» практически ничего не осталось. Среди спасенных

командира корабля не оказалось. По отзывам очевидцев, в последние минуты своей жизни капитан 1 ранга Шостак находился на обломках шканцев и ободрял бывших с ним рядом офицеров и матросов.

***

Возвращаясь в Россию, Суворов в ожидании возможного возобновления войны задержался в Праге. Однако войны не последовало, и русская армия окончательно двинулось в Россию. В Кракове генералиссимус сдал командование войсками Розенбергу и направился в Санкт-Петербург. В пути он простудился и остановился в своем поместье в Кобрине. Направленный императором к Суворову лейб-медик Вейкарт немного подлечил Суворова, и тот смог продолжить путь. В Петербурге великому полководцу готовилась торжественная встреча. Однако к моменту приезда Суворов вновь попадает в опалу. Повод был самый пустячный. В Италии и в Швейцарии Суворов держал при себе дежурного генерала, что полагалось иметь только императору. На самом деле полководец стал жертвой многоходовых дворцовых интриг. Немилость Павла ухудшила и без того плохое состояние здоровья. В столицу Суворова привезли уже в тяжелом состоянии. Все торжества были также отменены.

Остановился полководец в доме у мужа своей племянницы Хвостова. Между тем Суворову с каждым днем становилось все хуже. Когда к нему, уже умирающему, прибыл любимец императора граф Кутайсов требовать отчета в его действиях, полководец сказал ему:

– Я готовлюсь отдать отчет Богу, а о государе я теперь и думать не желаю!

6 мая во втором часу дня Александр Васильевич Суворов скончался.

Поэт Державин написал на смерть генералиссимуса стихотворение «На смерть Суворова»:

*О вечность! Прекрати твоих шум вечных споров:
Кто превосходней всех героев в свете был?
В святылице твое от нас в сей день вступил
Суворов.*

Великий полководец был похоронен в Нижней Благовещенской церкви Александро-Невской лавры при огромном скоплении народа. На надгробной плите высечена краткая надпись: «Здесь лежит Суворов».

Что касается сподвижников Суворова, то их судьбы сложились по-разному. 34-летний Петр Багратион получил за подвиги в Италии и Альпийский поход шесть орденов. Это стало началом его стремительной карьеры, финалом которой стал подвиг и смертельное ранение при Бородино.

Генерал Милорадович успешно отвоеует еще не одну войну, отличится в боях 1812 года. Станет генерал-губернатором Петербурга. В день мятежа декабристов отважный Милорадович выедет к мятежникам, чтобы уговорить солдат вернуться в казармы, но будет смертельно ранен масоном Каховским. Последней отрадой перед смертью для старого суворовца станет известие, что поразившая его пуля была не ружейной солдатской, а пистолетной офицерской...

Великий князь Константин, несмотря на все усилия отца сделать из него боевого генерала, таковым так и не станет. В начале войны 1812 года за склочность он будет удален от армии. После войны станет наместником Польши. Во время мятежа в Варшаве в 1831 году трусливо бежит, бросив на произвол судьбы верные ему полки, и вскоре умрет от холеры.

Что касается генерала от кавалерии Вильгельма Дерфельдена, то уже во время обратного перехода русских войск он был уволен со службы. С тех пор ветеран постоянно жил в своем имении под Херсоном. Скончался соратник Суворова в сентябре 1819 года, оставив о себе самую добрую память.

Генерала Розенберга вскоре после войны Павел Первый назначил губернатором Каменец-Подольска, затем он управлял Херсонской губернией. Умер Розенберг в 1813 году в своем имении под Каменец-Подольском.

***

Решительно выйдя из коалиции с Англией и Австрией, Павел столь же решительно вступил в союз с Бонапартом. А вскоре Донское казачье войско в полном составе двинулось в свой знаменитый поход в Индию. Вслед за казаками должна была выступить в Индию и французская армия под началом генерала Моро. То, что не удалось Бонапарту довершить в Египте, теперь он надеялся довершить в союзе с Россией. Еще никогда Индия, этот главный бриллиант британской короны, не была в столь смертельной опасности. И Георг Третий, и Вильям Питт прекрасно понимали, что против казаков атамана Платова и гренадеров Бонапарта им не выстоять. Надо было срочно что-то решать, и решение было найдено!

В ночь на 12 марта 1801 года император Павел I был убит заговорщиками. По иронии судьбы, убийство произошло в Михайловском замке – крепости, которая исполняла функции дворца великого магистра Мальтийского ордена.

Историк С. Ф. Платонов писал: «В первом периоде заговора самую видную роль играл вице-канцлер Никита Петрович Панин. В дружбе с английским послом Витвортом и Зубовыми (Платон Зубов – последний фаворит Екатерины Второй. – **В.Ш.**) он

создал круг заговорщиков, имевших целью ввиду душевной болезни Павла создать регентство и вручить его Александру, убедив Павла лечиться. В эти планы, как кажется, Панин вовлек и самого Александра, который никогда не мог этого простить Панину, считая его начальным виновником смерти отца. Раньше, чем заговорщики приготовились действовать, император Павел начал гнать Панина и осенью 1800 года выслал его в подмосковную деревню. Дело замедлилось, но ненадолго».

Охранявшие замок офицеры Преображенского полка предали Павла, а верные рыцари находились в Гатчине. Охрана у спальни оказала лишь слабое сопротивление. Ворвавшись к Павлу, заговорщики предъявили ему указ об аресте, якобы подписанный Александром. Перед лицом смерти Павел вел себя достойно. Последними его словами были: «Властью, данной мне Богом, приказываю...» После чего последовал удар тяжелой табакеркой в висок. Затем, мешая друг другу, заговорщики бросились на императора. На шею ему набросили белый офицерский шарф и задушили. Утром было объявлено, что император скоропостижно скончался от апоплексического удара.

Сегодня хорошо известно, что душой заговора был английский посол Витворт, активно участвовали и члены масонских лож в Петербурге. Имелись среди заговорщиков и просто озлобленные на вспыхнувшего императора офицеры. Замешан в заговоре против отца был и его старший сын Александр, уже на другой день объявленный императором Александром Первым. Никакого следствия по делу об убийстве не проводилось, более того, оно даже не было начато...

После смерти Павла его преемник на троне Александр Первый сразу же исключил символику Мальтийского ордена из государственного герба и печати, а звание великого магистра из императорского титула. Что касается мальтийской короны, то в мае 1801 года она была перенесена в дом капитула Мальтийского ордена, а в 1827 году по приказу императора Николая Первого передана на постоянное хранение в Оружейную палату, где находится и поныне.

Одновременно с этим Александр отменил поход на Индию, а затем, отвергнув союз с Францией, снова примкнул к антифранцузской коалиции. Начинаясь эпоха грандиозных наполеоновских войн.

***

По возвращении в Англию Нельсон был произведен в вице-адмиралы и назначен на пост младшего флагмана Балтийской эскадры, направлявшейся против держав «вооруженного нейтралитета» Дании и России. 2 апреля 1801 года он сжег датский флот в гавани Копенгагена, получив титул виконта. Затем

эскадра Нельсона крейсировала около Ревеля, но так и не решилась его атаковать.

Вся Англия была возмущена откровенным адюльтером Нельсона с леди Гамильтон, которая по возвращении на родину открыто жила с ним. Вскоре у Нельсона и Гамильтон родилась дочь Горация.

В 1803 году, после возобновления войны с Францией, Нельсон возглавил британскую Средиземноморскую эскадру. Два года он гонялся за флотом адмирала Вильнева, уклонявшегося от генерального сражения. Лишь 21 октября 1805 года севернее Гибралтара у мыса Трафальгар он встретился с объединенными силами испано-французского флота и наголову разгромил их. В этом победном для Англии сражении Нельсон был смертельно ранен. Его тело доставили в Лондон и 9 января 1806 года торжественно похоронили в соборе Святого Павла. Вскоре после смерти Нельсона Эмма Гамильтон промотала все состояние, уехала с дочерью во Францию, где спустя несколько лет и умерла, окончательно спившись.

Что касается властолюбивого и жестокого Али-паши Янинского, то в последующие годы он продолжал расширять свои владения и получил титул сераскира Румелии. В 1807 году он снова вступает в союз с Наполеоном, но несколько лет спустя, увидев, что французский император навсегда упустил удачу из рук, берет сторону англичан. В 1819 году с помощью англичан ему все же удается осуществить свою давнюю мечту и захватить Паргу. К 1820 году под властью Али-паши было уже целое государство от залива Дурреса до залива Арта, утвердился Янинский паша и на большей части Пелопоннеса. Европейским дипломатам Али-паша постоянно рассказывал о своей мечте создать свободное и либеральное греческое государство под собственной властью. На деле же продавал подданных тысячами в рабство и по-прежнему складывал из голов пирамиды.

Непомерные амбиции 80-летнего Али-паши наконец надоели султану Махмуду Второму. В Албанию были посланы войска, которые принудили Али сдаться. Сразу после этого его казнили. Голову бывшего владыки Янины и Эпира привезли в Константинополь и выставили напоказ перед сералем.

В литературе история Али-паши Янинского нашла свое отражение в сильно приукрашенном виде в рассказе Гайде из романа Александра Дюма-отца «Граф Монте-Кристо». Александр Дюма написал также и не слишком соответствующую истине беллетризованную биографию Али-паши.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Май 1996 года. Серебристый «боинг», легко оттолкнувшись от бетонки Афинского аэродрома, взмыл в небо. Быстро промелькнули жилые кварта-

лы, бесчисленные бухточки, ощетилившиеся частоколом яхтенных мачт, и вот под нами уже безбрежная голубизна Адриатики.

Мы – это съёмочная группа телепрограммы «Клуб путешественников». Цель нашей поездки в Грецию – остров Корфу и создание цикла фильмов о подвиге наших пращуров на его берегах два века назад.

Корфу открылся внезапно: густо-зеленая россыпь гор, окруженная белым кружевом прибоя. Сделав круг над островом, самолет пошел на посадку. Даже в иллюминатор видно, как мал наш аэродром, искусственно насыпанный в одной из лагун. Уже позднее мы узнали, что взлетная полоса упирается прямо в автомагистраль, поэтому на время посадки и взлетов самолетов движение по ней перекрывается, как на обычном железнодорожном переезде.

На фронтоне здания аэровокзала большая надпись: «Аэродром имени Каподистрии». Это первая приятная неожиданность, ведь уроженец Корфу граф Иоанн Каподистрия – президент независимой Греции. Он долгое время был министром иностранных дел России и одним из инициаторов похода эскадры контр-адмирала Гейдена к берегам Пелопоннеса в 1827 году, венцом которого стала знаменитая Наваринская битва.

Для нас, россиян, и остров, и город – это, прежде всего, место, навечно связанное с адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым и его сподвижниками. Название Корфу – венецианское, греки именуют его Керкира – то есть серп. Керкирой они зовут и единственный городок острова.

К нашему сожалению, мы скоро убеждаемся, что корфиоты в большинстве своем мало что помнят о далеких временах 1799 года. Интерес к подвигам русских моряков, к личности Ушакова только начинает возрождаться. Первая причина тому – обострение греко-турецких отношений и, как следствие этого, желание сблизиться с единой Россией. Вторая – стремление привлечь как можно больше русских туристов, интересующихся не только днем сегодняшним, но и вчерашним.

Попытка выяснить, есть ли на острове исторический музей, где можно было бы найти хоть что-то о событиях 1799 года, закончилась неудачей.

Такого музея на Корфу просто не оказалось. Сопровождавший нас представитель министерства туризма виновато заметил: «История острова столь древняя и столь богата событиями, что до XVIII века еще не добрались. Зато есть прекрасный археологический музей».

Музей археологии и вправду был впечатляющ. И это неслучайно, ведь история Корфу уходит корнями в глубокую старину. Первым упомянул об острове еще Гомер в своей знаменитой «Одиссее». Именно на острове Феаков (так в древности именовали Корфу) сделал свою последнюю остановку перед воз-

вращением на родину, в Итаку, легендарный Одиссей. Именно здесь, согласно легенде, царь фиакров Алоконис дал герою свой корабль, который был превращен разгневанным Нептуном в каменную скалу Понтиканиссы у берега.

И как здесь не вспомнить, что самой дальней точкой плавания Одиссея была Балаклавская бухта, описанная Гомером как бухта лестригонов, на берегу которой ныне стоит Севастополь. Спустя тысячелетия путем Одиссея от Севастополя до Корфу пройдут моряки вице-адмирала Ушакова. Их путь будет не менее славен, а подвиг доблестен!

Небольшое местечко Гуви – это район Керкиры с прекрасным яхт-клубом. Рядом на песчаном пляже в эллингах строящиеся яхты. Когда-то именно русские моряки основали здесь небольшую верфь, чтобы чинить свои поврежденные при штурме острова корабли. Именно здесь, в рыбацкой Гуви, Ушаков развернул тыловую базу своей эскадры.

Затем, как известно, бои развернулись за окружающие город форты Сан-Сальвадор, Сан-Авраам, Сан-Роко. От первых двух ныне не осталось вообще ничего, а в честь третьего лишь название городского квартала.

Разумеется, что, находясь на Корфу, мы нашли время и посетили Видо. Ныне пальмы и скалистые берега придают Видо неповторимую красоту. У причала дом, рядом на мачте греческий государственный флаг. Встречал нас комендант острова Георгин Тампанерос – крепкий седоусый грек. В годы Второй мировой войны Тампанерос, будучи еще подростком, сражался в греческом Сопротивлении.

Вместе с ним мы подняли на флагштоке Андреевский флаг, привезенный мною из Москвы.

Глядя на развевающиеся на ветру полотнища, вспоминалась легенда: когда первый греческий президент граф Каподистрия обдумывал цвета государственного флага Греции, за основу взял цвета столь близкого ему по духу флага Андреевского...

В южной части Видо среди сосновой рощи на берегу моря стоит мемориал павшим сербским воинам. Именно здесь в 1915 году были собраны остатки отступившей сербской армии. Старые раны, болезни и тяжелые условия жизни косили людей сотнями. Будучи не в силах даже закапывать павших товарищей, сербские солдаты сбрасывали их тела в море. С тех пор одна из бухт Видо так и зовется – Лагуна – голубая смерть.

Вдали у причалов городского порта хорошо видны зашедшие на Корфу фрегаты НАТО. Они приходят в здешнюю гавань пополнить запасы. День прошлый и день настоящий...

В дальнем конце Видо находятся развалины старинного форта. Вокруг заросли травы в человеческий рост. В траве голосят дикие петухи.

– Мы зовем это укрепление Русской крепостью, – рассказывает Тампанерос.

– Откуда такое название?

– Не знаю, но так звал ее еще мой дед.

Сверяюсь с картой штурма Корфу. Вне всяких сомнений, именно здесь стояли французские пушки и именно здесь высаживались наши моряки. Спускаемся во внутренние помещения по длинному узкому ходу. Все содержится в идеальной чистоте, нет ни несурзных надписей, ни мусора. Сквозь узкие бойницы бьют солнечные лучи. Внизу хорошо видна белая пена прибоя. Надо совсем немного воображения, чтобы представить, как там, у среза воды, бежали вперед со штыками наперевес русские матросы, как бросались они на приступ почти отвесных скал, осыпаемые пулями и картечью, чтобы преодолеть все это, победить, чтобы в честь их небывалого подвига старинная, еще венецианская крепость была названа местными жителями Русской.

Мы возвращаемся в город к Старой крепости. И сейчас ее отделяет от центральной городской площади глубочайший ров. И по сей день вид цитадели грозен. В углу крепостного двора грудой ржавого металла свалены пушечные стволы как своеобразный апофеоз войны. Даже сегодня нелегко подняться на вершину горы, возвышающейся над крепостью. Но тот, кто все же поднимется, не пожалеет о затраченных усилиях. Открывающийся сверху вид прекрасен. Раскинувшийся под ногами город, зеленые холмы острова, голубое прозрачное море, далекий берег Албании и над всем этим бездонное южное небо.

Мы встретились с директором крепости, и он заверил нас, что, конечно же, там будет установлен памятник и русским морякам.

У подножия крепостной стены бились в пенном прибое волны, паря над ними, пронзительно кричали чайки. Так же все было здесь и тогда, двести лет назад, когда русские моряки с кремневыми ружьями наперевес шли на приступ этих стен. Как коротка человеческая жизнь, как вечен гранит и вечно море. И все же есть то, что нзыблемо от начала времен, – это память о подвигах предков.

...Всюду на острове мы ищем следы пребывания ушаковских моряков и находим их в самых неожиданных, казалось бы, местах.

Вот курортное местечко Керкиры, именуемое в народе Канони. С высокого обрыва открывается удивительный вид на живописную бухту. Внезапно мы замечаем стоящее у обрыва старинное орудие. Первого же взгляда достаточно, чтобы понять: перед нами корабельная пушка XVIII-XIX веков. Когда же подходим ближе, удивлению нет предела: на стволе четко виден двуглавый орел, с короной, булавой и скипетром. Здравствуй, старый ушаковский товарищ! Нагретый солнцем ствол орудия обжигает горяч, он белесый от соли морской или от высохших слез тоски по далекому Севастополю...

– Эта пушка стоит здесь очень давно, – поясняет хозяин близлежащего бара. – В честь ее и место это названо.

Наш гид кивает головой:

– По-гречески «канони» и означает «пушка»!

Что же, неплохо, видимо, в свое время потрудились на этой земле наша соотечественница, если в ее честь назван самый красивый из городских районов.

Еще одну русскую пушку позднее мы нашли на другом конце острова у входа в горный монастырь Святой Богородицы Полекастра. Монастырь расположен на вершине огромной скалы, буквально нависающей над морем. Сюда когда-то приезжал на молебен и сам Ушаков.

В гостях у архиепископа Корфу отца Тимофея нам перевели надпись, висящую над входной дверью: «Не бывает лучшего друга, чем враг, которому ты помог». Сам архиепископ часто бывает в Москве, а поэтому немного говорит по-русски.

– Я помню и чту Ушакова! – говорит отец Тимофей. – Я знаю, что на склоне лет он принял монашеский постриг. У нас же на Корфу он каждый день молился в церкви Спиридония за греческий народ. Ушаков был великим воином и великим праведником, а потому память о нем надо сделать воистину священной!

В Керкире мы нашли и улицу адмирала Ушакова. Она не слишком фешенебельна и широка. Но в этом ли дело! Главное, что она – еще одна частичка памяти о русском флотоводце.

К России и русским на Корфу и сегодня отношение самое благожелательное и дружеское, а потому на приеме у губернатора острова мы быстро приходим к мнению, что непременно необходимо установить в Керкире мемориальную доску в честь подвига Ушакова и его соратников. Пройдет несколько лет, и это обещание будет выполнено. Ныне на острове стоит достойный памятник Федору Федоровичу Ушакову, человеку, который отныне стал не только освободителем, но и очень почитаемым греками святым.

...Мы покидаем Корфу-Керкиру. Из иллюминатора самолета остров действительно напоминает брошенный в море гигантский серп или натянутый лук. До свидания, Корфу, – великое место русской славы на греческой земле!

